

ТВЕРСКИЕ ГОВОРЫ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Тверской государственный университет

ТВЕРСКИЕ ГОВОРЫ
В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Тверь 2008

УДК 808.2-087
ББК Ш 141. 12-51
П 78

Главный редактор:
доктор филологических наук Т.В. Кириллова
Ответственный редактор:
кандидат филологических наук Л.Н. Новикова

Авторы-составители: доктор филологических наук Т.В. Кириллова, кандидаты филологических наук Л.Н. Новикова, Т.В. Габлина, Е.В. Николаева, ассистенты М.Е. Щербакова, М.В. Николаева (Чернышева).

Рецензенты:

доктор филологических наук Л.Я. Костючук
(Псковский государственный институт им. Кирова)

кандидат филологических наук Н.С. Ганцовская
(Костромской государственный университет)

Л.Н. Новикова

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ТВЕРСКИХ ГОВОРОВ

Диалектологическая карта современной Тверской области отличается сложностью диалектных группировок: центральную часть области занимают среднерусские Селигеро-Торжковские говоры и говоры Калининской подгруппы Владимирско-Поволжской группы, представляющие собой межзональные объединения, характеризующиеся отсутствием комплекса только им присущих диалектных черт. Другими лингво-территориальными регионами являются севернорусские говоры, расположенные на северо-востоке области (севернее линии Бежецк-Калязин), и южнорусские говоры Верхне-Днепровской группы (юго-запад области). Такой сложный лингвистический ландшафт Тверского края, сложившийся исторически, постоянно привлекал к себе внимание исследователей.

Наибольший интерес к тверским говорам появляется на рубеже XIX-XX вв., когда с организацией Московской диалектологической комиссии (МДК) началось изучение русских народных говоров – с целью их классификации и создания диалектологической карты восточнославянских языков. Тверские говоры были обследованы А.С. Мадуевым, Н.Н. Соколовым, В.И. Чернышевым, И.Т. Смирновым[1]. Их публикации в виде очерков и заметок отмечали черты, наиболее важные для характеристики тверских говоров: типы безударного вокализма и границы их распространения, характер редукции безударных гласных, в консонантизме говоров – виды цоканья, дзеканья, шепелявость переднеязычных согласных, особенности функционирования губных согласных; записывались слова, отражающие материальную и духовную культуру носителей тверских диалектов.

Говоры юго-западной части Тверской области в 20-х гг. были в центре внимания таких исследователей, как Е.Ф. Карский, Н.П. Гринкова, В.М. Попов[2]. Их работы уточняли статус тверских говоров в русско-белорусском пограничье.

С организацией кафедры русского языка в Тверском педагогическом институте диалектологическую работу возглавил профессор Н.М. Каринский. С именем члена-корреспон-дента АН СССР Николая Михайловича Каринского связан целый этап в изучении тверских говоров. Он был организатором диалектиче-

ской работы в Тверском педагогическом институте с 1925 по 1933г. Н.М. Каринский читал курс русской диалектологии, вел специальный семинар по диалектологии и организовал диалектологический кружок, кроме того, он руководил рядом диалектологических экспедиций 1927, 1928, 1929, I931 гг.

Сын известного русского ученого, доктора философии, профессора М.И. Каринского, Н.М. Каринский родился 23 марта 1873 г. в Петербурге. Учился он в 7-й петербургской гимназии, которую окончил в 1892 г., и на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета (1892-1896). Ученик академика А.И. Соболевского, Н.М. Каринский, еще будучи студентом, вел научную работу (был премирован серебряной медалью Географического общества за первую печатную работу, посвященную наблюдениям над говором Костромской губернии) и был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. В 1909 г. он успешно защитил магистерскую диссертацию. В 1921г. Н.М. Каринский был избран членом-корреспондентом Академии наук.

Многосторонняя деятельность Н.М. Каринского как лингвиста характеризуется значительными его достижениями в различных областях языкознания, прежде всего в области истории русского языка и диалектологии, а также в области славянорусской палеографии. Во многих исследованиях Н.М. Каринского сочетаются интересы лингвиста и палеографа, историка языка и диалектолога. Характеристика языка памятников письменности зачастую пронизывается у него данными живых народных говоров, а описание и анализ говоров производится обязательно с точки зрения их исторического возникновения и развития, их отношения к разным этапам формирования литературного языка, к этнографическим особенностям изучаемой территории. Как историк языка Н.М. Каринский известен прежде всего исследованием языка Остромирова Евангелия и памятников Псковской письменности XIII-XVI вв.

Как палеограф он может быть поставлен в один ряд с такими учеными, как А.И. Соболевский, Е.Ф. Карский, Б.Н. Щепкин. Под наблюдением Н.М. Каринского была издана «Повесть временных лет» по Лаврентьевскому списку, подготовлены палеографические альбомы «Образцы глаголицы» (1908) и «Образцы письма древнейшего периода истории русской книги» (1925).

В Тверском пединституте Н.М. Каринский начал преподавать в один из самых плодотворных периодов своей жизни. Широкий диапазон деятельности характеризует этот период. В Москве он работает в Историческом музее в качестве ученого специалиста, по Отделу крестьянского быта и председателя Этнографической комиссии, в Институте языка и литературы РАНИОН, в Институте искусствоведения и археологии, в Институте языкознания. С 1933 г. Николай Михайлович был председателем Московской диалектологической комиссии Института языка и мышления АН СССР.

Период работы в Твери совпал со временем появления новых тенденций в изучении языка. Конец 20-х и начало 30-х гг. характеризовались исследованием языка как явления социального, исторически обусловленного; изучались проблемы происхождения языка, характеристики единого глоттогонического процесса. Это было время бурных дискуссий, острой полемики между лингвистами старшего и молодого поколений.

Хотя Н.М. Каринский принадлежал к дореволюционной школе лингвистов-диалектологов, он пытался порвать в методологическом отношении с некоторыми устаревшими ее традициями, например с формализмом и односторонностью в описании говоров. По его мысли, говоры надо изучать не только с точки зрения констатации наличия и отсутствия в них тех или иных характерных черт в фонетике, морфологии, но и с точки зрения социальной. Он видел в говоре какого-либо населенного пункта несколько пластов, различия между которыми обусловливались социальными причинами: занятиями населения, исторически сложившимися и впоследствии менявшимися производственными отношениями, принадлежностью носителя говора к разным группам: по социальному положению (зажиточные крестьяне, бедняки, отхожие работники), по образовательному цензу, по возрасту, по полу.

Работа Н.М. Каринского в Тверском пединституте характеризовалась поисками новых методов в организации диалектологических наблюдений и изучением языковых процессов, происходящих в современных говорах. Территория экспедиций выбиралась в соответствии с интересовавшими его проблемами: районы р.Волхов и оз.Ильмень, представляющие интерес в историческом отношении, а также Тверская область, расположенная на стыке разных говоров.

Под руководством профессора Н.М. Каринского были изучены говоры б.Васильевского и Белекушальского районов Тверского уезда (в 15 км к северу и северо-востоку от Твери). Экспедиции были организованы в период с 1927 по 1929 г. Первая состоялась в июне 1927 г. и включала 11 участников, вторая – в апреле 1928 г. преимущественно для собирания фонографических материалов, в ней участвовали всего 3 человека. Третья – в конце февраля 1929 г. – состояла из 6 человек. В экспедициях принимали участие следующие лица: аспирант РАНИОН Е.Н. Риттер, лаборанты Тверского пединститута Фессалоницкий, Н.А. Виноградов, студенты-выдвиженцы Тверского института О.А. Архангельская, Р.Р. Гельгардт и И.П. Федорова, студенты Антонова, Капустина, Беляева, Чернягина, Соболев, Федотова, Пашкеева и Качурина. Студент Эленгорн в первой экспедиции сделал необходимые фотоснимки. Н.М. Каринский отмечает большой интерес, который проявлял Тверской пединститут к исследованиям по социальной диалектологии, создавая благоприятные условия для работы. Были обследованы говоры сел Васильевского и Михайловского и близлежащих деревень: Орудово, Яковлево, Стрельниково, Жорновка (васильевские говоры). Данные по говорам Васильевской группы нашли свое отражение в известной работе «Очерки из области русской диалектологии»[3]. Материалы по говорам Белекушальского района остались необработанными и хранятся в архиве АН СССР[4].

В работе «Очерки из области русской диалектологии» Н.М. Каринским была поставлена задача объяснить зависимость обособленности говоров и характера их эволюции в фонетических и морфологических чертах от экономических и культурно-общественных условий жизни населения. Н.М. Каринский считал особенно продуктивным изучение говоров в местах столкновения двух или нескольких диалектологических групп на территории русского языка (Васильевская группа находится на границе оканья и аканья). Наблюдения над говорами в таких местах, считает автор, имеют большие преимущества. Во-первых, в условиях столкновения диалектов, вследствие взаимного влияния, говоры быстро изменяются на глазах живущего поколения, поэтому представляется возможность определить причины изменений и образования новых говоров в результате смешения столкнувшихся диалектов. Во-вторых, в этих случаях легче уяснить систему

говора в ее динамике. В-третьих, возможно наблюдать в известной степени самый процесс смешения, большую или меньшую наклонность разных групп населения к приближению своей речи в сторону той или иной диалектной группы. Н.М. Каринский большое внимание уделяет изучению быта и жизни населения. Вот что он пишет о влиянии быта и занятий жителей этих сел на изменение говора: «Жители этих селений, как подгородние, имеют тесные связи с Тверью: некоторые из них исстари бывают в городе по делам кузнечного своего производства (это преимущественно крестьяне – посредники между кустарями и скупщиками), другие торгуют на базаре продуктами молочного хозяйства и пр. Васильевская группа с трех сторон – юга, запада и юго-востока (с востока небольшое болото, отделяющее эти деревни от других поселений) – граничит с акающими говорами. И тем не менее Васильевское стойко сохраняло некоторые черты иной культуры и особенно языка в продолжение нескольких столетий»[5]. По мнению Н.М. Каринского, кустарный кузнечный промысел, долго сохранявшийся в Васильевском, создал условия жизни, в силу которых эта группа в экономическом и культурно-общественном отношениях должна была обособиться от соседних селений, что отразилось на эволюции говора, точнее, это явилось причиной сохранения многих особенностей окающе-цокающего говора.

Описывая и привлекая большой фактический материал, Н.М. Каринский показывает достаточно объективную картину состояния Васильевских говоров к концу 20-х гг. В начале XX в. говоры исследуемого региона уже недостаточно последовательно сохраняли основной принцип севернорусского безударного вокализма – оканье (различение гласных неверхнего подъема во всех безударных слогах). Он нарушался прежде всего в заударных слогах, где отмечены случаи редукции даже у лиц старшего поколения, а также редкие случаи редукции <u>о</u> и <u>а</u> во втором предударном слоге. Это свидетельствует о начавшемся процессе изменения прежней системы. Относительно фонем /е/ и /о/ Н.М. Каринский особых теоретических обобщений не дает. Но проанализировав фонографические записи текстов информантов, можно сделать вывод, что в начале века этих фонем в Васильевских говорах уже не было. Ударный вокализм характеризовался одной особенностью: переходом /е/ (из [ь], [е], [Ѣ]) в /и/ перед мягкими согласными:

[д'ин'г'и], [в'ит'ьр]. Вокализм после мягких согласных определялся как ёкающий, причем звук [о] произносился в соответствии с /е/ (из [ь], [е],[Ъ]). Редкие случаи яканья не нарушали общей ёкающей системы. Специфической чертой безударного вокализма Васильевских говоров явилась лабиализация начального [о]: [уп'ат], [уд'еваца] и т.д.

На уровне согласных Н.М. Каринский отметил следующие особенности: 1) цоканье (мягкое); 2) шепелявость ([с'] , [з']); 3) цеканье и дзеканье [т'$^{с'}$], [д'$^{з'}$]; 4) долгие шипящие [ш] и [ж] либо тверды, либо полумягки; 5) губные согласные в конце слов – твердые: [кроф], [с'ем], [голуп] ; 6) ассимиляция группы согласных [дн] – [н]: [лано], [вино], [об'ино]; 7) отпадение согласных [т] и [т'] на конце слов [хвос], [йес'], [в'орс].

Н.М. Каринский отметил и основные морфологические особенности васильевских говоров.

В 20-х гг. в распределении существительных по трем родам наблюдалось отклонение от литературной нормы: некоторые существительные среднего рода функционировали в женском роде (эта училища, свою дитю, в гумну); регулярно использовались формы на *-у* существительных мужского рода второго типа склонения в родительном падеже ед.ч. (с вагону, нет звону, из-за лесу, проку нет); широкое распространение получили флексии *-ов -ев* в формах родительного падежа мн.ч. существительных женского и среднего рода (башнеф, избоф, банеф, делоф, местоф); преимущественно использовались стяженные формы имен прилагательных и глаголов (глиняна посуда, цельну неделю, пуховы шапки; покаташ, работат, ломам, умет, делате).

Белекушальские говоры обследовались в 1928 г. В этой экспедиции был исследован район по течению реки Орши и ее окрестностей, 18 селений: Романово, Бочарниково, Борисово, Пугасово, Сбыни, Денисово, Пантелеево, Погорельцы, Беле-Кушальское, Козлово, Новая Слобода, Панино, Тестово и др. Указанные населенные пункты находятся к востоку от Васильевского и отделены от последнего болотистым местом в несколько километров шириною, из чего Н.М. Каринский делает вывод, что сношения Белекушальского района с Васильевским невелики.

Поиски путей материалистического объяснения языковых процессов отразились и в этих архивных материалах. Н.М. Каринский делает вывод, что некогда указанные говоры были вполне сходны по своему характеру с васильевскими. Но уже к 20-м гг. говоры стали сильно смешанными, чему способствовали контакты с акающими говорами через снох, взятых из разных местностей (в отличие от Васильевских жителей, которые с осторожностью брали в жены женщин из других селений). Н.М. Каринский пишет буквально следующее: «Исчезновение кузнечного промысла в этих деревнях и отсутствие работы баб в кузницах поставило эти местности в иные экономические условия по вопросам заключения браков, почему и племенной состав семьи, а поэтому и говор оказались смешанными. Этот факт подтверждает наши выводы о причинах консервативности говора села Васильевского»[6].

Самой крупной и значительной в плане социолингвистического исследования говоров является работа Н.М. Каринского «Очерки языка русских крестьян. Говор деревни Ванилово»[7]. Социально обусловленная дифференциация говора деревни Ванилово – центральная тема этой книги. Н.М. Каринский не только называет и характеризует те социальные разновидности, которые наличествуют и взаимодействуют в говоре, но и видит в социальной дифференциации основу правильного понимания и решения вопросов, связанных с процессами дальнейшего развития говоров на путях их сближения с литературным языком.

Н.М. Каринский устанавливает в исследуемом говоре деревни Ванилово три основных социальных диалекта: 1) диалект архаический, наиболее близкий к языку Ванилово, как он наблюдался в 1903 г.; 2) диалект передовой, наиболее приближающийся к современному литературному языку; 3) промежуточные языковые группы"[8].

Н.М. Каринский подчеркивает, что эти три «диалекта» носят собственно социальный, а не чисто возрастной характер. В общетеоретическом плане важной является постановка вопроса о том, как соотносится территориальное членение говоров с членением социальным в связи с теми процессами, которые происходили и происходят в диалектах.

Многое из того, о чем говорилось выше, подверглось критике в последующие годы, но «Н.М. Каринский – один из пионеров

лингвистического направления, которое в настоящее время носит название социолингвистики. Его имя стоит в ряду таких языковедов 20-30-х гг., как Л.П. Якубинский, В.М. Жирмунский, Е.Д. Поливанов и др. Поиски путей материалистического объяснения языковых процессов не обходились без ошибок, но в целом вклад названных лингвистов в советское языкознание нужно оценить как высоко положительный»[9].

В 30-е гг. началось массовое, систематическое изучение русских народных говоров под общим руководством Института языкознания АН СССР с целью составления диалектологического атласа русского языка (ДАРЯ). Работу по обследованию тверских говоров возглавил С.А. Копорский, заведующий кафедрой русского языка, один из ведущих учёных-диалектологов нашей страны. Под руководством С.А. Копорского были проведены все научные диалектологические экспедиции в 1935-1953.гг. Первые экспедиции студентов под. руководством С.А. Копорского были посвящены изучению тверских говоров Осташковского и соседних с ним районов для «Лингвистического атласа района озера Селигер» – первого опыта картографирования, диалектного материала в виде карт атласа[10].

Собранный и глубоко осмысленный фактический материал дал возможность С.А. Копорскому изучить типологию диалектных черт, историю их формирования в среднерусских говорах, наметить основные процессы, происходящие в современных диалектах в условиях взаимодействия этих говоров с литературным языком и другими диалектами. Все эти вопросы нашли свое решение в монографии «Архаические говоры Осташковского района Калининской области»[11], получившей высокую оценку в лингвистическом мире. Так, П.С. Кузнецов писал: «Несмотря на то, что уже давно обращено внимание на важность изучения переходных средневеликорусских говоров, они изучены еще недостаточно. Между тем сложность их взаимоотношений, различные пути их образования, различные для разных участков средневеликорусской территории отношения северно-великорусских, южновеликорусских и белорусских элементов показывают, какую ценность для русской диалектологии представляет детальное изучение отдельных переходных говоров. К таким говорам принадлежат и осташковские. Поэтому такую работу, как статья С.А. Копорского, можно только приветствовать, особенно пото-

му, что эта работа выполнена человеком, обладающим хорошей лингвистической подготовкой, наблюдательностью, умением обобщить различные явления»[12]. К этому интересному исследованию примыкает и другая работа С.А. Копорского «Цоканье в Калининской области»[13]. Используя свои наблюдения, материалы научных диалектологических экспедиций, контакты со студентами-заочниками, а также свои связи с учителями-словесниками школ Калининской области, С.А. Копорский, используя активный метод наблюдений, представил полную картину распространения цоканья и его разновидностей на территории Калининской области в середине XX в., установив, что в недалеком прошлом этот регион был сплошь цокающим, а в современном состоянии цоканье сохранилось или в отдельных говорах, или только в виде остатков и следов, которые и нашли отражение на карте.

В послевоенные годы обследование русских народных говоров для ДАРЯ получило массовый характер: в эту работу включились все филологические коллективы высших учебных заведений. Под руководством С.А. Копорского в период с 1946 по 1953 г. в Калининской области было обследовано свыше 300 населенных пунктов по единой программе, состав ленной Институтом русского языка АН СССР[14]. Материалы по калининским говорам, собранные студентами, аспирантами и преподавателями кафедры русского языка, вошли в. «Атлас русских говоров центральных областей к западу от Москвы» и в «Атлас русских говоров центральных областей к северу От Москвы», в которых были четко представлены границы (изоглоссы) фонетических, грамматических и лексико-семантических особенностей диалектов, что дало возможность диалектологическому коллективу Института русского языка АН СССР по данным лингвистической географии представить новейшее диалектное членение русского языка[15], уточнив те диалектные границы, которые были установлены Московской диалектологической комиссией. Диалектологические экспедиции под руководством С.А. Копорского, увлеченного и страстного диалектолога, историка русского языка, были настоящей лингвистической школой для всех его учеников и последователей его творческого метода.

В процессе изучения калининских (тверских) говоров для ДАРЯ и в результате углубленного их анализа в 50-е гг. появились монографические исследования по диалектологии и истории

русского языка, выполненные под руководством С.А. Копорского его учениками-аспиранта-ми: Т.В. Кирилловой, Г.П. Ухановым, А.Н. Мирославской, В.А. Флоровской, В.П. Строговой, Р.В. Туркиной, В.П. Куликовой, Л.И. Виноградовой, М.В. Сыромлей и др. Так, в диссертации В.А. Флоровской «Лексика говоров Старицкого района Калининской области» решалась актуальная проблема отношения диалекта к общенародному языку, устанавливались особенности функционирования в говоре диалектных и общенародных слов. В.П. Строгова в исследовании «Лексика говоров по течению реки Меты (Вологовский и Удомельский районы Калининской области)» показала связь современной диалектной лексики с лексикой, отраженной в памятниках древней новгородской письменности, а также изменения в лексико-семантической системе говоров на протяжении их истории. В диссертации Т.В. Кирилловой «Народные говоры Калининского района Калининской области» были установлены основные диалектные различия между западными и восточными среднерусскими говорами на территории Калининской области, показана типология и характер конфигурации: диалектных границ, отражающих сложную историю тверских говоров. Диалектному словообразованию посвящена диссертация М.В. Сыромли «Суффиксальное словообразование имен существительных (на материале тверских говоров середины XIX века)», в которой представлена типология формантов и их связь с лексико-семантическими группами имен существительных в тверских диалектах и другие вопросы, актуальные для изучения диалектного словообразования. Работа Л.И. Виноградовой «Говоры Кимрского района Калининской области» посвящена изучению диалектных различий внутри кимрских говоров, обусловленных как междиалектными контактами, так и тесной связью этих говоров с историко-экономическим развитием края. К указанным работам примыкает диссертация И.Я. Кудрявцевой «Говор Завидовского района Калининской области», в которой были установлены и описаны изменения на разных уровнях диалектной системы (в фонетике, грамматике и лексике), вызванные влиянием на говор литературного языка. Таким образом, на протяжении 50-х гг. монографическому изучению подверглись говоры восьми районов Калининской области: Осташковского и Торопецкого, Калининского и Старицкого, Бологовского и Удомельского, Кимрского и Завидовского.

В истории изучения говоров Тверского края отражается история самой науки диалектологии, перед которой в разное время выдвигались различные цели и задачи. Именно поэтому с конца 50-х и в течение 60-х гг., когда закончился сбор материалов для ДАРЯ, начался новый этап в изучении русских народных говоров, связанный с развитием диалектной лексикографии. Собирание лексических материалов и создание, областных словарей различных групп говоров было признано основной задачей диалектологии на Втором Всесоюзном координационном совещании при Институте языкознания АН СССР в 1955 г. и на V диалектологическом совещании в 1950 г. Научные диалектологические экспедиции в 60-е гг. были посвящены сбору и изучению лексики тверских говоров и проводились почти во всех районах области. Большую помощь в сборе материалов оказывали студенты-заочники, описывая местные говоры в качестве контрольной работы по диалектологии по «Программе собирания материалов для изучения словарного состава местных говоров», составленной профессором Г.Г. Мельниченко (Ярославль, 1959). Лексическая картотека кабинета русского языка за этот период активно пополнялась новыми материалами: к концу 60-х гг. были обследованы говоры почти всех районов Калининской области, и это дало возможность творческому коллективу кафедры под руководством Т.В. Кирилловой приступить к созданию областного тверского словаря. В 1972 г. был издан «Опыт словаря говоров Калининской области» (Т.В. Кириллова, Н.С. Бондарчук, В.П. Куликова, А.А. Белова), в котором была зафиксирована тверская диалектная лексика, собранная за последние 40 лет (1927-1967). К словарю были приложены словники, сопоставлявшие синхронную систему лексики с отражением ее в лексикографических источниках дореволюционного периода: первый словник содержал слова, зафиксированные в тверских говорах середины XX в., но отсутствующие в «Толковом словаре живого великорусского словаря» В.И. Даля, второй – тверские слова, извлеченные не только из словаря В.И. Даля, но и из «Опыта областного великорусского словаря» и «Дополнения к Опыту областного великорусского словаря» и сохраняющиеся в современных тверских говорах. Эти справочные материалы дали возможность представить диалектную лексику в диахроническом аспекте и установить степень вхождения тверской лексики в общенародное употребление.

Во время диалектологических экспедиций были записаны с помощью магнитофона и ручным способом многочисленные образцы диалектной речи, которые были объединены в хрестоматию «Народные говоры Калининской области», составленную Т.В. Кирилловой и А.А. Беловой (Калинин, 1971). Хрестоматия, объединившая свыше 100 текстов, отражающих все диалектные группы в Тверской области, является хорошим подспорьем для научного изучения тверских говоров и для практических занятий по диалектологии со студентами.

Пополнение лексической картотеки продолжалось и в последующие периоды, в частности в 70-е гг., когда русские народные говоры, в том числе и тверские, стали предметом изучения в связи с составлением общеславянского лингвистического атласа (ОЛА), охватывающего все славянские языки и диалекты в Европе. На территории Калининской области в соответствии с сеткой ОЛА и по единой программе[16] были проведены научные экспедиции в следующие районы: Бежецкий (руков. Л.Е. Осипова), Кашинский (руков. Н.С. Бондарчук и Т.В. Кириллова), Тургиновский (руков. Н.С. Бондарчук и Т.В. Кириллова), Рамешковский (Г.П. Снетова и Т.В. Кириллова), Вышневолоцкий (Л.Е. Осипова и Т.В. Кириллова), Максатихинский (руков. Н.Ю. Меркулов), Молоковский (руков. Г.П. Снетова и Т.В. Кириллова), Калязинский (руков. Т.В. Кириллова и Н.С. Бондарчук), Осташковский (руков. Н.Ю. Меркулов), Оленинский (руков. Г.В. Бырдина, Т.В. Кириллова), Пеновский (руков. Н.Ю. Меркулов), Конаковский (руков. Р.Д. Кузнецова). В 1974 г. Н.Ю. Меркулов защитил кандидатскую диссертацию «Лексика рыбаков озера Селигер», в которой дан семантический анализ рыболовецкой лексики, установлена степень ее древности и определены географические связи селигерской (осташковской) лексики с лексикой других диалектов русского и других славянских языков.

Следует отметить, что целью многих экспедиций было не только собирание лексики, но и изучение других сторон диалектных систем или их фрагментов. Так, фонетика говоров Калининской области глубоко изучалась Т.В. Кирилловой: был показан сложный процесс развития вокализма в связи с общими закономерностями развития звукового строя русского языка, выявлялись вариативные звенья в диалектах, свидетельствующие о динамике говоров, о процессах, происходящих в современном гово-

ре как в результате спонтанного их развития, так и под влиянием междиалектных и диалектно-литератур-ных контактов[17].

В калининских говорах с различной структурой установлены типы изменений вокалических систем и выявлены причины этих изменений. Все эти сложные проблемы получили отражение в докторской диссертации Т.В. Кирилловой «Динамика диалектного вокализма в советский период: на материале говоров Калининской области» (М., 1960). Фонетике владимирско-поволжских говоров, входящих в Калининскую подгруппу среднерусских говоров, посвящена также работа Т.В. Кирилловой и Л.Н. Новиковой «Активные процессы в фонетике современных народных говоров» (Калинин, 1988), в которой описаны типы говоров на территории Калининской области, динамика безударного вокализма которых отражает различные стадии перехода от севернорусского принципа организации вокализма (оканья) к южнорусскому (аканью). В диссертации Л.Н. Новиковой «Особенности современного состояния фонетической системы среднерусских говоров. На материале Калининской подгруппы» (Саратов, 1990), установлен характер изменений конкретной диалектной системы на уровне вокализма и консонантизма, описаны основные динамические процессы в говорах к востоку от Твери путем сопоставления результатов современного обследования этих говоров с их предшествующим состоянием, зафиксированным в трудах различных исследователей, и в частности Н.М. Каринского. Южнорусские говоры Тверской области и их взаимодействие с соседними среднерусскими на фонетическом уровне были описаны Т.В. Кирилловой и продолжают быть в центре внимания Е.В. Николаевой (Лебедик), которая, анализируя говоры Оленинского района, также сопоставляет их более ранние фиксации с современным состоянием и устанавливает степень устойчивости диалектных особенностей[18].

Вопросам словообразования в тверских говорах посвящены названная выше диссертация М.В. Сыромли и статья А.А. Беловой «Из наблюдений над словообразованием в говоре села Каблуково Калининского района Калининской области», в которой автор исследует специфику имен существительных с суффиксом -ИХ (-а) в словообразовательном и семантическом аспектах, а также статьи Т.В. Кирилловой «Имена существительные с приставкой ПРИ- в тверских говорах», «Аффиксальное гнездо имен

существительных с приставкой ПОД- в среднерусских говорах», посвященные особенностям диалектного словообразования в сравнении с словообразованием в литературном языке[19].

Новым этапом в организации диалектологических экспедиций явилось изучение тверской лексики для составления Лексического атласа русских народных говоров, проспект которого был опубликован в 1974 г., а реальная организация работы началась с 1989 г. Территория Тверской области включена в северо-западную зону. Сбор лексического материала производится по «Программе лексического атласа русских народных говоров (Т. 1 – 4, Природа)», составленной словарным сектором Ленинградского отделения Института языкознания АН, или по Краткому вопроснику по сбору сведений для Лексического атласа русских народных говоров (для учителей, краеведов, любителей народного русского слова). «Научная ценность Лексического атласа, – писал А.А. Попов, – определяется не только широтой охвата основных звеньев системы говоров, но и территорией. В идеале атлас должен быть пособием для изучения ареалов диалектной лексики, семантики, словообразования на всей территории русских народных говоров»[20]. Диалектологические экспедиции 1989-1991 гг. были направлены в различные районы Тверской области. Студенты-филологи принимают участие в сборе лексического материала для атласа. В настоящее время по теме «Природа» обследованы все районы и начата работа по сбору материала по теме «Традиционная народная духовная культура» под руководством преподавателей кафедры русского языка Л.Н. Новиковой, Т.В. Габлиной, М.Е. Щербаковой, Н.Ю. Грибовской, М.В. Николаевой.. Кроме того, активную работу по сбору лексики выполняют самостоятельно студенты, связанные с сельской местностью.

Таким образом, в организации диалектологических экспедиций, в их содержании отразились те направления в исследовании говоров, которые характеризовали диалектологию в целом в тот или иной период. В последние годы кафедра русского языка сосредоточила свое внимание на изучении среднерусских говоров, которые представляют собой особые диалектные объединения, сложившиеся в прошлом в результате интенсивных междиалектных контактов. На материале среднерусских говоров особенно плодотворно изучение динамических процессов, реализующих

общерусские тенденции развития языковой системы. Эти задачи и проблемы – синхронная характеристика среднерусских говоров и динамика их развития на разных уровнях системы и в различные периоды – положены в основу межвузовских научных тематических сборников, посвященных изучению среднерусских говоров. В Тверском госуниверситете под руководством Т.В. Кирилловой изданы 7 диалектологических сборников: «Проблемы исторической и диалектной лексикологии» (1984), «Среднерусские говоры» (1985), «Среднерусские говоры» (1980), «Среднерусские говоры и их история» (1987), «Среднерусские говоры: современное состояние и история» (1988), «Среднерусские говоры и памятники письменности» (1989), «Вопросы изучения среднерусских говоров» (1992), «Среднерусские говоры и проблемы лингвистической географии» (1997).

Итак, в изучении говоров Тверского края достигнуты определенные результаты, но их исследование должно продолжаться. Современные говоры подвергаются интенсивным изменениям под влиянием прежде всего литературного языка, постепенно снижается коммуникативная функция в сельской местности. В говорах происходят сложные, многогранные и во многом противоречивые процессы глубокой перестройки диалектных систем на разных уровнях, изучение которых с учетом возрастной и социальной стратификации носителей диалектов – сложная, но актуальная задача. Для ее выполнения тверские говоры дают неповторимый материал, ибо только сопоставление разновременных фиксаций одного и того же говора дает возможность исследователю представить динамику развития данного говора. И фонетика, и лексическая картотека говоров должны пополняться беспрерывно, чтобы быть основой для диалектологических исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Мадуев А.С. Отчет о диалектологической поездке по Тверской губернии летом 1904 года // Русский филологический вестник. 1907. Т. 57. № 2. С. 371-376; Соколов Н.Н. Отчет о поездке в Тверскую губернию с диалектологической целью летом 1904 года // Там же. С. 36-45; Чернышев В.И. Сведения о некоторых говорах Тверского, Клинского и Московского уездов // Сб. ОРЯС АН. 1903. Т. 75. № 2. С. I-191; Смирнов И.Т. Кашинский словарь // Сб. ОРЯС АН. 1901. Т.. 70:, № 5. С. I-212; Он же. Кашинский говор // Там же. 1904. Т. 77. № 9. С. 1-192.

2. См.: Карский Е.Ф. Русская диалектология. Д., 1923. С. 79; Гринкова Н.П. Очерки по русской диалектологии. IV. Говор тудовлян Ржевского уезда // Изв. ОРЯС АН. Л., 1926. Т. 31. С. 320; Попов В.М. К определению типа-русского наречия в верховьях Западной Двины // Изв. по русскому языку и словесности. 1929. Т.2.

3. Каринский Н.М. Очерки из области русской диалектологии // Учен. зап. / РАНИОН. Лингв. секция. М., 1931. Т. 4. С. 67-126.

4. Архив АН СССР, ф. 468, оп. I. № 134.

5. Каринский Н.М. Указ. соч.

6. Архив АН СССР, ф. 468, оп. I, № 134. Л. 13.

7. Каринский Н.М. Очерки языка русских крестьян: Говор деревни Ванилово. М.; Л., 1936.

8. Там же. С. 34.

9. Луппова Е.П., Филин Ф.П. Н.М. Каринский (к 100-летию со дня рождения) // Изв. АН СССР. ОЛЯ. М., 1973. Т. 32. Вып. 2. С. 204-207.

10. Мальцев М.Д., Филин Ф. П. Лингвистический атлас района озера Селигер. М.; Л., 1949.

11. Ученые записки / Калинин.пед. ин-т. 1946. Т. 10. Вып. 3. С. 1-180.

12. Бюллетень диалектологического сектора. М.;Л., 1948. Вып. 3. С. 102.

13. Материалы и исследования по русской диалектологии. М.;Л., 1949. Т. 3. С. 152-232.

14. Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка. М., 1945.

15. См.: Русская диалектология / Под ред. Р.И. Аванесова и В.Г. Орловой. М., 1964; Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970.

16. Вопросник общеславянского лингвистического атласа / Международный комитет славистов; Комиссия Общеславянского лингвистического атласа. М., 1965.

17. См.: Кириллова Т.В. Очерки по фонетике говоров Калининской области. Калинин, 1975; Она же. К изучению процессов изменения русских народных говоров под воздействием литературного языка // Литературный язык и народная речь. Пермь, 1977. Вып. I. С. 70-79; Она же. О динамике вокализма в среднерусских говорах // Псковские говоры. Л., 1979; Она же. Развитие народных говоров в советский период. Калинин, 1983.

18. См.: Лебедик Е.В. Говоры по среднему течению реки Межи: Отчет об экспедиции 1987 года // Среднерусские говоры: современное состояние и история. Калинин, 1988. С. 36-41; Она же. Отчет об экспедиции 1988 года. Наблюдения над вокализмом говора с. Бобровки Калининской области // Среднерусские говоры и памятники письменности. Калинин, 1989. С. 136-139; Николаева Е.В. О консонантизме говоров Оленинского района Тверской области // Вопросы изучения среднерусских говоров. Тверь, 1992.

19. См.: Кириллова Т.В. Имена существительные с приставкой ПРИ- в тверских говорах // Деривационные процессы в языке. Тверь, 1992; Она же. Аффиксальное гнездо имен существительных с приставкой ПОД- в среднерусских говорах // Среднерусские говоры и памятники письменности. Калинин, 1989. С. 4-11.

20. Попов И.А. Территории картографирования, выбор населенных пунктов для обследования // Школа-семинар «Лексический атлас русских народных говоров»: Тез., 4-5 апреля 1990. Ленинград, 1990. С. 1.

Н.М. Лебедев

ТВЕРСКАЯ ОБЛАСТЬ И ВЕЛИКИЕ ЛЕКСИКОГРАФЫ РОССИИ

Майские дни 2008 года навсегда войдут в историю Тверской земли. Нашей Твери была оказана высокая честь быть столицей Дней славянской письменности и культуры, уникального церковно-государственного праздника. Русская православная церковь по праву гордится тем, что принесла на Русь славянскую азбуку, созданную святыми равноапостольными братьями Кириллом и Мефодием, а вместе с христианством и письменностью высокую культуру слова и книги.

Русский язык, как один из славянских языков в современном мире, единая письменность и единая культура были и остаются духовным фундаментом нашего государства. Он – хранитель исторической Памяти о героическом прошлом русского народа; сокровищница нашего национального духовного богатства. А сконцентрировано это богатство в главных информативных книгах России – толковых словарях.

О культуре нации в современном мире судят по наличию у ней Академического Толкового Словаря национального литературного языка. Становление всех европейских Академий наук начиналось с создания национальных словарей. Приоритет в этом важном деле принадлежит Франции, где в 1635 году по инициативе кардинала Ришелье была основана Французская академия. Её первым трудом был нормативный словарь.

Примечательно, что и Академия Российская, по словам Н.М. Карамзина, ознаменовала самое начало бытия своего творением, важнейшим для языка. Четырёхтомный «Словарь Академии Российской» вышел в свет при Екатерине II в 1789 – 1794 гг. Инициатором создания этого Словаря, редактором и одним из его соста-

вителей была княгиня Екатерина Романовна Дашкова, принимавшая самое активное участие в культурной и политической жизни тогдашней России.

По характеристике английский посла Макартнея, *«эта женщина обладает редкою силою ума, смелостью, превосходящею храбрость любого мужчины, и энергией, способной предпринимать задачи самые невозможные, для удовлетворения преобладающей её страсти»*. Современники отмечали, что *«неизменным предметом, занимавшим мысли Дашковой, было способствовать изучению и усовершенствованию русского языка»*. Возглавляя Российскую Академию наук, она сумела привлечь к составлению Словаря 47 человек из 60 членов этой Академии и среди них известных литераторов Державина, Фонвизина, Богдановича, Княжнина.

Однако всякий словарь, являясь настольной книгой для образованной части общества, со временем устаревает, становится памятником определённой эпохи, ибо язык, тесно связанный с поступательным ходом истории народа, продолжает свое непрерывное, динамическое развитие и изменение. Именно на это явление указывал ещё Пушкин в известном фрагменте из романа «Евгений Онегин»:

Но *панталоны, фрак, жилет*,
Всех этих слов на русском нет,
Хоть и заглядывал я встарь
В Академический словарь.

Общественный и научный интерес к толковым словарям неслучаен; ведь они – самые информативные книги, в которых спрессованы многовековые знания, накопленные человечеством в области материальной и духовной культуры. Работу по составлению толковых словарей академик В.В. Виноградов, крупнейший филолог XX века, рассматривал как исключительно важное национальное дело. Когда речь идёт о трудных лингвистических вопросах, то специалисты рекомендуют за справками обращаться к толковым словарям как самым авторитетным информационным книгам России. При этом советуют: «Посмотрите в Словаре Даля, посмотрите в Словаре Ушакова, посмотрите в Словаре Ожегова».

Лингвист В.И Аннушкин, наш современник, справедливо пишет: *«До сих пор нет истории русской филологии.* Есть история русской художественной литературы, довольно или очень подробно прописанная в отношении её отдельных авторов (Пуш-

кин, Лермонтов, Гоголь и др), но *корифеи русской филологической классики, особенно XX века, практически не тронуты».*

Из всех отечественных лексикографов широкому кругу читателей известен В.И. Даль, о котором написано несколько книг и есть статьи в энциклопедиях.

Владимир Иванович Даль (1801 – 1872) прожил большую жизнь, встречался дружил и общался со многими знаменитыми современниками. Он получил два очень серьёзных образования. В Петербургском Морском кадетском корпусе, где он учился вместе с будущим флотоводцем П.С. Нахимовым и был одним из лучших учеников. В этом учебном заведении он сдавал экзамены *по высшей математике, геодезии, астрономии, физике, механике, теории морского искусства, русской грамматике, истории, географии, иностранным языкам, артиллерии и фортификации.*

После 6 лет службы на Черноморском и Балтийском флотах он получает второе образование. Учится в Дерпте (ныне Тарту, Эстония) на медицинском факультете. Здесь его и Н.И. Пирогова, будущего знаменитого хирурга, считают наиболее талантливыми студентами. Окончив Дерптский университет, армейский лекарь В.И. Даль принимал участие в русско-турецкой войне, а затем в польской кампании. Во время польской кампании он, армейский лекарь, проявил себя как талантливый мостостроитель, спас воинскую часть, за что был награждён боевым орденом «Владимирский крест с бантом». Потом служил при Оренбургском военном губернаторе, управлял удельной конторой в Нижнем Новгороде. Он любил посещать знаменитые нижегородские ярмарки, на которых пополнял свои словарные запасы для будущего Словаря.

Писатель П.И. Мельников-Печерский, которому по службе приходилось вместе с Владимиром Ивановичем бывать в нижегородских деревнях, пишет, что *«приехав в деревню, Даль обойдёт всех больных как врач, кому сделает операцию.., кому даст врачебный совет, кого снабдит лекарством. Он и борону починит. И научит, как делать, чтобы в избе не было угару, и больную скотину полечит».*

В.И. Даль, бесспорно, один из самых образованных и трудолюбивых россиян XIX века. Морской офицер, врач, принимавший участие в лечении смертельно раненного Пушкина, писатель, автор 145 повестей, фольклорист, составитель фундамен-

тального двухтомника «Пословицы русского народа». Владимир Иванович был полиглотом: знал 12 языков: немецкий, английский, французский, также украинский, белорусский, польский, читал и писал по латыни, изучал болгарский и сербский языки, владел татарским, башкирским, казахским. Знаток многих языков, Даль не был филологом, языковедом по образованию, он стал им по призванию, так как любил и понимал родной язык, умел вслушиваться и вдумываться в живое русское народное слово.

И всё-таки главный труд, обессмертивший Даля – это, конечно, его «Толковый словарь живого великорусского языка». Над Словарём он работал 53 года, не пропустив ни одного дня. Поэт Михаил Матусовский посвятил ему такие строки:

Сидят теперь четыре института
Над словарём одним.
А Даль всё так же нужен почему-то,
А Даль незаменим.

Незаменим, ибо *его словарь* – это не рядовой лексикографический труд, *это настоящая энциклопедия русской жизни XIX века.*

Здесь самые достоверные сведения о быте, ведении хозяйства, орудиях труда, семейном укладе В нём 50 названий конских мастей и 150 названий грибов, которые собирают по всей Руси великой.

Сегодня в городах конь стал большой редкостью. Живых коней можно увидеть в цирках и на ипподромах, а увековеченных в бронзе – на памятниках правителям и полководцам. В Твери такой памятник князю Михаилу Ярославичу Тверскому недавно был установлен на Советской площади.

Сегодня любознательный читатель на страницах «Мёртвых душ» Н.В.Гоголя обращает внимание, что Чичиков приехал в город N в бричке, в которую были впряжены три коня разных мастей: чубарый, каурый и гнедой. А что это за масти? Где найти такую информацию?

Конечно, в ***незаменимом*** Словаре Даля.

В 2001году в предисловии к Словарю Даля (в юбилейном издании к 200-летию со дня рождения лексикографа) лингвисты Е. Грушко и Ю. Медведев писали: «Такого обширнейшего лексикографического труда, где растолковано свыше 200 тыс. слов и при-

приведено множество пословиц, поговорок, метких речений – нет ни у какого другого народа, кроме нашего». На Тверской земле высоко ценят труды Даля. Тверские лингвисты подсчитали, что в его Словаре 14 000 слов имеют помету *тверское*. Великому лексикографу посвящалась конференция, о нём был создан учебный фильм «Непревзойдённый знаток русского языка». В Твери живут и работают потомки Даля – врач *Александр Львович Журавский*, хирург областной больницы и его дочь *Анастасия Александровна Журавская*, кандидат философских наук, преподаватель филиала Московской академии славянской культуры. Очень ёмко сказал о Дале писатель Андрей Битов: «Даль – это наш Магеллан, переплывший русский язык от Аза до Ижицы, представить себе, что это проделал один человек, невозможно, но только так оно и было. В результате этого подвига мы имеем не только сам словарь, но и осознание языка не как безразмерной вещи, а вполне конкретного осязаемого организма». В истории русской филологической науки есть имена, являющиеся нашей национальной гордостью, ставшие достоянием нашей культуры. Это прежде всего имена великих лексикографов, создателей главных книг России: Екатерины Романовны Дашковой, Владимира Ивановича Даля, Дмитрия Николаевича Ушакова и его учёной дружины, а также нашего земляка Сергея Ивановича Ожегова. Именно благодаря лексикографическому наследию этих учёных сохраняется для потомков историческая память России. Далеко не каждый россиянин знает, что эта память, являясь нашим национальным достоянием, в то же время входит в международную программу ЮНЕСКО – «Память мира».

Из нашей книги «Великие лексикографы России» читатель многое сможет узнать о составителях классического «Толкового словаря русского языка» под редакцией профессора Д.Н.Ушакова. Этот уникальный труд является коллективным творческим делом «учёной дружины» Д.Н.Ушакова. Дружина состояла из шести корифеев отечественной филологической науки. Это профессор В.В. Виноградов, пушкинист, будущий академик, крупнейший филолог XX века; профессор Г.О Винокур, пушкинист, специалист в области русского словообразования; профессор С.И. Ожегов, будущий создатель однотомного «Словаря русского языка», ставшего главной книгой России на рубеже XX-XXI вв.

Автору этих строк в 50-х годах (1954 –1959) посчастливилось учиться на филологическом факультете Ленинградского (ныне Петербургского) университета, слушать лекции и работать в лингвистических семинарах, которые вели составители Словаря Ушакова – профессор Борис Викторович Томашевский (1890-1957), крупнейший пушкинист, лексикограф, основоположник математической лингвистики, и профессор Борис Александровиче Ларин, (1893- 1964), лексикограф, специалист в области исторической фразеологии, санскрита, славянских, балтийских, европейских, в том числе классических языков.

Памяти незабвенных Учителей, великих лексикографов России, и посвящены мои книги: «Наш Пушкин», написанная в соавторстве с тверским писателем В.Г. Самуйловым. .Эта книга вышла в свет в 2003 году, когда отмечалось 300-летие со времени основания Санкт-Петербурга. Там «Наш Пушкин» был представлен на выставке книг по случаю Праздника северной столицы России. И на память об этом торжественном событии жители Петербурга, иностранные дипломаты и наши соотечественники, живущие ныне в Ближнем и Дальнем Зарубежье, приобрели тогда эту книгу.

В 2008 году Тверь была объявлена столицей «Дней славянской письменности и культуры», и к этому событию была создана вторая книга «Великие лексикографы России» (с предисловием академика Л.И. Скворцова, ученика С.И. Ожегова, создателя фундаментального труда «Большой толковый словарь правильной русской речи». М.;СПб 2006.).

К сожалению, у нас до сих пор о жизни большинства корифеев филологической классики не только массовому читателю, но и специалистам известно очень мало. Немногие статьи о жизни и лингвистическом наследии Д.Н. Ушакова и В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, С.И. Ожегова, публиковавшиеся в разные годы в научных филологических журналах, а также вышедшие в свет в 2000 году в малотиражном издании «Отечественные лексикографы XVIII-XX века» (Тираж – 1000 экз.), по нашим наблюдениям, мало известны не только школьникам, но и студентам-гуманитариям педвузов и университетов.

А между тем в связи с объявлением 2007 года Годом русского языка, появлением центров по работе с детьми, одарёнными в области лингвистики, работой словесников в гуманитарных клас-

сах (с углублённым изучением языка) в педагогических кругах возник повышенный интерес к биографиям корифеев лингвистической науки и их научным трудам.

Примечательно, что на финальных этапах Всероссийских олимпиад школьников по русскому языку, например, в 2007 году в Великом Новгороде учащимся 11 классов предлагали письменно ответить на вопрос: «Кто из перечисленных ниже учёных ввёл в широкий лингвистический обиход следующие термины: морфема, опрощение, модальные слова, основа слова, категория состояния? (5 терминов).

Для ответа: учёные-русисты: Р.И. Аванесов, И.А. Бодуэн де Куртенэ, В.А. Богородицкий, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Н.С. Трубецкой, Ф.Ф. Фортунатов, Л.В. Щерба (8 персоналий). По существу, это задание для большинства олимпийцев было не чем иным, как игрой в «Угадайку».

Толковые Словари Даля, Ушакова, Ожегова – давно уже стали настольными книгами для лингвистов, писателей, журналистов, учащейся молодёжи, для всех, кому дорог и нужен русский язык.

У каждой книги, как и у каждого человека, своя судьба. Популярность Даля и Ожегова как выдающихся отечественных лексикографов, общеизвестна; их фамилии увековечены на обложках словарей.

Совсем другая судьба у Словаря Ушакова и его учёной дружины. Имени Дмитрия Николаевича Ушакова нет на обложках созданного под его руководством коллективного четырёхтомного лексикографического труда.

По воспоминаниям многочисленных учеников профессора Дмитрия Николаевича Ушакова, «ушаковских мальчиков», а среди них такие известные филологи, как Р.И. Аванесов, А.А. Реформатский, Г.О. Винокур, в 20-40 годах XX века «вряд ли можно было назвать во всей нашей стране учёного-языковеда, имя которого пользовалось такой широкой славой, как имя Дмитрия Николаевича Ушакова».Современники и ученики, близко знавшие этого замечательного учёного, отмечают, что он был «человек артельный», любил и успешно работал над научными проблемами с коллегами и учениками.

Великие лексикографы, которым посвящена наша книга, *были незаурядными личностями, замечательными тружениками,*

истинными сынами Отечества, и, как справедливо утверждал академик Георгий Владимирович Степанов, *«отличались рыцарской верностью и преданностью Слову»*... Каждый из этих замечательных людей, бесспорно, может для сегодняшнего юношества служить идеалом человека – «жизнь делать с кого».

В России, начиная с 18 века и до наших дней, наблюдается нарастание интереса к справочной литературе. Лингвисты В.А Козырёв и В.Д. Черняк, авторы книги «Вселенная в алфавитном порядке», опубликованной в Санкт-Петербурге, подсчитали, что в 2000 году отечественный лексикографический фонд насчитывал около 700 различных энциклопедических и филологических словарей. Тематика этих изданий отличается большим разнообразием, ценными информативными возможностями. В активе у современного читателя не только энциклопедии, толковые словари, но и аспектные словари: фразеологические, словообразовательные, этимологические, топонимические, терминологические, орфоэпические, орфографические и др.

В дни, когда на Тверской земле проходит церковно-государственный праздник славянской письменности и культуры», хотелось бы отметить, что родословные большинства великих лексикографов XX века связаны с право-славным духовенством.

Дед Дмитрия Николаевича Ушакова, в доме которого воспитывался будущий лексикограф – известный московский священнослужитель.

Академик Виктор Владимирович Виноградов среднее образование получил в Рязанской духовной семинарии.

Прадед С.И Ожегова – это Герасим Петрович Павский, видный церковный деятель, доктор богословия, профессор Петербургской духовной академии и Петербургского университета, крупный филолог, переводчик Библии и «Слова о полку Игореве».

Очевидно, что в детстве и юности наши лексикографы читали и постигали содержание богослужебных книг, написанных на церковно-славянском языке. Они глубоко усвоили этот язык, что, несомненно, затем благотворно отразилось на их духовном облике, культуре и научной деятельности.

В рамках Федеральной целевой программы «Русский язык» ежегодно проводится Всероссийская олимпиада школьников по русскому языку. Подобно тому, как ежегодно в разных городах

России проводятся Дни славянской письменности, аналогично проводятся в разных городах и Всероссийские олимпиады. Наши тверские команды принимают в них самое активное участие в течение уже 12 лет. Особенно памятна нам Олимпиада в городе Орле.

Из губернских городов Орёл может служить примером бережного отношения к знаменитым землякам. Орловская земля – это край литературных музеев. Мы посетили музей И.С.Тургенева, музей Лескова, музей Бунина, музей Вересаева, музей Леонида Андреева. В краеведческом музее открыты экспозиции, посвящённые поэтам В.А.Жуковскому и А.Фету, историку Грановскому, фольклористам Кириевским, писателю Борису Зайцеву. Местные экскурсоводы с гордостью говорят: «У нас в Орле, что ни земли аршин, то Шеншин».

Если говорить откровенно, то русским писателям-классикам в России немало памятников в Москве и Петербурге. В губернской Твери памятник Крылову, Салтыкову-Щедрину, два памятника Пушкину. В малом тверском городе Бежецке можно увидеть памятник писателю В.Шишкову, поэтам А.Ахматовой и Н.Гумилёву.

Великому и могучему русскому языку пропето много дифирамбов, однако в тени остались выдающиеся филологи-русисты, исследователи русской речи, её хранители и пропагандисты.

Нет памятников великому лингвисту Виноградову, великому лексикографу Д.Н.Ушакову. Тверской край прославил наш земляк С.И.Ожегов – создатель главной книги России на рубеже 20 – 21 веков.

На состоявшейся недавно конференции в ТвГУ многие выступавшие филологи горячо поддерживали идею – поставить памятник на территории университета Кириллу и Мефодию. А вот об увековечивании памяти нашего тверского лексикографа С.И. Ожегова никто не замолвил слова.

Выступаю с предложением в ТвГУ учредить премию имени С.И. Ожегова, которой можно было бы награждать преподавателей, аспирантов и студентов за успехи в научно-исследовательской деятельности в области русского языка.

А в перспективе после того как будет открыт памятник Кириллу и Мефодию на одном из Дней славянской письменности и культуры открыть памятник С.И. Ожегову.

Никогда не сотрутся в благодарной памяти нас и наших потомков деяния первоучителей славянства Кирилла и Мефодия, благодаря которым мы сегодня имеем кириллическую письменность и современный литературный русский язык. В веках сохранится память и о великих лексикографах, в трудах которых живёт и будет жить историческая память России. Нам и потомкам нашим о великих наших просветителях и создателях толковых словарей следует помнить всегда, а не только в официально объявленные Дни славянской письменности и культуры.

Е.В. Николаева

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЮЖНОРУССКИХ ГОВОРОВ ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ (К ПРОБЛЕМЕ ДИНАМИКИ ДИАЛЕКТА)

Тверская область в силу своего географического положения (близость к Москве) и исторически сложившихся причин (генетической связи тверских говоров с древним новгородским и ростово-суздальским диалектами одновременно) представляет идеальный лингвистический **объект** для изучения процессов формирования русского национального языка в двух его формах: литературной и диалектной. Процесс взаимодействия и взаимовлияния этих основополагающих разновидностей играет существенную роль в речевой практике народа, в развитии каждой из этих разновидностей и национального языка в целом. Единство разновидностей общенародного языка проявляется в общности тех тенденций, которые реализуются в русском языке.

Современное диалектное членение Тверской области – результат преобразования и перегруппировки диалектных объединений предшествующего периода. Современные народные говоры на территории Тверской области не образуют структурно-лингвистического единства. Диалектологическая карта Тверской области отличается пестротой диалектных группировок, но территориальное расположение их образует компактные ареалы: основную центральную часть занимают западные среднерусские говоры (Псковской группы и селигеро-торжковские) и восточные (калининской подгруппы Владимирско-Поволж-ского диалектного объединения), в северо-восточной части области (севернее линии

Бежецк – Калязин) расположены севернорусские говоры, а на юго-западе (к югу от линии Торопец – Ржев) – южнорусские говоры.

Наше исследование посвящено южнорусским говорам, образующим компактный ареал на юго-западе Тверской области, – говорам Оленинского, Нелидовского, Западнодвинского, Жарковского и Бельского районов. Занимая северную часть Верхне-Днепровской группы, исследуемые говоры Тверской области некоторыми своими чертами отличаются от других говоров этой группы, расположенных южнее Тверской области. Эти различия возникли в процессе длительного контактирования с соседними говорами (псковскими и селигеро-торжковскими), которые расположены вдоль всей северной границы Верхне-Днепровской группы.

Предметом нашего исследования являются фонетические особенности говоров Оленинского района, которые находятся в пограничной зоне со среднерусскими говорами Ржевского района, а ранее, до 1929 года, входили в состав Ржевского уезда Тверской губернии. Наше внимание к фонетике говоров названного региона объясняется тем, что именно фонетические системы различных диалектов наиболее полно раскрывают динамические тенденции в звуковом строе русского языка.

Исследуя фонетические особенности южнорусских говоров на территории Тверской области, мы ставили перед собой цель – показать сложный процесс развития диалектных фонетических систем в связи с общими закономерностями развития звукового строя русского языка, выявить специфику тех изменений, которые осуществляются в говорах как в результате спонтанного развития самой диалектной системы, так и под влиянием возросших междиалектных контактов и взаимодействия говоров и литературного языка. Известно, что в настоящее время интенсивному воздействию литературного языка сознательно подчиняется значительная часть носителей говоров, и тем не менее перестройка диалектной системы происходит немедленно, с заметными локальными различиями, что создает условия для выделения даже в пределах одного говора языковых вариантов в речи представителей различных его культурно-возрастных слоев, представляющих собою разные ступени приближения говора к литературному языку. При этом критерием выделения таких речевых слоев в го-

воре являются не только лингвистические данные, но и внеязыковые факторы (уровень культурного развития, образование грамотность информантов, возраст и степень участия в общественной жизни и др.). Языковые различия между социально-возрастным слоями современного говора, как показывают наблюдения, обнаруживаются лишь в разной степени интенсивности происходящих в говоре изменений, поэтому они представляют собою варианты одной диалектной системы. Изучение этих живых процессов диалектной речи и их результатов, исследование самого механизма трансформации диалектной системы на разных ее уровнях является одной из важнейших проблем описательной диалектологии.

1) Рассмотреть историю изучения тверских южнорусских говоров в связи с колебаниями в определении статуса этих говоров в истории развития диалектологии;

2) Представить изменения безударного вокализма после твердых и после мягких согласных и типологию переходных вокалистических систем;

3) При описании консонантизма говоров установить степень устойчивости различных фрагментов системы и новаций говора;

4) Уточнить методы и приемы исследования динамики современных говоров.

Методика описания динамических процессов на материале однотипных говоров дает возможность установить все варианты (или основные) на одном синхронном срезе, а выстроив эти варианты в последовательный ряд, определить характер звуковых изменений от одного типа к другому. Синхронное состояние говора, и его разновременные фиксации являются ценными источниками для исследования динамики говора и в то же время способствуют усовершенствованию самой методики анализа динамики говоров.

Говоры юго-западной части Тверской области, составляя компактный регион, относятся, по данным новейшего диалектного членения русского языка, к Верхне-Днепровской группе южнорусского наречия (говоры Оленинского, Нелидовского и северной части Западнодвнского районов) и к Западной группе (группы Жарковского, Бельского и южной части Западнодвинского районов). В связи с тем, что эти говоры на западе и юго-западе соприкасаются с псковскими и смоленскими диалектными

ареалами, а северная и восточная границы отделяют их от среднерусских говоров (селигеро-торжковских и московских), они образуют такой диалектный ареал, в котором особенно активны изменения, связанные с междиалектными контактами. Они входят также в зону русско-белорусского пограничья. Этим объясняется тот факт, что на протяжении развития русской диалектологии в XIX в. и первой половине XX в. статус этих говоров определялся по-разному.

Современные южнорусские говоры тверского ареала относятся к двум группам южнорусского наречия: к Западной и Верхне-Днепровской. К Западной группе относятся говоры Западнодвинского, Жарковского районов и Бельского (к западу и югу от г. Белого). Их объединяет диссимилятивное яканье жиздринского типа и случаи лабиализации гласных [о] и [а] во 2-ом предударном слоге: *б/у/лтунов*, *п/у/болел* и под., а также различение двух твердых аффрикат [ч] и [ц].

Говоры Оленинского, Нелидовского и северной части Бельского районов относятся к Верхне-Днепровской группе, но в отличие от говоров этой группы, расположенных южнее Тверской области, в них отсутствуют некоторые явления юго-западной зоны и белорусского языка (произношение твердого [р], употребление [шч] в соответствии [щ] и др.).

В языковой комплекс особенностей, характеризующий все говоры Верхне-Днепровской группы, авторы нового диалектного членения русского языка внесли такие черты, как типа диссимилятивно-умеренного яканья, отличающийся той особенностью, что перед группами согласных, из которых конечный согласный мягок, при этом типе вокализма произносится [а]: *к /с'а/стре*, */п'а/кли* и т.п. В некоторых тверских говорах это может сохраняться, в других – уже известны варианты реализации гласных неверхнего подъема и в данной позиции. Нашей задачей было – выявить и объяснить все специфические особенности южнорусского тверского региона, характеризующие эти говоры в их современном состоянии.

С 60-х годов тверские говоры в целом, в том числе и юго-западные, подверглись обследованию с различными научными целями: проверялись материалы для создания тверского регионального словаря, который был издан в 1972 году[1]. В 60–70-е годы был проведен сбор материала для Общеславянского лингвис-

тического атласа (ОЛА), а в 90-е годы – для Лексического атласа русских народных говоров (ЛАРНГ). Однако какую бы цель ни преследовала экспедиция, внимание к фонетике говоров было постоянным: записывались образцы речи жителей обследуемого пункта, проверялись сделанные ранее наблюдения, фиксировались варианты реализации фонем в различных фонетических условиях, устанавливались устойчивые/неустойчивые особенности в сфере гласных и согласных говоров. В период с 60-х годов и до конца XX века силами преподавателей и студентов Калининского педагогического института и университета на территории южнорусских тверских говоров были проведены экспедиции в следующие населенные пункты:

1. Холмецкий с/с Оленинского района (Холмещина): д.д. Холмец, Сазоново, Подсосники; Первомайский с/с: д.д. Безобразово, Лесниково, Кастрово. Экспедиция 1968 года под руководством Т.В. Кирилловой, Н.Ю. Меркулова, В.П. Куликовой.

2. Оленинский район: д. Грива и Бельский район: д. Турово, 1970 г. Руководители: Т.В. Кириллова, В.П. Куликова.

3. Оленинский район, Молодотудский с/с: д.д. Молодой Туд, Мармузы, Тереховка, 1984 год. Руководители: Т.В. Кириллова, Г.В. Бырдина.

4. Нелидовский район: г. Нелидово, д.д. Горки, Городищи. 1987 год. Руководители: Т.В. Кириллова, Е.В. Лебедик.

5. Оленинский район, Оленинский с/с: д.д. Бобровка, Липовка. 1988 год.

Таким образом, во второй половине XX века были (почти все вторично) обследованы говоры Оленинского и Нелидовского районов. Сделанные новейшие полевые наблюдения и магнитофонные записи образцов речи позволяют определить пути и направления в динамике говоров, установить устойчивые и подвижные особенности говоров не только на фонетико-фонологическом уровне, но и на других уровнях диалектных систем, а также установить те факторы, внутренние (структурные) и внешние (социальные), которые регламентируют жизнь диалекта в современных условиях.

Исследуя систему вокализма южнорусских говоров Тверского ареала мы обращали внимание на особенности ударенного вокализма, а также безударного вокализма в его основных позициях, устанавливали соотношение типов вокализма после парных

твердых и мягких согласных, характер организации вокализма и тенденции его развития.

Устанавливая типы вокализма безударных слогов, мы ориентировались на данные, касающиеся традиционного слоя говоров в том виде, как они сохранились в речи самых старших информаторов и зафиксированы в диалектологической литературе, посвященной тверским южнорусским говорам. Учитывая, что в современных условиях все слои говора характеризуются заметной вариативностью в реализации всех видов языковых диалектных единиц, мы условно моделировали «исходные» системы вокализма. Такие системы определяются не только на основе изучения исторических памятников письменности или старых диалектных записей данного говора, но и на основе внутренней реконструкции современного говора в его сопоставлении с родственными[2]. И хотя сама идея о выделении исходной системы диалекта принимается не всеми исследователями[3] мы посчитали, что в качестве рабочего понятия термин «исходная система» необходим для обозначения состояния наиболее архаической, традиционной речи данного диалектного коллектива, представленной в виде непротиворечивой, неподвижной модели, от которой отталкивается диалектолог при изучении процессов развития живой диалектной речи.

Диссимилятивное аканье в современных говорах прослеживается только в западной половине южнорусского наречия (группы: Западная, Верхне-Днепровская, Верхне-Деснин-ская, западная часть Курско-Орловской группы) и в северо-восточных говорах белорусского языка. На территории Тверской области к Западной группе относятся говоры южной части Западнодвинского района, Жарковского и южной части Бельского районов. Эти говоры, по данным Диалектологического атласа русского языка (далее: ДАРЯ), характеризуются диссимилятивным яканьем жиздринского типа. К Верхне-Днепровской группе относятся современные говоры Нелидовского и Оленинского районов, характерной особенностью которых является диссимилятивное аканье с различными отступлениями от исходного диссимилятивного аканья жиздринской разновидности.

Мы выделяли следующие территории по степени сохранения диссимилятивного аканья:

1. Южная часть исследуемой территории (Жарковского, Западнодвинского и Бельского районов) в большей степени, чем

другие говоры, сохраняет жиздринскую разновидность диссимилятивного аканья, так как они граничат с более южными Верхне-Днепровскими говорами и смоленскими (Западная группа по новейшему диалектному членению).

2. Северная часть исследуемой территории (Оленинский район, Нелидовский) граничит с западными среднерусскими говорами и испытывает их влияние, поэтому диссимилятивное аканье отличается в этих говорах большой вариативностью произношения безударных гласных.

Вторую группа составляют говоры по линии Нелидово – Оленино и севернее, граничащие со среднерусскими говорами (с недиссимилятивным аканьем). В условиях пограничной зоны процесс взаимодействия двух типов аканья приводит к тому, что постепенно диссимилятивный принцип организации гласных становится неустойчивым, возникает вариативность в реализации предударного гласного, а затем формируются типы вокализма, переходные от диссимилятивного к недиссимилятивному аканью.

Говоры Нелидовского района расположены в центре южнорусского региона на территории Тверской области, образуя пограничную зону, с одной стороны, с говорами Западной группы, с другой, – со среднерусскими (селигеро-торжков-скими). Входя в состав Верхне-Днепровской группы южного наречия, они характеризуются как общими особенностями этого наречия, так и особенностями, свойственными окраинным ареалам Западной, Северо-Западной и Юго-Западной диалектных зон русского языка (Русская диалектология, 1964, 274). Говорам Нелидовского района свойственно диссимилятивное аканье: гласные неверхнего подъема [а], [о] в первом предударном слоге после твердых согласных не различаются: в диссимилирующей позиции (перед гласным нижнего подъема [а] произносится звук [-не а] – это может быть [ъ] или произносительные варианты).

Наблюдения над речью информантов старшего поколения свидетельствуют о сохранении диссимилятивного аканья жиздринской разновидности. Но при этом в диссимилирующей позиции наблюдается такая вариативность произношения гласного в первом предударном слоге после твердого согласного, которая по данным ДАРЯ, свойственна почти всем говорам с диссимилятивным вокализмом[4], но в каждом из них преобладает определенный вариант. Такими вариантами в нелидовском говоре являются [ъ]

и [**ы**], которые реализуются в звуках [**ъ, ъи^{и}, ы^{ъ}, ы**]. Что касается варианта [**у**], то следует заметить, что он менее устойчив и употребляется только при наличии лабиализующих условий. В исследуемом говоре дд. Горки и Городищи особенно последовательно произносится [**у**] в глаголах с суффиксом **–ова**. Можно думать, что в говоре происходит морфологизация данной фонетической особенности, поскольку в глаголах без суффикса **–ова** (например, пахать) произношение типа **пухал** (пахал) встречается редко. Таким образом, в нелидовских говорах диссимилятивное аканье – черта устойчивая, но вместе с тем данная диалектная норма начинает разрушаться, о чем свидетельствует употребление варианта [**а**] в диссимилирующей позиции, при этом варианты [**ъ**] и [**а**] сосуществуют.

Об относительной устойчивости диссимилятивного аканья в говорах Нелидовского района свидетельствуют наши наблюдения над речью детей – школьников нелидовской школы-интерната. Наблюдая детскую речь школьников и посмотрев их тетради для домашних сочинений, а так же беседуя с учителями-словесниками, мы убедились в сохранении диссимилятивного аканья жиздринской разновидности в устной и письменной речи учащихся. По сведениям учителя русского языка Лепешенковой Е.В. в устной речи школьников варианты [**ъ, ы**] и [**а**] постоянно смешиваются, а в написании преобладает буква [**ы**] (хотя возможны варианты написания с [**а**] и [**о**]). Орфографическая ошибка, отражающая диалектное произношение гласных в первом предударном слоге, одинаково употребительна в письменной речи учащихся 6 – 9 классов.

Для изучения современного состояния вокализма оленинских говоров большое значение имеют наблюдения, проведенные в разное время исследователями, над народными говорами таких населенных пунктов, как Бобровка, Холмец, Молодой Туд и окружающие их деревни (Разумихин, 1853; Попов, 1913, 1929; Гринкова, 1926; Копорский, 1949; Кириллова, 1969, 1984; Николаева (Лебедик), 1988, 2003).

Новые данные по исследуемым говорам были получены в период собирания материалов для Диалектного атласа русского языка. Говоры Холмецкого и Молодотудского сельского советов были обследованы в 1951 году по «Программе собирания сведений для сопоставления диалектологического атласа русского

языка» участниками экспедиции, организованной Муромским учительским институтом под руководством В.И. Тагуновой.

В обследованных населенных пунктах был отмечен так же вокализм недиссимилятивного типа: в позиции перед ударенным [**а**] последовательно отражен один вариант звучания – [**а**]: *дацкА, тагдА, в лапт'Ах, здалА, бал'шАйа, пахАл'и, кагдА, назван'йъ* (Холмец); *вайнА, самА, зъ здравАм, страдАфшы, хаз'Аин* (д. Новинки); *анА, свайА, капАт', цапАт', калпАк* (Хмелевка); *стайАл, байАр'ин, хърашА, маладАйа, тагдА, радн'А* (Азаново).

Материалы диалектической экспедиции Калининского педагогического института также свидетельствуют об изменении диссимилятивного аканья.

В ряде населенных пунктов старая фонологическая основа говора может еще сохранять в большей степени следы диссимилятивного аканья, что выражается в варьировании гласных в позиции перед ударенным [**а**], возможном в речи одного лица. Такое «состояние» данного звена системы гласных отражается, например, в говоре д. Безобразово Первомайского сельсовета Оленинского района.

[**ъ – ы**]: *зъдърмА, дъбр'Ак, жълыпкА, зъвАл'н'ик, зыдл'Ат', зъклАд'ина, зър'Анка, късАк, кърыв'Ак, смълАчывътцъ, събАшн'ик, стъйАнка, пызр'А, зъ пАзъху, къс'Ак, нъ сыхАх, Н'икълай, тъскАт', ныр'Адъ, пъхАт', рыхмАн, сълАск'и, пъчАтка, пъдмАс, зрыўн'Ал, пъзр'А, стъйАла, зрыун'Ал, нъ хъз'Аинъ, път пёАнку, съжАн был (= сазан был), кыгдА, нъгА, хъръшА, скъзАл, стъйАл, кънАўка, бъл'шыкА, устывл'Ал'и, два сылдАтъ, дъвАйт'ъ, пъ сАмыи вОкны, зыр'Анкь, скъзАл, нынн'Ах, пъшлА, двыйАшк'и, кызА, сырАй, абрътАт', сылАск'и, пыхАт', кыз'л'Ак, мыйА, тръвА, пъ гъдАм, пър'Адък, пъ елАссъм;*

[**у**]: *пупАш, папАль, пъ думАм, у пупА, лумАт, лупАта, н'и пупАл, пупАша, лупАта, мумАш, пум'Анут';*

[**а**]: *гърадАм, бърадА, какА, сказАт', пастаўл'у, утарАйъ вайнА, нъказАў, тадА, църнавАтый, нашлА, наклАў, дажжА, брасАй, даўкА, завАл'н'ик, мачл'Ав'инъ, зълатАйа, балвАнку, бъравА, кадА, прапАл, пръвал'Алс'и пазр'А, звалА, пахАт, пражлА, дацкА, вайнА, абъран'Ал'и, гълавА, сазАн, дъ канцА, бал'нАйъ, былА, МасквА, дамА, плахАйа хать, в лапт'Ах, майА, дацка, двайАшки, пъ канАвы, стайАл, гъвар'Ат', брасАй, нашлА, тадА, какАйъ б'адА, бърадА, НастАхъ, пымАллас''А, рахмАный, са-*

бАшн'ик, таскАт', пар'Атк'и, салАзък, пръважАт', фтарАйъ н'ид'Ел'ь, йьнва'р'А, гълавА, два съпагА, б'ьс платкА, нагА, Враш'ш'Ат'ин (фамилия).

В данной частной диалектной системе звуки [ъ], [ы], [а] в первом предударном слоге встречаются в одинаковых фонетических условиях – в позиции перед ударным [а], следовательно, данная позиция в говорах с типом вокализма, переходным от диссимилятивного к недиссимилятивному, перестает быть фонетически обусловленной.

Произношение гласного [а] перед ударенным [а] свидетельствует о разрушении самого диссимилятивного принципа. На первой стадии гласный [а], появившийся в результате ассимиляции редуцированного [ъ] ударенному гласному [а], сосуществует с [ъ] и [ы], а так же с [у] в определенных условиях (в соседстве с губными и задненебными согласными), как в говоре деревни Безобразово, а в дальнейшем произношение [а] унифицируется как в холмецких говорах. Диссимилятивное аканье таким образом видоизменяется в ассимилятивно-диссимилятивную систему, которую, как известно, в диалектологической литературе называют недиссимилятивным, или сильным, аканьем. Аналогичный путь изменения диссимилятивного аканья прослеживается в южнорусских диалектных системах различных ареалов: в орловских говорах[5], курских[6], калужских[7], а также в говорах белорусского языка[8].

Формирование в оленинских говорах недиссимилятивного аканья связано с изменением, перестройкой фонематической модели предударного вокализма после твердых согласных, с изменением в соотношении сильных и слабых фонем. При диссимилятивном аканье в словах с ударенной фонемой /не а/ функционируют три слабые фонемы: /и/, /у/, /а/, которые различают два уровня подъема (верхний и неверхний), а в словах с ударенной /а/ – 2 слабые фонемы /и/ и /у/ с нейтрализацией фонологической оппозиции верхний подъем – неверхний. В первом случае слабая гласная фонема /а/ является заместителем двух сильных фонем /о/ и /а/, во втором – слабая фонема /и/ - заместитель трех сильных фонем /и/, /о/, /а/, т.е. в последнем случае происходит мена слабой фонемы /а/ на фонему /и/. Недиссимилятивное аканье характеризуется более простой фонематической моделью: безударные фонемы /ы/, /у/, /а/, которые противопоставлены по двум дифференциальным признакам (лабиализованность – нелабиали-

зованность, верхний подъем – неверхний подъем) на синтагматической оси перед любыми ударенными гласными, при этом слабая фонема /**и**/ является заместителем сильной фонемы /**и**/, а слабая фонема /**а**/ – заместителем двух сильных фонем /**о**/ и /**а**/. Такие отношения между сильными и слабыми фонемами характерны для акающих среднерусских говоров и для литературно-нормированной разновидности русского языка.

В позиции перед мягкими согласными в названных диалектных системах неодинаково осуществлялся отход от диссимилятивного яканья. Так, в говоре д. Подсосонники устойчиво сохраняется вариант звучания [**и**] в позиции перед ударенным [**а**]: *с'т'ис'н'Айус', н'ил'з'А, стр'ел'Ат', в дв'ир'Ах, йид'Ат, кр'ис'йАн'и, сл'ид'Ат, дисАтый* и т.п., а перед ударенным гласным [**о**] наряду с [**а**] не менее употребительным является и новый вариант [**и**] не только в речи молодых, но и в речи старшего поколения: *см'айОтцъ, р'аб'Онкъ, в'ад'Оркъ, з'ал'Оный, б'ар'Озъ, п'ат'Оркъ, б'ал'йО, зв'ар'йО, п'ан'Ок, в'ас'Олый, с'ас'т'Ор,* но и: *в'ир'Оўкъ, д'ит'О, п'и-н'Ок, д'ин'Очк'и, т'ил'Онък, зъс'т'ил'Он.*

Перед [**е**] и [**и**] новый вариант [**и**] является преобладающим в речи представителей всех возрастных групп: *л'ит'Ел, т'ип'Ер', п'ър'иб'Егл'и, ун'ис'Ет', в'ид'Еш, д'ит'Ей, н'ив'Есть, нъ р'ик'Е, н'ид'Ел'а, р'ив'Ет, н'и з'з'Елъл, жын'Е, т'ъжыл'Ей, гл'ид'Ел, изъ р'ик'Е, д'ир'Евн'и, исп'ек'Еш, м'ин'Е, нъб'ир'Етцъ, в'из'з'Е* и др. [**а**] сохраняется у всех информантов в словоформе *лъшад'Ей,* перед шипящими твердыми: *ръзр'ашЕн'йь, хр'ашшЕн'йь, пъм'ашшЕн'йь,* а так же перед группой согласных **tt'**: *п'иракр'Есный, нъ ст'акл'Е, вькт'абр'Е, п'ър'абр'Ес', път'амн'Ел* и под. Перед [**и**]: *зъстр'ел'Ил'и, пъм'ис'Ил'и, б'иг'Ит', в'ил'И, к'ип'ит'Ил, гр'им'Ит, п'ир'ийд'Ит, м'исн'Ик, гл'ид'Ит, зъб'ир'И, у гр'из'И, укр'ип'Ил'и, п'ит'И,* но: *нъпр'ад'И, р'ъб'атИшки.* Перед твердыми шипящими закономерно в говоре [**а**]: *р'ачЫстый, л'ажЫ, сп'ашЫл, пир'ажЫт* и т.п. Перед группой **tt'**: *пъ з'амл'И, ръс'с'ард'Ил, н'ажг'Ит'а, нъм'арк'И, б'ър'агл'И, п'акл'И, п'ир'адн'Им* и др.

В позиции перед ударенным [**у**], которая представлена всегда с небольшим количеством примеров в говоре всегда [**а**]: *см'ат'Ур'ил, пъб'ал'У, н'а л'Убъ, д'ъс'ат'йУ, п'ат'йУ, укр'ап'л'Ус',* в единичным случаях: *в'ил'У, з'м'ийУ* и др. Таким образом, в позиции перед мягким согласным в говоре совершен-

но определенно наметился переход к умеренному яканью, а в целом в говоре д. Подсосонники – сбитый тип яканья, который можно определить как переходный от умеренно диссимилятивного первой разновидности к умеренному.

Такой переход можно иллюстрировать следующей таблицей:

Гласные под ударением	Перед твердыми согласными	Перед мягкими согласными	
	А О И У	А	О Е И У
Гласные в I-ом предударном слоге	А	И	АИ аИ Аи

Развитие предударного вокализма в сторону расширения сферы употребления варианта [**и**] свидетельствует о том, что в оленинских говорах южнорусский принцип неразличения гласных неверхнего подъема в предударном слоге и их совпадения в [а] или [не **а**] в зависимости от ударенного гласного вытесняется сначала тенденцией к совпадению этих гласных в различных вариантах в зависимости от качества (мягкости-твердости) последующего согласного (умеренное яканье), а затем к полной утрате всякой зависимости (иканье), ибо иканье представляет собой этап развития общерусской тенденции к совпадению в безударной позиции только тех гласных, которые не образуют с ударными гласными пересекающихся рядов. «Следовательно, логическим завершением заданной динамической тенденции должны стать **аканье** после твердых согласных и **иканье** после мягких согласных»[9]. Последнее является делом будущего для оленинских говоров. Господствующим вариантом в позиции перед твердым согласным в большинстве оленинских говоров является [**а**], свидетельствующий о том, что в настоящий момент инновации, идущие в стороны соседних говоров с сильным яканьем (торопецкие, пеновские, кировские) или умеренно-ассимилятив-ным (ржевские, старицкие и др.), оказываются более эффективными, совпадая в данном звене с особенностями старой фонологической системы (диссимилятивное яканье жиздринской разновидности).

Вокализм первого предударного слога после мягких согласных всех рассмотренных нами оленинских говоров можно представить в следующей сводной таблице.

Гласные под ударением		Перед твердыми согласными		Перед мягкими согласными		Перед tt’
		А	О И У	А	О Е И У	
1-й предударный слог	I. Грива	Иа	А	И	Аи	А
	II. Безобразово	И	А	И	аИ	А
	III. Подсосонники	А	А	И	АИ аИ Аи	А
	IV. Сазоново	Аи	Аи	И	аИ	А
	V. Холмец 1	А	А	И	Аи	А
	Холмец 2	А	А	И	АИ	А
	Холмец 3	И	АЕЕ^{И}	И	аИ	А
	VI. Бобровка 1 (1853)	Аи	А	А	А	А
	Бобровка 2	Иа	А	И	Аи	А
		И	И	И	И	А

Сводная таблица показывает несомненную генетическую последовательность типов вокализма, постепенный переход от диссимилятивного яканья жиздринской разновидности (Грива) через ступени диссимилятивно-умеренного (Безобразово) и умеренно-диссимиля-тивного (Подсосонники, Холмец 1) типов яканья к умеренному (Сазоново, Холмец 2), а также к системе, приближающейся к иканью (Холмец 3). Можно заметить, что процесс обобщения предударного гласного более интенсивно происходит в позиции перед твердыми согласными (III, IV, V – 1,2), но в то же время более сложным путем осуществляется в позиции перед мягкими согласными (II, IV, V). В последнем случае следы старой диссимилятивной системы и новой, развивающейся, сосуществуют в виде архаического и инновационного вариантов, представленных с различной частотностью в разных позициях, что отражается даже в таких частных системах, где почти закончилось формирование умеренного яканья (IV) или наметилось движение к иканью (V – 3).

Таким образом, говоры Оленинского района, находясь в зоне непосредственных контактов различных вокалистических систем, в силу условий исторического характера в течение длительного времени развивалась в сторону сближения с диалектами среднерусского типа, в которых, как известно, в наибольшей степени отражаются общие тенденции развития русского языка. Анализ фактического материала, имеющегося в нашем распоряжении, вместе с данными лингвистической географии свидетельствуют о том, что характерной особенностью процессов, происходящих в фонетической системе исследуемых говоров, является утрата актуальности диссимилятивного принципа в реализации гласных неверхнего подъема. Почти полная утрата диссимилятивного аканья и развитие разнообразных переходных систем в позиции после мягких согласных составляют специфику современных оленинских говоров.

В различных частных диалектных системах по-разному осуществляется переход от диссимилятивного аканья жиздринской разновидности к системам, в основе которых лежит принцип чередования безударных гласных, характеризующийся зависимостью гласных от качества (твердости-мягкости) последующего согласного. Диалектное своеобразие фонетических систем, сложившихся в южнорусских говорах Тверской области, связано не только с экстралингвистическими факторами (междиалектные контакты, тяготение в различные эпохи к разным государственным образованиям), но и с внутренними возможностями самой системы, именно поэтому в исследуемых говорах не обнаруживается полного совпадения с вокалистическими системами среднерусских говоров. Влияние литературного языка на первых порах усложняет процесс развития предударного вокализма, ибо способствует возникновению разнообразных переходных и смешанных систем, но в конечном итоге приводит к образованию общерусской системы вокализма, характеризующейся различением трех слабых фонем /**α**/, /**и**/, /**у**/ в позиции после твердых согласных и двух слабых фонем /**и**/ и /**у**/ – после мягких согласных. Этот актуальный и продуктивный процесс не получил еще своего завершения в говорах Оленинского района (и шире: в южнорусских говорах Тверской области).

Система согласных звуков южнорусских говоров на территории Тверской области отличается большим своеобразием. Это связано с пограничным положением говоров, в которых устойчи-

выми являются двучленные соответственные явления фонетического уровня (в системе гласные – неразличение гласных неверхнего подъема в безударных позициях, в консонантизме – фрикативное образование звонкой заднеязычной фонемы /γ/ и ее чередование с [х] в конце слова и слога, а также наличие только твердых шипящих [ж] и [ш].

В консонантизме анализируемых говоров представлены, с одной стороны, относительно устойчивые особенности, с другой – выявляются фрагменты, характеризующиеся большой подвижностью, неустойчивостью, вариативностью, что является следствием междиалектного взаимодействия, а также влиянием на говоры литературного языка.

Переднеязычные согласные в русском языке – обширная группа как с количественной, так и с функциональной стороны, – разнообразна в фонетическом отношении.

К типологическим явлениям консонантизма, связанным с противопоставлением согласных по признаку мягкости-твердости, относятся:

1) Распространение в среднерусских, севернорусских и некоторых других говорах **цеканья** и **дзеканья** при произношении переднеязычных [т'] и [д'];

2) Палатальные согласные фрикативного образования, так называемые шепелявые [с''], [з''], широко распространенные в части севернорусских, среднерусских и южнорусских говоров;

3) Различное по говорам качество аффрикат [ц] и [ч], включая не только их мягкое или полумягкое произношение, но и случаи утраты затвора в их структуре.

В основу выделения цеканья-дзеканья положен перцептивный (слуховой) признак – наличие при произношении смягченного согласного [т'] или [д'] ярко выраженного фрикативного призвука свистящего характера в виде [т'$^{с'}$] и [д'$^{з'}$] (т'с' – д'з') или шипящего [т'$^{ш'}$] и [з'$^{ж'}$].

Сущность цеканья и дзеканья – появление на месте палатализованных переднеязычных взрывных [т'] и [д'] соответствующих палатализованных переднеязычных аффрикат [ц'] и [ʒ'] (д'з').

Цеканье и дзеканье было отмечено С. Разумихиным в говоре села Бобровки в 1853 г. В виде тс и дз (приведем примеры в записи автора): *вязетсь, знаютсь, надобитсь, как нибутсь, паслатсь,*

евтсим, гаритсь, апятсь, сурстрикаитсь, спатсь, батсюшка, абаратсився, выхватсила.

Оленинские говоры характеризуются такими особенностями, которые по мнению С.А. Копорского[10], были связаны с цеканьем и дзеканьем, а именно в исконных сочетаниях **[с'т']** → **[с'с']**, а **[з'д']** → **[з'з']**.

Так, в говорах Холмецкого и Первомайского сельсоветов мы отмечали достаточно много примеров: *надь в'ис'си (=вести), сп'ажгУйу с'сЕнку (стенку), ръс'с'агнУл, мъс'с'арскайа, н'ипус'с'Ил'и, шыс'с'арЫх, гОс'с'йа, н'а шас'с'Орк'и, кОс'с'и, ц^ч ырнабыл'н'ик - рас'с'Ен'йь, з'з'Ес', с'с'Ас (сейчас > счас > щас)* (Сазоново, Антипов Я.А.); *пап'Ервъс'с'и, наглъс'с'и, з'з'Ес', пус'с'Ил'и, кОс'с'а, Нас'с'а, пас'с'Ел* (Сазоново, Антипова М.Г.); *на радъс'с'ах, з'з'Ес', н'а с'с'ел'йУ (не с целью), в'из'з'Е, на с'с'Ешк'и (на стежке), н'и пус'с'Ил, пУс'с'ут'* (Холмец, Цепелова М.Г.). Примеры многочисленны. Они свидетельствуют о том, что произношение **[с'с']** и **[з'з']** на месте **[ст']** и **[зд']** – живая черта оленинских говоров и говоров соседних районов Тверской области, относящихся к южнорусскому наречию. Кроме приведенных примеров, отметим употребление **[с'с']** в формах 2го лица настоящего и будущего времени возвратных глаголов, в которых на стыке постфикса и предшествующих согласных употребляется сочетание **[шс]** или **[шс']**: *ошибаешься (ошибешься)*. В сочетании **[шс]** в говорах возможна регрессивная ассимиляция: **[шс]** > **[сс]**. Такое произношение известно и тверским, и псковским, и смоленским говорам. Наряду с вариантом **[с'с']** в этих же говорах произносится **[с'т']**. Вариант **[с'т']**, распространенный исключительно на западе, в смоленских и тверских говорах, исследователи считают гиперизмом: *умОйес'т'а, ошибаис'т'а, см'айОс'т'а, руүАис'т'а* и под. (Холмец). Значит **с'т'** возникло из **с'с'** (в смоленских говорах отмечены: *Ан'Ис'т'а, калОс'т'а, валОс'т'а*).

К числу особенностей комплекса переднеязычных согласных в говорах Оленинского и Нелидовского районов относится так называемое «шепелявенье», т.е. произношение на месте **[с']** и **[з']** палатальных согласных **[с'']** **[з'']**,а также палатализованных **[ш']**, **[ж']**: *ус''о, с''н'им'и, ус^ш' о, с''ам'йа, п'ес''н'и, шыис''ат, йес''л'и, пр'инас''ил, заус''ех, с''ело, с''енъ, с''вокър, пъс''ла, фс''о, бъйал'ис'', в'ес'', пос''л'и, кас''ил'и, час''т'ен'къ, нас''ил'и, рас''ил'и, үлазас''тый, д'в'ес''т'и, с''ин'ий.* Все примеры записа-

ны в говоре села Бобровки (1988 г.), но в старых записях С. Разумихина эта особенность не была отмечена (вероятно, из-за трудности ее передачи на письме). В.М. Попов[11], Н.П. Гринкова[12] считали эту особенность присущей оленинским говорам.

Наши наблюдения свидетельствуют о том, что мягкие зубные [с'] и [з'] в речи информантов особенно старшего поколения имеют шепелявый характер, но степень шепелявости индивидуальна. Это могут быть звуки [с''] и [з'']: *с''н'ал, с''ил'ишъ, кас''ит', йис'', рас''к'идывът', ус''о, с''в'ет, в'ис''ил'к'и, с''л'апой, з''имл'а, з''амл'и, д'ив'из''ийа, куз''н'ец, уз''ал'и, из''б'ш'и* и т.д. Нередки случаи реализации мягких фонем [с'] и [з'] в виде [с''ш'] и [з''ж']: *с''ш'инакос, ус''ш'о, паш''л'и, с''ш'м'йа, Вас''ш'шка, ш''п'ир'апугу, ж''б'и-рат', ж''амл'а, ш''п'и (=спи).* В современных оленинских говорах в целом шепелявость выражена уже довольно слабо и характеризует главным образом речь старшего поколения. При этом мы отметили, что шепелявое [с''] шире распространено, чем [з''].

С шепелявостью связана вторая особенность современного произношения переднеязычных согласных в южнорусских говорах Тверской области: произношение [ч'] на месте мягкого [т']: [т'] приобретает дополнительную фрикацию в виде [ш'] и [т'ш'] переходит в мягкое [ч']: *будич'* (3 л. глагола *будет), косич', проч'ив, исп'ич', цыч'в'яром, пяч'ъръ, пич'оркъ, Куч'ейн'икъв* (распространенная фамилия *Кутейников), вязуч'* (3 л.), *до с'с'мерч'и, Печ'ка (Петька), ходич'* (3 л.), *дадуч', йисч', прич'орта (притерта).* [т'] в сочетании [с'т'] очень часто в речи звучит как долгий полумягкий [ш˙]: *ш˙ш˙енка (стенка), куш˙ш˙ики, Ш˙ш˙опка (Степка), теш˙ш˙ (тесть), к теш˙ш˙у, веш˙ш˙ (везть – весть), выпуш˙ш˙ит' (выпустить).* В слове *хрусталистый* сочетание твердых [ст] также звучит как [ш˙ш˙]: *хруш˙ш˙ал'истый.* В говоре, таким образом, появились мягкие (или полумягкие) звуки [ч', ч˙] и [ш˙], которые не являются фонемами. Эта особенность отмечается большой устойчивостью особенно в речи старших информантов. Она отражается даже в фамилиях: *Кучейников.*

Звуки [с''] и [ж''] являются палатальными, отличающимися своей артикуляцией: если при произношении палатализованных [с'], [з'] щель образуется между кончиком языка и верхними зубами, а передняя часть спинки языка приподнята к переднему небу, то при произношении [с''], [з''] щель образуется между сред-

ней частью спинки языка и средней частью неба, а кончик языка не артикулирует и опущен к нижним зубам. Шепелявые [с''] и [з''] имеют широкое распространение в русских говорах, однако в тверских южнорусских говорах сохраняется реализация шепелявости в виде шипящих призвуков и даже в виде мены шипящих и свистящих. Приведем примеры: *ш'инакОс, в'ш'о (все), пОш'ли (после), к ш'ш'енке, к тЕш'ш'у (к тестю), до ш'м'ерти (до смерти), ж'амл'а, Ваш'ишка (Васечка).*

Материал Атласа русских народных говоров пополнили сведения о территории распространения «шепелявых» [с''] и [з''] в русских говорах. Выявлены районы употребления этих согласных не только на западе европейской части РСФСР вокруг Пскова и Великих Лук[13], но также и в пределах южнорусских и значительной части севернорусских говоров[14].

В некоторых говорах, как отмечают диалектологи, иногда мягкие шепелявые [с''], [з''] употребляются на месте **ш'**, **ж'** (в говорах к северу от Москвы (по данным ДАРЯ). Н.Н. Соколов писал о «сюсюканье» мягких **ш**, **ж** в б. Тверской губернии или о звуках типа $ж^{с'}$, $ж^{з'}$[15].

Таким образом, в силу разнообразных причин звукотипы щелевых свистящего и шипящего ряда получают в диалектах самую различную фонетическую реализацию. В связной речи носителей оленинских говоров шепелявые свистящие почти не воспринимаются как звуки, отличные от соответствующих палатализованных свистящих литературного языка, но употребляются устойчиво в речи взрослых информантов.

Исходя из примеров, записанных С. Разумихиным, можно считать, что в середине XIX в. в говоре с. Бобровки употреблялась только одна аффриката /ц/ на месте [ч] и [ц], /ч/ на месте /ц/ отмечена только в словах *царство (чарство), церковь (черковь), молодец (моладичъ)*. В.М. Попов в 1912 г., обследуя говоры сел Холмец и Молодой Туд, также называет их твердоцокающими[16].

Н.П. Гринкова в 1926 г. писала, что в архаическом типе говора тудовлян ярко выражено цоканье: «Обычным является произношение [ц] отвердевшего на месте этимологического [ч]: *пл'ицам, н'ицаво, с тоцы, палуцку*»[17].

Цоканье в пределах Калининской области распространено главным образом в виде совпадения [ц] и [ч] в одном звуке [ц] твердом, что роднит его с новгородским цоканьем.

Чоканье, то есть существование [ч] как единой фонемы на месте этимологических [ц] и [ч] не отмечено.

Цоканье распространено «островами», а не сплошной территорией. Таким «островом» является территория к западу и югу от д. Молодой Туд, а также к северо-западу от селения Оленино (так называемая Холмещина).

Наряду с цоканьем в виде «островов» находятся остатки былого цоканья, проявляющиеся в отдельных словах или в особенностях звуков небно-зубного образования. К таким относятся [ч] твердый (различной степени твердости), усиление фрикативного элемента в твердом [ч] *(тшайник),* разложение аффрикат: *атет* (отец), *клют'* (ключ), *натнёт* (начнет) и под; ч > ш' *(ш'орт, шисло)* и другие, особенно частые и в современных говорах Оленинского и Нелидовского районов; появление [ц] в форме *ушотцы,* а также в отдельных словах: *чело, целыжень, цеж.* Очень важной особенностью западного цоканья С.А. Копорский считал его связь с цеканьем и дзеканьем. Утрата цоканья и цеканья приводила к одним результатам: $т^{с'}$ переходило в т, а ц' и ч', утрачивая фрикативный элемент, переходили также в т: *немет, клют'.* Развитие аффрикат [ц] и [ч] и распад [$т^{с'}$] и [$д^{з'}$] отразилось на сочетаниях [ст'] и [зд'], в которых утрачивался взрывной элемент: *Насся, отпуссили, ззелал* и т.п. Произношение *жерс'т' – жерз'д'и* известно многим тверским говорам. В заключение С.А. Копорский писал, что «почти вся территория области составляла южную границу цоканья»[18], но для XIX и XX вв. калининские говоры не были полностью цокающими, они имели остатки цоканья на широкой площади, или только «острова».

Следует отметить, что цоканье в исследуемом нами регионе утрачивается очень медленно. Так, во время диалектологической экспедиции, проведенной Т.В. Кирилловой на территории Холмещины (1968 г.), было записано большое количество примеров цокающего произношения в речи информантов от 50 лет и старше: *пъцаму, пацыняит', оцырет', санацк'и, вецыр, пецка, цыцвяром, руда цыловецеская, цериз' рецку, цысла, куцкам, н'ицаго, завот Лихацоф, два враца* (д. Сазоново, Антипов Я.А.); *п'ир'авотцык, два цаса, пецка, цардак, доцка, на кой цорт, балмоцыт', цысла, до вецера, ныницы.*

Наши наблюдения 1984-1988 гг. над говором с. Молодой Туд свидетельствуют о цоканье в виде смешения твердых [ц] и

[ч] в речи всех информантов старшего поколения. Но вместе с тем [ч] иногда произносится как звук полумягкий, переходящий к мягкому [ч']. В диалектологии известно, что аффриката [ч] может иметь различное качество: от твердого до полумягкого и мягкого. Все эти оттенки возможны даже в пределах одного говора и различить их очень трудно без применения экспериментального анализа. Это хорошо показано в работе В.Н. Чекмонаса «Артикуляционные особенности согласных /ц/ и /ч/ в говорах Псковской области»[19].

Р.И. Аванесов отмечал, что «предпосылки для появления цоканья были во всех славянских говорах и – в частности у восточных славян»[20]. Он впервые дал и фонологическую характеристику аффрикат /ц'/ и /ч'/ как комбинаторных вариантов фонемы /к/, которые «не употреблялись в тождественных фонетико-морфологических условиях, а потому различение /ц/ и /ч/ было лишено ...семасиологической нагрузки... и они оказались слабым звеном в фонетической системе славянских языков»[21].

На процесс мены /ч'/ и /ц/ могли влиять и внешнелингвистические факторы – влияние норм литературного языка и соседних среднерусских говоров. «Восстановление исконной дистрибуции этимологических фонем /ц/ и /ч'/, – писала А.М. Кузнецова, – предполагает внешнее воздействие (системы другого говора или нормализованного языка) на структуру диалектного консонантизма, в результате которого происходит сложная перестройка всей фонологической системы»[22]. В современных оленинских говорах цоканье встречается в речи старшего поколения. Но чаще всего оно представлено в виде различения твердых [ч] и [ц] или в виде беспорядочного употребления /ц/ и /ч'/, поэтому на карте Диалектологического атласа русского языка (вып. 1. Фонетика, карта № 47) оленинские говоры вошли в состав ареала к западу от города Ржева, отличающегося большой пестротой фонематических реализаций фонем /ц/ и /ч'/.

Специфической особенностью консонантизма говоров Оленинского района Тверской области как южнорусских является относительно устойчивое функционирование в них губных спирантов. Здесь имеется в виду фонетическая реализация фонем /в, в', ф, ф'/.

Традиционные южнорусские говоры – довольно архаичный диалектный массив, где устойчиво сохраняются губно-губные

звуки в реализации фонем /в/, /в'/, а фонемы /ф/, /ф'/ представлены различными субституциями, наиболее распространенными из которых являются [х], [х'] и [хв], [хв'].

Фонетическая реализация губных спирантов в говорах – системно организованное явление. Так, в реализации губных фонем /в/, /в'/ выделяются 4 фонетические подсистемы, отражающие основные исторические ступени, на пути от губно-губной к губно-зубной артикуляции звуков в соответствии с /в/, /в'/[23]. Подсистемы выделены на основании наличия/отсутствия губно-губных или губно-зубных звуков в реализации фонемы /в/ в позициях перед звонкими и глухими согласными в середине слова:

• подсистема I, где фонема /в/ (w) реализуется только в губно-губных звуках [ў], [w];

• подсистема II, в которой наряду с [ў], [w] перед звонкими согласными, а иногда и перед глухими, отмечен губно-губной звук [в];

• подсистема III, где, наряду с губно-губными звуками и [в], появляется губно-губной звук [ф] (глухой);

• подсистема IV, в которой фонема /в/ реализуется только в губно-зубных звуках.

Системно организована в исконных южнорусских говорах и реализация фонем /ф/, /ф'/. Выделены три фонетические подсистемы, каждая из которых имеет свой ареал распространения:

• подсистема I, где в соответствии с /ф/, /ф'/ представлены только [хв], [хв']

• подсистема II, в которой в соответствии с /ф/, /ф'/ представлены только /х/, /х'/;

• подсистема III, где в соответствии с /ф/, /ф'/ сосуществуют [хв], [хв'] и [х], [х'].

В целом по способу употребления губных спирантов в исконных южнорусских говорах можно выделить 3 типа консонантных систем.

К первому типу относится бóльшая часть южнорусского наречия. В консонантных системах таких говоров есть только парные по твердости / мягкости фонемы /в/, /в'/ (точнее, их губно-губной эквивалент /w/ – /w'/), реализующиеся в определенных позициях в виде спирантов губно-губного образования [w] – [w'], а чаще [ў]. Фонемы /в/w/, /в'/w'/ являются в таких говорах непар-

ными по глухости/звонкости, т.к. фонемы /ф/, /ф'/ в них отсутствуют.

Второй тип представлен группой говоров, в консонантных системах которых губно-зубной звук [ф] (наряду с [в]) уже появился в системе позиционных чередований, но фонемы /ф/ по-прежнему нет.

Третий тип характеризуется появлением в консонантных системах факультативных фонем /ф/, /ф'/ и возникновением факультативной соотносительности пар /в/ – /ф/, /в'/ – /ф'/. Фонемы /в/, /в'/ реализуются в таких говорах преимущественно в губно-зубных звуках[24]. Диалектные реализации губных спирантов распределяются в исследуемом говоре в соответствии с возрастной стратификацией носителей диалекта на пути сближения их речи с литературным языком.

Что касается фонемы /ф/, которая усваивается под влиянием литературного языка и соседних среднерусских говоров, то она реализуется прежде всего в слабой позиции ([трафка, кароф]) в [ф], [ф']. Эта особенность, прогрессирующая в говорах, отражается в речи передового слоя диалекта. В речи старшего поколения чаще сохраняется звук, предшествующий /ф/, не только в собственных именах (Хедя, Хведор), но и в новых словах, усвоенных носителями говора: *штохъ, Стяхванушка, Хведарацъ, Хранъцузъ*[25]; *С'ерах'има празнуйем* (д. Подсосонники, 1926); *Х'ед'ем зав'ом* (д. Безобразово, 1968); *магн'итахон, у н'емцъх* (= у немцев), *кохта* (с. Молодой Туд, 1964).

Все эти наблюдения свидетельствуют о том, что в современных говорах реализуется подсистема I (архаический слой говора), где фонема /в, в'/ (ее губно-губной эквивалент w) в сильной позиции реализуется только в губно-губных звуках [ў], [w], а в слабой позиции им соответствуют глухие [х, х', хв, хв'].

Звук [γ] фрикативного образования – особенность южнорусских говоров. В 1853 г. С. Разумихин отмечал: «*Г* так и произносится, но только всегда грубо, как *h* немецкое, или *h* латинское, и притом как будто с удвоением»[26] (фрикативное [γ] С. Разумихин передает буквой **г**).

Под влиянием среднерусских говоров и литературного языка [γ] постепенно уступает место в сильной позиции [г] взрывному. Поэтому в речи всех носителей говора существует вариативность в произношении этого звука.

Материал показывает, что в современных оленинских говорах вариативность данной диалектной особенности – живая черта не только в речи информантов старшего поколения (мужчин и женщин), но и в речи грамотных людей, хотя в значительно меньшей степени. Произношение [г] взрывного получает все большую частотность в речи всех жителей и особенно детей.

Однако в слабой позиции устойчив звук [х], что привело к образованию в говоре нового фонетического чередования [г] // [х]: *нога – нох*, *л'егок – л'ехце* (д. Подсосонники, 1926); *парог'и – порох*, *сн'ига – сн'ех*, *нога – з нох* (д. Подсосонники, 1926); *уб'егу - уб'ох*, *кругом – акрух* (д. Сазоново, 1968); *кругом – вакрух*, *сапаг'и – сапох нету*, *враг'и – врах* (д. Грива, 1968); *дарога – дарох*, *бумага – бумах* (д. Холмец, 1968); *м'игом – м'их* (д. Молодой Туд, 1968); *с'н'ега – с'н'ех*, *нога – б'аз нох* (д. Бобровки, 1987); *с йуга – на йух* (д. Городищи, 1987); *кругом – вакрух*, *падруга – падрух*, *луга – лух*, *парог'и – парох*, *по-логъм – полъх* (д. Бобровка, 2003).

Чередование [г]//[х] характеризует современный говор всех обследуемых населенных пунктов. В результате образования нового чередования [г]//[х] фонема /к/ оказывалась непарной по звонкости/глухости в современном говоре Оленинского района.

Наблюдения над фонетикой южнорусских говоров Тверской области и анализ фактического материала вместе с данными лингвистической географии позволяют сделать вывод о том, что эти говоры в силу условий исторического характера в течение длительного времени развивались в сторону сближения с диалектами среднерусского типа, в которых наиболее полно отражаются общеязыковые процессы развития русского языка. Тенденция сближения со среднерусскими говорами особенно активна на территории Тверской области, которая представляет собою пограничную зону функционирования среднерусских и южнорусских диалектов.

Изучение южнорусских говоров и в частности говоров Оленинского района происходило на протяжении почти 150 лет, начиная с середины XIX , в. (С. Разумихин). Последующие наблюдения диалектологов (М.В. Попов, Н.П. Гринкова, С.А. Копорский, Т.В. Кириллова, Г.В. Бырдина, Е.В. Николаева), длительные и разновременные, дали возможность установить степень устойчивости различных диалектных особенностей, показать современное состояние говоров (хотя бы на одном, фонетико-

фонологическом, уровне) как итог их развития в предшествующий период, понять и описать динамические факторы их развития.

Вариативность диалектной фонетической системы по-разному проявляется на уровне вокализма и на уровне консонантизма.

В вокализме общая тенденция к сближению южнорусских говоров со среднерусскими выражается в утрате актуальности диссимилятивного принципа организации гласных ударенного и предударного слогов. В процессе изменения в них постепенно утверждается недиссимилятивное аканье и яканье. Этот процесс особенно активно связан с диссимилятивным аканьем (яканьем) жиздринской разновидности. Р.И. Аванесов утверждал, что аканье возникло в конце XII – первой половине XIII в. на территории Рязанского, Новгород-Северского и Черниговского княжеств, откуда оно позже распространяется на запад, северо-запад и север. Вслед за А.А. Шахматовым, он считал первичным видом диссимилятивное яканье обоянского и задонского типов, которые в дальнейшем подверглись упрощению. Так возникает жиздринский тип (Аванесов, 1952). В современных говорах этот тип аканья прослеживается только в западных районах и далее в белорусском языке (Войтович, 1966). СИ. Котков убедительно показал, что в период от XVII в. до настоящего времени (XX в.) заметна эволюция безударного вокализма в направлении отхода от диссимилятивного принципа организации вокализма[27].

Современная тверская территория южнорусского наречия представляет собой переходную зону от аканья (яканья) с диссимилятивностью к аканью недиссимилятивному (сильному) и умеренному яканью. Жиздринский тип диссимилятивного аканья и яканья сохраняется в говорах Западной группы южнорусского наречия (южная часть Западнодвинского и Нелидовского районов, Вельский и Жарковский районы), говоры же Оленинского и части Нелидовского районов в разной степени утратили диссимилятивность. Поскольку структурные различия между диссимилятивным аканьем любой разновидности, с одной стороны, и недиссимилятивным – с другой, обнаруживаются лишь в позиции перед ударенным [а], а остальные позиции представляют собою общие звенья этих типов вокализма, в самой системе диссимилятивного аканья заложены возможности ее изменения в сторону расширения сферы употребления гласного [а] и перехода к не-

диссимилятивному аканью. Эта тенденция поддерживается и соседними среднерусскими говорами, в которых процесс обобщения и неразличения безударных гласных протекает активно в сторону сближения качества гласного безударных слогов с гласным, характерным для кодифицированной нормы.

Наблюдения над говорами Оленинского района показали, что даже в речи информантов передового типа иканье еще полностью не сформировано и в реализации гласных неверхнего подъема в 1-м предударном слоге после мягких согласных наблюдается употребление разнообразных вариантов: от [а] до [а^{е}, е^{а}, е^{и}, и]. Иканье для данных говоров – дело будущего, которое будет ускорено постоянным влиянием нормы литературного языка и соседних среднерусских икающих говоров.

Совершенно по-иному проявляется вариативность в консонантизме южнорусских говоров Тверской области.

Система согласных звуков в исследуемых говорах и в первую очередь в говорах Оленинского и северной половины Нелидовского районов отличается архаичностью. Даже в речи информантов передового слоя говора продолжают сохраняться такие диалектные различия, которые не связаны с дифференциальными признаками фонем, со смыслоразличением. К числу относительно устойчивых особенностей относится и [г] фрикативного образования, и губно-губные звуки [w] или [ў] в слабых позициях, в речи информантов старшего поколения неустойчиво цоканье и твердое произношение этимологических долгих шипящих [ш] и [ж], повышенная палатальность мягких зубных согласных [с'] и [з'], что проявляется в наличии шепелявости как диалектной черты, то есть сохраняются особенности, свойственные и другим южнорусским говорам. Но в то же время диалектные консонантные системы подвержены изменениям, отражающим общерусские процессы развития. Эти изменения, важные в функциональном отношении, весьма специфичны в южнорусских говорах. В результате междиалектных контактов и литературно-диалектного взаимодействия, а также в результате сохранения особенностей исходной системы в тверских говорах развиваются новые черты в их консонантизме. Так, в говорах Оленинского и других районов наряду с [г] фрикативным в речи информантов различного возраста произносится [г] взрывного образования, но только в сильной позиции, в то время как в слабой – сохраняется традицион-

ный вариант [х] и таким образом возникает новое чередование [г]//[х]. Наряду с произношением губно-губного согласного в слабой позиции в речи школьников, молодежи развивается употребление губно-зубного [в] в позиции перед сонорными согласными *(д'ер'Евн'а, давнО),* а в конце слова в речи всех информантов губно-губной согласный варьируется с губно-зубным [ф] (*дамОў* и *дамОф*), таким образом глухой губно-зубной [ф] входит в систему звуков южнорусских говоров. Особого внимания заслуживают нёбно-зубные согласные: цоканье медленно исчезает и развивается различение твердых [ц] и [ч].[ч] твердое устойчиво в тверских южнорусских говорах, что поддерживается влиянием многих соседних говоров Тверской области[28]. Трудность освоения мягкой аффрикаты [ч'] литературного языка, а также лексикализация старого произношения (типа *ушотцы* и др.) сдерживают интенсивность этого процесса. Наконец, отметим исчезновение таких особенностей, как цеканье и дзеканье, что вызвало в говорах целый ряд переходных артикуляций в произношении различных сочетаний звуков, многие из которых оказались гиперкорректными *(Нас'с'а, ненас'с'а, сме'йос'с'*а).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кириллова Т.В., Бондарчук Н.С., Куликова В.П., Белова А.А. Опыт словаря говоров Калининской области / Под ред. проф. Г.Г. Мельниченко. Калинин, 1972.

2. Колесов В.В. Фонологическая характеристика фонетических диалектных признаков // Вопросы языкознания, 1971. № 4. С. 64.

3. Калнынь Л.Э. Опыт моделирования системы украинского диалектного языка. Филологическая система. М., 1973. С. 16.

4. Строганова Т.Ю. О характере реализации гласных неверхнего подъема в 1-м предударном слоге после твердых согласных в говорах с диссимилятивным аканьем // Русские говоры. К изучению фонетики, грамматики, лексики. М., 1975. С. 41

5. Котков С.И. Говоры орловской области со стороны их вокализма // Учен. зап. Орловского гос. пед. ин-та. Т. V. Кафедра русского языка. Орел, 1951. Вып. 2. С. 58-128.

6. Денисевич Г.В. Типы предударного вокализма и пути их развития в говорах Курско-Белгородского края // Краткие очерки по русскому языку. Воронеж, 1964. С. 174-179.

7. Баранникова Л.И. Русские народные говоры в советский период (к проблеме соотношения диалектов). Саратов, 1967. 205 с.

8. Войтович Н.Т. О структурном параллелизме типов безударного вокализма и нарушениях его в белорусских говорах (К проблеме аканья) // Вопросы языкознания, 1971. № 1. С. 37-49.

9. Колесов В.В. Историческая фонетика современного русского языка: Учебное пособие. М., 1980. С. 198.

10. Копорский С.А. Цоканье в Калининской области // Материалы и исследования по русской диалектологии. М., Л., 1949. С. 152-232.

11. Попов В.М. Замечание о северно-смоленских и ржевских говорах // Известия ОРЯС АН, 1913. № 3. С.225-276.

12. Гринкова Н.П. Очерки по русской диалектологии. IV. Говор трудовлян Ржевского уезда // Известия ОРЯС АН. Т. XXXI. Л., 1962. С. 303-326.

13. Орлова В.Г. История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров. М., 1959. С. 22.

14. Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров: по материалам лингвистической географии. М., 1970. С. 271.

15. Соколов Н.Н. Отчет о поездке в Тверскую губернию // Труды диалектологической комиссии. Варшава, 1908. Вып. 1. С. 45.

16. Попов В.М. Замечание о северно-смоленских и ржевских говорах // Известия ОРЯС АН, 1913. № 3. С.225-276.

17. Гринкова Н.П. Очерки по русской диалектологии. IV. Говор трудовлян Ржевского уезда // Известия ОРЯС АН. Т. XXXI. Л., 1962. С. 308.

18. Копорский С.А. Цоканье в Калининской области // Материалы и исследования по русской диалектологии. М., Л., 1949. С. 175.

19. Чекномас В.Н. Артикуляционные особенности гласных /ч/ и /ц/ в говорах Псковской области // Язык: изменчивость и постоянство. К 70-летию Леонида Леонидовича Касаткина. М., 1998. С. 98-112.

20. Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии. М., 1949. С. 227.

21. Там же.

22. Кузнецова А.М. Разновидности способа образования согласных в русских говорах // Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии. М, 1977. С. 157.

23 Гончарова Л.Ф. Губные спиранты в говорах территории позднего заселения // Современные процессы в русских народных говорах. Саратов, 1991. С. 90-98.

24. Гончарова Л.Ф. Губные спиранты в говорах территории позднего заселения // Современные процессы в русских народных говорах. Саратов, 1991. С. 94.

25. Разумихин С. Село Бобровки и окружный его околоток // Собрание местных этнографических описаний. Этнографический сборник, издаваемый Императорским Русским географическим обществом. СПб, 1853. Вып. 1. С. 235-282.

26. Указ. соч.. С. 237.

27. Котков С.И. Южновеликорусское наречие в XVII столетии (фонетика и морфология). М., 1963. С. 57.

28. Копорский С.А. Цоканье в Калининской области //

Т.В. Габлина

СПЕЦИФИКА ПАДЕЖНОГО СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ГОВОРАХ ВЛАДИМИРСКОЙ-ПОВОЛЖСКОЙ ГРУППЫ (ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО)

Морфологический строй любой диалектной системы характеризуется меньшей восприимчивостью к различным внешним языковым явлениям.

Взаимосвязь грамматических форм и категорий оказывается настолько сильной, что необходимость в инновации наступает только тогда, когда затронуты все звенья языковой системы. Именно поэтому, учитывая, что литературный язык все более вытесняет диалектные образования на всех уровнях, изучение морфологических явлений оказывается наиболее перспективным, дающим возможность при сопоставлении в определенных случаях с историческими языковыми данными выявить специфику территориальных различий в частной диалектной системе как синхронном, так и диахронном аспектах.

Диалектные различия в области языковых форм связаны с особенностями падежно-числовых противопоставлений внутри частных парадигм, характеризующихся наличием вариантных форм.

В изучении диалектного своеобразия по тверским говорам можно выделить три периода:

1. Период дореволюционный, который в основном характеризуется выявлением отдельных региональных явлений и их описанием;

2. Период накопления материала; в этот период разрабатываются вопросники и программы, систематизируется сбор диалектных фактов, появляются первые интегрированные публикации[1].

3. Период лингвогеографической характеристики данных, собранных по программе Института русского языка; фиксация территориальных явлений на картах ДАРЯ[2].

С образованием языка Российского государства территория современной Тверской области оказалась в центре формирования переходных среднерусских говоров, поскольку по тверской земле проходила граница между новгородскими словенами и кривичами, а позднее – граница между Новгородом и Ростово-Суздальскими землями.

В результате сложившихся исторических преобразований Тверская область по диалектным характеристикам оказалась едва ли не самой сложной: на тверской диалектологической карте – говоры Севернорусского наречия (межзональные Белозерско-Бежецкие), Южнорусского наречия (Верхне-Днепровская группа), окающие и акающие среднерусские.

Интегрированный материал в синхронно-диахронном аспекте представлен по говорам Селигеро-Торжковской группы[3], говоры Владимирско-Поволжские исследованы фрагментарно.

Система склонения существительных говоров Владимирско-Поволжской группы

В говорах Владимирско-Поволжской группы отмечено четыре типа склонения, как в литературном языке (последний – множественное число).

Распределение существительных по типам склонения обусловлено, как и в литературном языке, их родовой принадлежностью. Границы типов склонения могут сужаться или расширяться в связи с тем, что входящие в определенные типы существительные не соответствуют родовой специализации этих же слов в литературном языке. Например, существительное *староста* в литературном языке принадлежит к парадигме слов первого склонения (типа *вода*) и в творительном падеже имеет окончание *-ой*. Во Владимирско-Поволжском диалекте отмечена форма творительного падежа с флексийным морфом *-ом*. Этот морф соответствует словам мужского рода, следовательно, здесь отмечается явление аналогии, опирающееся на противопоставленность личного – неличного в размытой ныне категории лица.

Категория числа

Все существительные во Владимирско-Поволжских говорах, как и в литературном языке, делятся по признаку грамматического числа на два класса: существительные единственного и множественного числа. Диалектные отличия незначительны, например: топоним *Кимры* в литературном языке известен только в форме множественного числа. В изучаемых говорах – в единственном: *в Кимру ездила*. Широко представлены формы типа *льны нынче хороши*, *погоды стоят холодные*, *пива к празднику все ставят*. Вещественные существительные в литературном языке

имеют, как правило, форму только единственного числа. Довольно часто употребляются существительные единственного числа в значении множественного: *немец нас победить не мог, огурец нынче хорош растет, тыква не уродилася*. В целом такие формы встречаются чаще всего в речи людей старшего поколения и имеют небольшую область распространения.

Категория рода

Владимирско-Поволжские говоры относятся к такой системе, где имеют место все три класса, но с определенными отклонениями от нормы. Такие отклонения характерны для всех родов, но больше всего подвергаются изменениям существительные среднего рода. Отмечается также переход слов мужского рода в разряд слов женского, также среднего – в мужской. Более всего пополняется класс существительных женского рода. Например: *купила пшоны* (род. падеж), *дерюгой заместо удеялы* (род. падеж). Существительные *одеяло* и *пшено*, относящиеся в литературном языке к существительным среднего рода, выступают во Владимирско-Поволжском диалекте как слова женского рода. Об этом свидетельствуют флексии родительного падежа. Существительные среднего рода *облако* и *яблоко* в говорах фиксируются как слова мужского рода с нулевой флексией: *дай мне яблок* (в значении единственного числа). Существительные *литр* и *плуг* фиксируются с окончанием -а (*литра* и *плуга*). Во Владимирско-Поволжском диалекте существительное путь представлено как слово женского рода: *в какую путь широкую пойдешь*. Существительное среднего рода коромысло фиксируется как слово мужского рода: *купила в городе коромысел* (форма вин. пад. ед. ч.). Во Владимирско-Поволжском диалекте существуют параллельные формы: *крыльцо – крылец, коромысло – коромысел*.

Первое склонение

К данному типу склонения относятся имена существительные женского и мужского рода с окончанием -а (-я), последние обозначают лиц мужского пола. Парадигма первого типа склонения расширена за счет имен существительных среднего и мужского рода типа *ужина*, *пшона*, *заработка*, *гувна*, *Кимра* и др. К этому типу склонения относятся имя существительное *церковь* (в литературном языке оно изменяется по третьему типу склонения). Во Владимирско-Поволжском диалекте данное слово отмечено в двух вариантах: *церковь* и *церква*, причем второй более распро-

страненный. Например, *в церкве свечку поставила, в церкву ходила, за церквуй нашла.*

Образец первого типа склонения

И. п. дорогА, жабА, женА, землЯ, армиЯ
Р. п. дорогИ (у дорогЕ), жабЫ, женЫ, землИ, армиЕ
Д. п. дорогЕ (дорогИ), жабЕ (жабЫ), женЕ, землЕ, армиЕ
В. п. дорогУ, жабУ, женУ, землЮ, армиЮ
Т. п. дорогОЙ (дорогУЙ), жабОЙ, женОЙ, землЕЙ, армиЕЙ
П.п. дорогЕ (дорогИ), жабЕ, женЕ, землЕ, армиЕ

Именительный падеж представлен окончанием -а (-я), как в литературном языке.

В родительном падеже частотны формы на -ы (-и). Для говоров Владимирско-Поволжской группы характерна форма с окончанием -е в предложных сочетаниях: *да у третьей снохе трое, хороша жердина у стене, я нонче была у сестре, рогачи – ручка у сохе.* В безударном положении чаще встречается окончание -и (-ы): *тещи, мамы, яблони, коровушки, малины.* Формы на -е, как правило, маркируют речь жителей старшего поколения.

В речевой практике диалектоносителей Владимирско-Поволжского региона отмечено заметное расширение функции окончания -ы (-и) в дательном и предложных падежах. Например: *ходил по хати, ходил по земли, ходил к мамы, по росы ходил, стоит на дороги, в нашей деревни, раньше в риги было, жили на фабрики, на той стороны, на реки на прялки душили нас, на зари разбудил, стелется по воды.*

Совпадение окочаний непрямых падежей привело к полной унификации форм Р – Д – Пр. падежей в форме на -ы (-и). Таким образом, для современных Владимирско-Поволжских говоров характерен и-синкретизм, нарушаемый сегодня е-экспансией для форм Р - Д- Пр. И-синкретичные формы устойчивы и служат образцом для системы словоизменения первого типа склонения. Исторически и-синкретизм был основной формой выражения грамматического значения непрямых падежей, е-синкре-тичные формы – это результат позднего вкрапления в систему первого типа склонения на территории Владимирско-Поволжских говоров. Диалектный материал показывает различные направления в реализации общей тенденции к объединению слов по типам склонения, которая в русских диалектах получает более интенсивное развитие.

В творительном падеже для слов первого склонения отмечено заметное расширение окончания -уй (-юй). Например: *смажут мокруй тряпкуй*, *покрой салфеткуй*, *была щепка щепкуй*, *умойся водичкуй*, *чешут волосы гребенкуй*, *перед свадьбуй*, *с матерьюй жить в ладу*, *хвастала дочерьюй*. Окончание -уй (-юй) свойственно словам с неподвижным типом ударения на основе. Формы на –уй (-юй) объясняют по-разному. Например, А.А. Шахматов образование таких форм связывал с фонетическим процессом, который характерен для акающих диалектов[4]. Другие полагают, что появление подобных форм – это результат «контаминации форм существительных старого склонения на -а и старого на і»[5]. Следует отметить, что флексия -уй повсеместно встречается в говорах Селигеро-Торжковской и Верхнеднепровской групп говоров.

Диалектные формы в винительном падеже не отмечены на территории данного диалектного региона. Например: *Сергей в канаву спрятался*, *умру – так велю колхозну книжку в гроб класть*, *прядут куделю*, *ложечку заварю*, *за квартиру деньги давали*.

Таким образом, сохраняя существующую систему падежных форм, первое склонение имеет ряд особенностей. По количественному составу первый тип склонения шире, чем в литературном языке, за счет включения в него слов иной родовой отнесенности. Для говоров Владимирско-Поволжской группы сохраняется тенденция к унификации трех падежных форм – родительного, дательного и предложного, которые имеют единое окончание -и. Формы творительного падежа остаются вариантными, реализуясь в двух флексийных морфах -ой (-ей) / - уй (-юй).

Второй тип склонения

Ко второму типу склонения относятся имена существительные мужского рода с нулевым окончанием: конь, огонь, стол, воз, а также существительные среднего рода с окончанием -о (-е): окно, яблоко, поле, здание.

Мощность второго типа склонения колеблется не только за счет родовых изменений отдельных слов, как *яблок*, *облак*, а также за счет следующих морфологических групп:

1. Существительных с суффиксами -ушк (-юшк), -ишк, -онк, -к. Например: *сидит с дедушком Данилом да куделю прядет*, *дедко Пахом*, *нет мальчонка шустрого*.

2. Существительных на -мя, которые имеют парадигму второго типа склонения.

3. Иноязычных несклоняемых существительных, изменяющихся по системе второго типа склонения (*ходила в старом пальте*, *была вчера в кине*, *в метре не ездила*).

Падежная парадигма существительных второго типа склонения имеет сравнительно немного диалектных форм, которые фиксируются в родительном и предложных падежах. Диалектные окончания носят последовательный характер. Это объясняется тем, что в истории русского языка второе склонение было наиболее стабильным и продуктивным, не имело столь ярких различий между твердым и мягким вариантами, которые отмечены в парадигме первого типа склонения.

Образец второго типа склонения

И.п. дом, хлеб, конь, окнО, полЕ
Р.п. домА (У), хлеба (У), конЯ, окнА, полЯ
Д.п. домУ, хлебУ, конЮ, окнУ, полЮ
В.п. дом, хлеб, конЯ, окнО, полЕ
Т.п. домОМ, хлебОМ, конЕМ, окнОМ, полЕМ
П.п. домЕ (У), хлебЕ, конЕ (И), окнЕ (И), полЕ (И)

Территориальных явлений не наблюдается в формах именительного и винительного падежей. Последний четко отражает разграничение слов по одушевленности-неодушевлен-ности: *видел коня*, *ударил деда*, *поучал сына*, *не хватает народа* и т.д.

Дательный и творительный падежи также тождественны литературной форме: *кажному по полотенцу*, *прилипнет к телу*, *едут к жениху*, *по холоду поехали в лес*, *по полю тракторы ходят*, *невеста воет голосом*, *ране ходили с кашелем*, *подруга благословляет хлебом*, *стакан с пивом*, *бил дуб*цом.

В родительном падеже в изучаемых говорах фиксируется две флексии: -а и -у. При классификации диалектного материала выявлено следующее: чаще всего формы на -у отмечены в сочетаниях с предлогами *с*, *от*, *до*, *из*, *без*, *у*, *со*. Например: *чуть не помер со страху*, *без сну*, *из льну плели*, *из этого классу*, *ушли из колхозу*, *на возу не вози*, *горсть льну* и т.д. Подобные формы отмечены на всей территории изучаемого региона. Наиболее часто окончание -у отмечено у существительных вещественного значения, слов, означающих место и время, и существительных, означающих отвлеченные понятия.

Исторически вариантные формы в родительном и предложном падежах объясняются тесным взаимодействием слов, бывших основ на ŭ с именами второго типа склонения на ŏ. Необходимо отметить, что в настоящее время активность у-форм уменьшается, однако встречаются случаи, где у-флексия оформляет слова конкретной семантики: *нет гвоздю*, *со двору*, *ушел от дубу*, *с луку стрелял*, *с саду не видно*.

Во Владимирско-Поволжском диалекте нередки равноправные дублеты: *дома/дому*, *привоза/привозу*, *подола/подолу*, *дубца/дубцу*, *голоса/голосу*, *народа/народу* и др.

Как показывают материалы экспедиции последних лет, формы с окончанием -у чаще используются жителями старшего поколения.

В предложном падеже в исследуемых говорах представлено два окончания: -е и -у. Флексия -е широко распространена во Владимирско-Поволжском диалекте. Ею оформлены существительные среднего и мужского рода независимо от места ударения и отнесенности к одушевленности/неодушевленности. Флексия -у отмечена только под ударением у существительных мужского рода с предлогами *в* и *на*. Например: *были в клубу*, *на гвоздю висит утирка*, *в дом нет воды*, *на чердаку сидит*, *в корму лежал*.

В безударной позиции в данном диалекте отмечено употребление флексии -и. Вероятно, это диалектный вариант морфа -е. Например: *были в поли*, *в колхози работал*, *на заводи заболел*, *в городи живет*, *меряли пальто в магазини*, *работает в Конакови*, *ошибка в тетради*, *сушим белье на солнышки*.

Таким образом, второй тип склонения является самым мощным по количеству принадлежащих ему существительных: сюда входят несклоняемые иноязычные имена, получившие падежную оформленность в соответствии с парадигмой второго склонения, все разносклоняемые существительные, а также группа слов с суффиксами субъективной оценки -ушк (-юшк), -инк, -к. Именительный, винительный, дательный и творительный падежи отражают общелитературный вариант нормы. В родительном и предложном падежах отмечается тенденция к сужению форм на -у, которые издревле явно обладали статусом наддиалектных образований.

Третий тип склонения

К данному типу склонения относятся существительные женского рода с нулевой флексией. Он сформировался в основном из имен, ранее принадлежавших к типу склонению на ĭ. Сюда же примкнула часть существительных с основой на согласный, которые приняли окончание слов типа мышь, тишь. Во Владимирско-Поволжском говоре существительные третьего склонения имеют единое окончание в родительном, дательном и предложном падежах. Например: *нас было много детей у матери, пыли и грязи много на улице, у двери всю ночь просидел, к дочери поехала, к ночи обещал быть, к лошади подошел, ведро на печи лежит, в жизни мало хорошего, на площади собрались, по памяти помню.*

Формы на -е немногочисленны и характеризуют речь жителей старшего поколения.Тенденция к преододенню разнооформленности падежно-числовых показателей в категории слов одного рода реализуется в направлении сближения именной парадигмы. В результате слова женского рода во Владимирско-Поволжском диалекте в формах родительного, дательного и творительного падежей получают единое окончание -и. Однако это единство не обладает высокой степенью стабильности,поскольку в парадигматическом ряду оказываются рядом е- и и-формы.

Образец третьего типа склонения

И.п. дверь мать
Р.п. двери (е) матери (е)
Д.п. двери(е) матери(е)
В.п. дверь мать
Т.п. дверью матерью
Пр.п. двери(е) матери(е)

Для выражения грамматического значения творительного падежа во Владимирско-Поволжском говоре используется морфема -уй (-юй). Например: *отец с матерью приехали, с мышьюй возился, в дочерьюй весной домик продали, с любовьюй жили, с гармоньюй идет по селу, дверьюй не хлопай.*

Наблюдения над формами творительного падежа единственного числа существительных женского рода показывают, что в данной падежной форме сложилась единая унифицированная флексия независимо от принадлежности слова к типу склонения.

Таким образом, можно говорить о том, что во Владимирско-Поволжском диалекте единство имен одного грамматического рода поддерживается в родительном, дательном, предложном и творительном падежах универсальными флексийными морфемами, что говорит о большей степени обобщения падежно-числовых форм и преодолении синонимии плана выражения парадигматического ряда. Однако стремление к единооформленности нарушается явлениями вариантного характера, что в целом обусловливает процесс развития морфологической системы.

Наблюдения над системой падежного словоизменения показывают, что диалектные особенности в изучаемом говоре характеризуются устойчивостью.Динамика процессов обусловлена как внутренними, так и внешними факторами, которые проявляются во все большем влиянии литературного языка на диалекты через средства массовой коммуникации, телевидение, радио, городское «вторжение» в характер жизни сельских людей.

Основные грамматические категории подчинены общенациональным формам, диалектные отклонения не носят системного характера и не являются определяющими в системе морфологических форм.

В языковом комплексе можно отметить явления общедиалектные, которые свойственны морфологическому уровню:

1.Широкое распространение у-флексии в родительном и предложном падежах существительных мужского рода единственного числа.

2.Более интенсивный процесс унификации не только типов склонения,но и падежных флексий.Например,переход отдельных слов одного родового класса в другой,появление универсальных показателей в системе падежного словоизменения,разрушение немотивированной парадигмы склонения слов на –мя.

К явлениям, характерным владимирско-поволж-скому говору, относятся следующие:

1. Наличие падежного и-синкретизма в парадигме слов первого склонения : от руки, к руки, о руки. Синкретичные формы подвергаются вытеснению за счет включения в парадигматику форм на –е: из воде, к воде, о воде.

2. Закрепление флексии –уй за словами женского рода в творительном падеже: ложкуй, паруй, тряпкуй, брешьюй, свекровьюй, пыльюй и др.

3. Более тесная взаимосвязь слов одного грамматического рода, что привело к универсальным показателям падежно-числовых выражений: род. пад.: деревни, лошади; дат. пад.: к деревни, к лошади; пред. пад. о деревни, о лошади; твор. пад.: деревнюй, лошадьюй.

Таким образом, владимирско-поволжский говор, как и любой диалект в целом, отражает происходящие в данный момент преобразования, непосредственно связанные с влиянием литературного языка на речевую практику диалектоносителей. Однако степень устойчивости морфологических форм все еще велика, т.к. процесс вытеснения диалектных форм и нивелирующей обработки сталкивается с устойчивостью звеньев морфологической системы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Обнорский С.П. Именное склонение в современном русском языке. Вып. 1. Единственное число. 1927.

2. Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып.1. С. 3-29.

3. Особенности субстантивного склонения в среднерусских говорах Селигеро-Торжковской группы // Проблемы динамики среднерусских говоров. С. 72-96.

4. Сологуб А.И. О диалектных формах творительного падежа существительных женского рода // Диалектология и лингвогеография русского языка. М., 1981. С. 101 - 102.

5. Там же. С. 102.

М.В. Николаева

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ТЕЛЬМОГРАФИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ ТВЕРСКИХ ГОВОРОВ

Вариантности языковых единиц разных уровней посвящено значительное количество исследований, однако эта проблема продолжает оставаться актуальной, особенно применительно к устным формам национального русского языка. Особую актуальность имеет изучение вариантности диалекта как пространственного варианта национального языка и как языкового пространства, ограниченного территориально, социально и функционально. Изучение специфики диалектной вариантности имеет существен-

ное значение для изучения истории языка, прогнозирования динамики развития говоров и, возможно, русского национального языка в целом.

Высокая вариантность фонетического, словообразовательного, морфологического и семантического облика функционирующих в диалекте лексических единиц определяется рядом факторов как внешнего, так и внутреннего характера. По мнению Е.А. Нефедовой, к ним относятся: 1) устная форма существования говоров и отсутствие в них кодифицированной нормы, облегчающие возникновение словообразовательных и семантических единиц разной степени устойчивости по готовым моделям; 2) повышенный эмоциональный тонус народной речи, вообще характерный для разговорного языка, в том числе и литературного; 3) номинативные процессы, результатом которых являются разномотивированные единицы с одинаковым значением; 4) разрушение архаического слоя говора, забвение звучания и значения многих слов, воспроизводимых неточно, в искаженном звучании и с достаточно неопределенной, «размытой» семантикой; 5) усвоение новой лексики, проникающей в говоры под влиянием городской культуры, часто связанное с трансформацией звучания и значения литературных слов; 6) территориальное варьирование говоров[1].

Народная (местная) географическая терминология представляет собой значительный пласт диалектной лексики, обозначающей различные объекты ландшафта. Одна из специфических черт географической терминологии в говорах – тесная зависимость ее семантического наполнения от изменяющихся условий географической среды, что, в свою очередь, влияет на еще бóльшую по сравнению с лексикой других тематических групп вариантность семантики, возникновение многозначности.

Так, в «Тематическом словаре говоров Тверской области» у слова *лядина* отмечено более 20 значений и оттенков значений. Схожую ситуацию для слова *ляга* в Новгородском областном словаре отмечает В.Л. Васильев, обращая внимание на то, что большинство значений «указывает не на разные географические объекты, а на частные особенности одной подверженной изменениям реалии – небольшой заболоченной низины, заливаемой водой[2]. Синкретичность значения вызывает сложности лексикогра-

фического порядка, но еще большие затруднения для семасиологического и ономасиологического анализа вызывает функционирование в одном ареале (чаще зафиксированное в разные периоды времени) слова с практически противоположными значениями. Ср., тверск. *ляда*, *лядина* – 'участок земли, заросший кустарником, лесом' и 'расчищенное под пашню место в лесу'; 'низкое, болотистое место' и 'высокое место на болоте'. Подобное имеет место и в случаях с лексемами *кулига*, *рёлка* и др. Очевидно, это связано с денотативным планом этой группы лексики, экстралингвистическими причинами: расчищенный участок леса может снова зарасти, стать заболоченным и т.д. Однако сам факт закрепления конкретных значений со всевозможными оттенками, по мнению ряда исследователей (В.Л. Васильева, Н.И. Толстого, Т.С. Коготковой), определяется факторами собственно языковыми.

Во-первых, лексическая система народного говора, как и общенационального языка, стремится избежать дублетности, что достигается приобретением терминами-синонимами дополнительных семантических признаков. Н.И. Толстой считает, что в таком случае дополнительный признак получает термин, появившийся в говоре позднее, а старый, исконный термин остается с прежним более общим значением. Реже конкретизируются значения каждого из столкнувшихся терминов[3]. Во-вторых, очень важную роль играет близость местных географических терминов и топонимов, в том числе микротопонимов, способность апеллятивов выполнять топонимическую функцию. Диалектоноситель естественным образом связывает значения слова, географического термина, с известными ему в данной местности географическими объектами. В свою очередь, изменение свойств объектов микроландшафта (зарастание луга лесом, смена типов леса, заболачивание и проч.) создает ситуацию: реалия меняется – привычное название (по сути – онимизированный географический термин, или, по Н.И. Толстому, ситуативный микротопоним) остается. Постепенно это название начинает указывать на объект с другими свойствами и может закрепиться в диалекте в качестве нарицательного слова с новым значением. Впервые на это обратили внимание авторы Лингвистического атласа района озера Селигер, которые связывают семантическое богатство некоторых осташковских терминов с

тем, что слова эти «обычно являются и нарицательными, и собственными именами одновременно»[4].

Тельмографические (называющие заболоченные места) термины являются одной из многочисленных групп номенклатурной лексики, распространенной в тверских говорах, причем включают богатый и достаточно дифференцированный набор лексем, имеющих разветвленную семную структуру[5].

Принадлежащая к географической терминологии, которая, как сказано выше, отличается высокой вариантностью в силу в том числе и изменчивости обозначаемых реалий, тельмографическая лексика не является исключением.

Для того чтобы определить, какое значение для географических терминов, различающихся набором сем, было первичным, необходимо предпринять попытку установить, как было образовано то или иное слово, определить его происхождение.

Для обозначения разных типов заболоченных мест, болот и их частей на территории Тверского региона используются лексемы *бала́хтина, боло́то (боло́нье, болота́жка, боло́тина, болоти́на, болотови́на, болота́вина, боло́тчина), боча́г (боча́жина), ве́шня, вя́зель (вязе́ль, вя́зило, вязи́на), глей, гря́зи, дрыч, дря́гва, зы́бель (зыби́на, зыбу́лька, зыбу́н, зыбь), едо́ма, ка́луга, лы́ва (лы́вина), ляд (ля́да, ля́дина, ляди́на, ля́жина, ляди́шка), мох (мохови́на, мошо́к, мша́ра, мша́рка, омша́ра, омша́рина, омша́рка, подмо́шня), моча́ло (мочави́на, мочеви́ще, мочля́вина, мочажи́на), непре́тище, пищу́га, поло́ина, пути́на (пути́нка), пучи́на, ре́пище, со́гра, солоти́на (со́лоть), стру́га, то́пка (топучи́на, топь), трясе́ль (тряси́на), хо́дель (ходу́н), чаща́ра, шату́н.*

Несомненно, словом-идентификатором, выражающим понятие в наиболее общей форме является термин *болото*. Общерусское слово *болото* известно носителям говоров, используется ими, в том числе и для пояснения значений диалектных слов: *У меня и дочка во мху блудила, в болоте-то. Болото, а в болоте вышка – возвышенность.* О распространенности этой лексемы можно судить и по популярному в Тверской области ойкониму Заболотье (Андреапольский, Бельский, Калининский и др. районы.)

Фонетические варианты и дериваты *болонье*, *болотина*, *болотовина* и т.п. могут дублировать *болото*, но иногда отличаются по

значению: *болотовина, болотажка* – небольшое болото, *болонье* – место возле болота.

Слово *болото* – непроизводное, общеславянское, его связывают с лит. báltas – 'белый', но внутренняя форма слова непрозрачна. Между тем, по мнению В.Е. Гольдина, говорам свойственна «наибольшая детализация языковой картины мира, специфика номинации естественных объектов и артефактов; ...установка на иконичность, изобразительность речи (стремление к мотивированности номинаций)»[6]. Поэтому, с одной стороны, наряду со словом *болото* существуют собственно диалектные образные, мотивированные номинации (ср. *мшарка, зыбина, ходель, шатун, трясель, мочлявина*), с другой стороны – слова с корнем *болот-* развивают переносные значения: *болото* – сенокосное угодье на болотистом месте (метонимический перенос); *болóтина* – дурак, простофиля (метафорический перенос). Метафорическое переосмысление термина *болото* свойственно и литературному языку, ср. *обывательское болото* (актуализация признака 'отсутствие движения, развития, жизни; косность'); пословицы *Не ходи при болоте, черт уши обколотит*; *Было бы болото, а черти будут; В тихом болоте (омуте) черти водятся* и т.п. (актуализация признака 'опасное, гиблое, неизведанное место').

Лексемы *глей, грязи, мох,* на первый взгляд, образованы по одной модели – метонимический перенос значения: 'место, где есть глей (особый вид почвы; в говорах также – ил)'; 'место, где есть грязь (почва, смешанная с водой)'; 'место, поросшее мхом'. *Болото пучина мы называем, где ничего не растет, а мох – где растет. Глей – топкое место, не пройти, завязишься.* Переосмысливаясь, эти слова могут терять дополнительную дифференциальную сему, обозначая общее понятие болота, болотистой местности. *У нас тут за озером два мха. А гривы такие - посередке мха сухая сопка.* Распространены и дериваты с корнем *мох-*: *Мшара – болото это, не такое, где клюква растет, а маленькое. Её как треснули, Дуська в мошок и полетела. Омшарник, или мшарина, в нашем понятии одно и то же; пройдешь мшаринку, потом будет балабан.* Это именование отразилось и в топонимике Тверской области: болота Козловский Мох, Пелецкий Мох, Прусоховский Мох; озера Мошное, Б. Мошно, М. Мошно; н.п. Гладкий Мох, Васильевский Мох, Мшенцы, Мошки, Подмошье и т.п.

Обращение к этимологии термина *грязи* ('тина, топь'; восх. к ст.-сл. **погрѧзнѫти**) позволяет полнее, точнее осознать его исходную семантическую структуру в говорах и национальном языке вообще. В кодификациях современного русского литературного языка связь лексемы *грязь* с глаголами *погрузиться, погрязнуть* не отражена; в словарных дефинициях компонент значения 'топкость, вязкость' не обозначается, хотя и может восстанавливаться из контекста; с точки зрения синхронии *грязь* – непроизводное слово. Переносные значения 'безнравственность, бесчестные взаимоотношения людей, клевета' развиваются на основе значения 'нечистота; то, что пачкает'. Однако изначально эта сема была сопутствующей, дополнительной, а лежащим в основе номинации признаком было значение 'то, во что погружаешься и не можешь выбраться; в чем грязнешь'. См. в словаре Даля: *погрязать* – вязнуть, тонуть, увязать, завязать, утопать или заседать в вязком, цепком. Таким образом, говоры сохранили древнейшую мотивацию, а следовательно, значение, которое в современном литературном языке отошло на периферию.

Значение лексемы *балахтина* мы восстановили из контекста в иллюстрации к слову *кочок* в словаре «Селигер»: *Я пробиралась по балахтине: с кочка на кочок прыгала* (д. Ходуново Фировского р-на). Очевидно, речь идет о болотистом участке земли. В СРНГ лексема *балахтина* со значением 'небольшое болото' имеет помету *Влад.*, а также зафиксировано *балахта* 'лягушка' (Новг.) и *балахтать* 'взбалтывать, взбивать сметану или масло, плескаться в воде' (Волог., Калуж., Костром.). Можно предположить для тверских говоров мотивацию *балахтина* – 'место, где водятся лягушки', а *балахта*, в свою очередь, – дериватив от *балахтать* (по характерным движениям лягушки), однако, по мнению С.А. Мызникова, *балахта*, возможно, связано вепс. lŏpshanne (ср. в прионежских говорах *лоттач* – 'лягушка' от фин. *lötty* с тем же значением)[7]. Тогда возможна связь термина *балахтина* с *лахта* – 'залив, сырое место' в обонежских говорах, 'болотистое место в лесу' – в новгородских и т.д. Термин *лахта* восходит к финск. lahti, вепс. laht 'болото', следовательно, и в русских говорах это значение было первичным. В тверских говорах отмечены слова с корневым *лахт-* – *лахтвина*, *лахтовина* в значении 'покос, луг'. Интересно проследить изменение семантики дериватов от *лахта* с учетом возможного географического

«продвижения» термина: *лахтина* – 'заболоченное место' (Новг.) → *лахтовина* – 'сенокос на низком, заливаемом водой месте' (Пск.) → *лахтовина* 'сенокосный луг в лесу' (Калин.).

Термин *дрягва* 'трясина, топкое место' мотивируется глаголом *дрягать* 'дрыгать, трясти, дрожать'. Признак, положенный в основу номинации – неустойчивая, шаткая поверхность болотистой местности – объединяет лексему *дрягва* с другими тверскими тельмографическими терминами: *зыбель (зыбина, зыбулька, зыбун, зыбь* – от *зыбаться* 'раскачиваться, дрожать' *трясель (трясина)* – от *трястись*, *ходель (ходун)* – от *ходить*, *шатун* – от *шататься*. Многочисленность таких образований свидетельствует о том, что для тверского диалектоносителя этот отличительный признак болота – наиболее важный, т.е. болото прежде всего противопоставляется твердой земле. Возможно, тверское слово *дрыч* 'топь, болото' (*Во время войны в дрыче пропала повозка с лошадью*), зафиксированное в СРНГ с аналогичным значением как смоленское, претерпело искажения и тоже восходит к глаголу *дрыгать,* ср. чередования в современном языке *могу – мочь*, *берегу – беречь* и т.п., связанные с трансформацией праслав. *mogti в др-рус. мочи под влиянием фонетических изменений. Конечно, это только предположение, поскольку в таком случае неясно, какими были промежуточные формы и почему они утратились.

Также неясно происхождение термина *вешня*, который записан в Тематическом словаре тверских говоров со значением 'болото' (несколько фиксаций в картотеке ТвГУ в разных населенных пунктах) и со значением 'сырое, топкое место после таянья снегов' (1 фиксация). Чем объяснить количественное превосходство записей (а стало быть, и пояснений информантов) с более общим, не конкретизированным значением? Может быть, справедливо именно такое толкование термина, а указание на мотивацию словом *весна* объясняется стремлением информанта объяснить его этимологию? Или, наоборот, это сохранившееся исконное значение, претерпевшее в дальнейшем расширение? В словаре Даля слово *вешня* с пометой «тверское» соотносится со словом *весна* (поскольку объединено с ним в одну словарную статью), но при этом определяется как 'загородка, выдел в ближних к селению поемных лугах, где не косят, а пасут скот; выгон'. Но, как заметил В.В. Виноградов, «в "Толковом словаре живого великорусского языка" В.И. Даля... проблема омонимии целиком сни-

мается тем, что за основу слияния и разграничения слов принимается внешнее фонетическое или графическое "единство" формы слова, чаще всего совпадение его звуковой оболочки»[7]. Следовательно, все те слова, которые объединяются общностью звукового состава (или звукового комплекса), рассматриваются как одно слово, как единая лексическая единица русского языка (и в историческом, и в диалектологическом разрезе). В СРНГ *вешня* со значением 'низкое, болотистое место' зафиксировано как псковское, а тверское – со значением 'поемный, заливной луг близ селения'. Таким образом, более нигде нет указания на признак непостоянности и отношение ко времени года, однако довольно последовательно отмечается сема 'близость к селению', а также 'отгороженность'. Возможно, это дает нам право предположить связь этого термина с *весь* 'селение, деревня' или *веха* 'шест, втыкаемый, устанавливаемый (в поле, на снегу и проч.) для указания пути, границ владений и участков и т. д.'? Тогда близкий к селению покос или огороженный выгон для скота мог заболачиваться, и таким образом термин стал соотноситься с обозначением болота.

Термин *лыва* в тверских говорах используется со значением 'лужа' (вариант – *лывина*) и 'место с открытой водой на болоте, окно' (*А окнищи – это лыва такая, лужи на болоте*). Слово *лыва*, имевшее в древнерусском языке значение 'болото', восходит, по данным этимологических словарей, к фин., карельск. *liiva* – 'ил, тина'. Мы видим, что изменение семантики привело к закреплению за словом значения, противоположного значению в языке-источнике.

Слово *калуга,* в тверских говорах имеющее значение 'топь, болото', исторически связано с *лужа.*

Лексемы с корневым *ляд-*, по данным «Этимологического словаря» М. Фасмера, соотносятся с праслав. *lędo*, родственным др. прусск. *lindan* 'долина'. Уже в древнерусском языке слово *лядина* имело несколько значений: 'пустошь, сорняки, густой кустарник', при этом *лядеть* – 'зарастать молодой порослью'. Фасмер не объединяет слова *ляда* (географический термин) и *ляд* ('нечистый, черт'), хотя и не дает четкого объяснения происхождения второго слова. Однако использованная им в толковании слова *ляд* формулировка «замена слова *леший*» дает основание предположить родство слов *ляда* и *ляд*. Если ляд – это леший, т.е.

мифический персонаж, обитающий в лесу, тогда общее исходное значение русских географических терминов с корневым *ляд-* именно 'лес, участок леса', а другие значения ('расчищенный под пашню участок', 'болотистое место' и т.д.) следует признать вторичными, развившимися под влиянием конкретных условий географической среды. В тверских говорах зафиксированы следующие значения дериватов с корневым *ляд-*, имеющие в своем составе указание на какое-либо отношение к лесу, лесной поросли: 'участок земли, заросший лесом, кустарником' (*ля́да, ляди́на; Лядина бывает березовая, ольховая, еловая*); 'частый, заросший лес' (*лядина, лядинник; Хороший, чистый лес – это бор, а лядина – это смешанный лес, глухой, неприятный; За ручьем еловый лес, плотный такой, мы и называли лядиной; А лядинник – это вот там вон, и ни пройти ни проехать*); 'ольховый лес' (*ляди́на; Лядина – это ольховый лес, ольшняк*); 'низкое болотистое место, заросшее кустарником, лесом' (*ляд, ля́да, ля́до, ля́дина, ляди́на, ля́жина; Ляжина - болотистое место с кустарником, без кустарника зовут грязи; Заедут в лядину, и не выбраться оттуда, из этой заросли, в лесу она обычно, где болотистые места*); 'расчищенное место в лесу (вырубленный, выжженный участок)' (*ляд, ляда, лядина, лядина*; *Лядины весною под яровой хлеб рубили; Бывает, на горелом ляду осина, береза там вырастает*); 'чистое место в лесу для выпаса скота' (*ля́да, ля́до; Лядо – это пастбище, сейчас оно заросло, но всё лядо*) и т.п. Противоположные значения для одного звукового комплекса, такие, как 'заросшее место' и 'расчищенное место', объясняются прагматической связанностью таких понятий для крестьянского сознания: расчищать нужно именно то, что этого требует, и, наоборот, заметной, привлекающей внимание будет ситуация, если зарастает ранее расчищенный, обрабатываемый участок. Прибавление компонента значения 'низкое, болотистое место' к семе 'место, заросшее лесом', по-видимому, связано с изменением географической реалии, позже в ряде говоров утратился именно первичный компонент значения, и термины *ляда*, *лядина* стали обозначать болотистое место вообще, вне связи с растительностью на нем.

Термин *солоть* (*солотина*) 'топкое место, болото' восходит к праслав. **soltъ* и связано с *соль*. В тверских говорах эта связь утрачена, произошло расширение значения, болота называют *солотью* или *солотиной* вне зависимости от особенностей (минерали-

зации) воды или состава почв: *В каку солотину залезли. По солотине не пройдешь – вымостили б это место, и езда была б хорошая* (ср., например, в донецких говорах *солотина* – 'солончаковые почвы').

Слово *непретище* – 'топкое, непроходимое место, заросшее кустарником' – сохраняет значение, обусловленное его внутренней формой, мотивировкой от глагола *переть* (русск.-цслав. 'лечу, двигаюсь').

Мочало, мочавина, мочевище, мочлявина восходят к моча 'влага, сырость' и обозначают в тверских говорах 'места, заливаемые водой' и 'топкие места в болоте': *Мочавина везде: на пожне, и в лесу, и на поляне. Через болото шли по лавинам до веретья, мочавины мхом зарастают. Бочаг* и *бочажина* – фонетические варианты, также относящиеся к *моча*, однако, кроме значения 'заливаемый водой луг', слово бочаг имеет значение 'глубокое место в реке'.

Происхождение слова *пищуга* ('топкое, непроходимое место в болоте') неясно. В СРНГ это слово с пометой «калининское» зафиксировано со значением 'непроходимое или труднопроходимое место в лесу', для брянских говоров записано значение 'щель, расщелина'. Этимологического описания этого слова нам найти не удалось. Возможно, связано с *пещера*? «Неясным» названо в этимологическом словаре М. Фасмера и слово *едома*, обозначающее в тверских говорах небольшое болото, причем отмечается упоминание его значении 'болото, топкая почва' в новгородских летописях XIV – XV вв.

Термин *полоина* мотивирован глаголом *лить*, имеет значение 'болотистое место': *Какая здесь полоина большая, далеко обходить*.

Путина в значении 'топкое место, болото' (Клюкву мы собирали на путинках), вероятно, появилось благодаря развитию семантики также зафиксированного в тверских говорах *путина* в значении 'распутица, размывание дорог' (*Нас застала путина*).

Слово *пучина* (в тверских говорах со значением 'топкое место на болоте'; *Не ходи сюда, здесь пучина*) М. Фасмер связывает с *пукать* ('лопаться, испускать газы'), а В.Я. Черных с *пучить* ('вздувать, вздымать').

Репище ('низкий болотистый луг'; *Ныне лето сухое, так мы и в репище косили*) – дериват от *репа*, изначально – 'участок, за-

сеянный репой', видимо, трансформация значения связана с распространенностью реалии, в связи с чем репищем стали называть огород, поле или луг вообще, а затем луг или поле с какими-то особенностями, не связанными с растительностью на них.

Этимология термина *согра* ('болотистое место с кустарником') остается спорной. На территории Тверской области это слово не распространено (записано только в одном, Бологовском, районе), семантических вариантов не имеет.

Струга ('болото в лесу'; *За клюквой на стругу ходили*) родственно др.-рус. *струга* ('течение, струя'), восходит к и.-е. *sreu- 'течь'.

Чащара ('глухое болотистое место, заросшее лесом') возникло от *чаща*, *чащара* ('густой труднопроходимый лес').

Итак, свойственная диалектной речи детализация картины мира проявляется в существовании в тельмографической лексике тверских говоров терминов, отражающих понятие, которое в литературном языке может быть определено только описательно, например, *лядина* – 'низкое заболоченное место в лесу, заросшее кустарником, труднопроходимое, непригодное для пашни'. Установка на изобразительность речи находит отражение в таких терминах, как *зыбина*, *дрягва*, *ходель*, *шатун*, *мшарина* и под. В тематической группе 'места, заливаемые водой; болота' есть слова, содержащие в своей внутренней форме актуализацию практически всех существенных отличительных признаков обозначаемого понятия, с помощью которых дефинируется лексема *болото* в словарях современного русского литературного языка: избыточная увлажненность (*мочажина, лывина, струга, калуга*), илистость (*глей*), зарастание растительным покровом (*мох, омшарина, чащара*), топкость, вязкость (*топучина, вязель, грязи*), причем последний признак может конкретизироваться с прагматической точки зрения, актуальной для народной речи, как 'труднопроходимое или непроходимое место' (*непретище, вязило*).

Отсутствие кодифицированных правил способствует развитию в каждом отдельном говоре восприимчивости к внешним влияниям, идущим из общенародного (литературного) языка и соседних близлежащих говоров. Для лексической системы говоров это на протяжении долгого времени приводило и приводит к расширению словаря, лексической дублетности и всякой вариантности вообще.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Нефедова Е.А. Лексико-семантическое варьирование в пространстве диалекта: автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 2008. С. 5.

2. Васильев В.Л. Специфика народной географической терминологии (семасиологический аспект) // Вестник Новгородского государственного университета. 1998. № 9. С. 21.

3. Толстой Н.И. О славянских названиях деревьев: сосна – хвоя – бор // Восточнославянское и общее языкознание. М., 1978.С. 119 – 120.

4. Мальцев М.Д., Филин Ф.П. Лингвистический атлас района озера Селигер. М.-Л., 1949. С. 17.

5. См. об этом: Чернышева М.В. Тельмографическая лексика тверских говоров в семантическом и лингвогеографическом аспектах // Актуальные проблемы филологии в вузе и школе: Материалы… Тверь, 2003. С. 176-181.

6. Гольдин В.Е. Доминанты традиционной сельской культуры речевого общения // Аванесовский сборник. М., 2003. С. 146.

7. Виноградов В.В. Об омонимии в русской лексикографической традиции // Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 288-294.

СЛОВАРИ

1. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка. Т. 1–2. М., 1999.

2. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. М., 1958.

3. Селигер: Материалы по русской диалектологии. Вып. 1–3. СПб., 2003 – 2007.

4. Словарь русских народных говоров. Т. 1-41. М.-Л.; СПб., 1965–2007.

5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1-4. М., 1964–1973.

Н.Ю. Грибовская

ЧЕЛОВЕК ГОВОРЯЩИЙ КАК ФРАГМЕНТ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА ТВЕРСКОГО ДИАЛЕКТОНОСИТЕЛЯ

Настоящее исследование выполнено в русле антропологического подхода к языку и посвящено тверской диалектной лексике, характеризующей человека. В основу исследования положены характерные для современной антропоцентрической семантики идеи языковой картины мира и возможности ее фрагментирования.

Антропоцентризм – отличительная черта современной лингвистики. Период конца XX – начала XXI века отмечен в науке о языке сменой научно-исследователь-ских парадигм: на смену описанию языка в самом себе и для себя приходит рассмотрение его в тесной связи с бытием человека, сознанием и мышлением. По словам Б.Л. Борухова, «на протяжении долгого времени лингвистика изучала не язык как таковой, в единстве его телесного и духовного аспектов, а лишь грамматический, синтаксический и семантический скелет языка. Между тем не скелет, а душа языка, то есть опредмеченное в нем мировоззрение, идеология, система ценностей напрямую связывает его с душой говорящего субъекта, его внутренним миром, мышлением»[1]. Актуализация антропологического направления изучения языка, переключение научных интересов с внутриязыковых связей и отношений на внешние контакты языковой системы с обществом, культурой, мышлением, обычаями и традициями социоэтнических групп послужила основой для появления новых дисциплин: лингвокультурологии, этнолингвистики, социолингвистики. Все они, являясь различными направлениями антропологической лингвистики, имеют предметом изучения триединство «человек–язык–культура». Исследования в области антропологической лингвистики показывают, что каждый национальный язык отражает определенный способ восприятия и кодировки мира.

Теоретико-философской основой лингвистической антропологии считаются идеи В.фон Гумбольдта, который рассматривал язык как воплощение духа народа, его мировоззрения и менталитета. В своих сочинениях немецкий философ писал, что «различные языки по своей сути, по своему влиянию на познание и чувства являются в действительности различными мировидениями»[2] и «своеобразие языка влияет на сущность нации....поэтому тщательное изучение языка должно включать в себя все, что история и философия называют внутренним миром человека»[3]. Понять природу языка и объяснить ее можно лишь исходя из понимания человеком природы и самого себя. «Постигая предметы, человек сближается с внешней природой и самостоятельно развертывает свои внутренние ощущения в той мере, в какой его духовные силы дифференцируются, вступая между собой в разнообразные соотношения: это запечатлевается в словотворчестве»[4].

Высказанная Гумбольдтом еще в начале XIX века идея об особом языковом мировидении, получив впоследствии название языковая картина мира (ЯКМ), стала центральным понятием современной антропологической лингвистики.

В настоящее время термин ЯКМ широко используется в лингвистике, исследуется в работах Ю.С. Степанова, Н.Д. Арутюновой, Ю.Н. Караулова, Ю.Д. Апресяна, В.Н. Телии, А. Вежбицкой и др.[5] Обобщая сказанное исследователями о языковой картине мира, можно сказать, что ЯКМ – это национально-специфические образы мира, закодированные в семантике языка.

Главная цель современных исследований ЯКМ и ее фрагментов – выявить, как жизнь человека и его практическая деятельность отражаются и сохраняются в языке. Выделить фрагменты языковой картины мира помогает такой способ структурирования лексического материала, как метод семантических полей. В отечественной лингвистике многие положения теории поля развиты в трудах Ю.Н Караулова[6]. Караулов анализирует большое количество определений семантического поля и дает характеристику основных свойств поля, явно или скрыто содержащихся в разных определениях. К наиболее общим свойствам поля он относит прежде всего связь его элементов, их взаимоопределяемость и упорядоченность. Для нашего исследования является важным отмеченная Карауловым и другими исследователями специфичность поля в разных языках: «поскольку поле как способ отражения складывается из слов, то оно имеет и историческую, и социальную, и индивидуальную особенность, т.е. в значительной степени национально»[7].

Русская ЯКМ изучается дифференцированно: на материале литературного языка, городского просторечия, на диалектном материале. Толстой Н.И. в своей стратификации языка и культуры предложил следующие параллельные ряды: литературный язык – элитарная культура; просторечие – «третья культура»; наречие, говоры – народная культура; арго – традиционно-профессиональная культура[8]. Данные литературного языка, т.е. обработанной формы языка народности, отражают специфику мировосприятия городских, образованных слоев русского общества. В отличие от литературного языка, максимально испытывавшего на себе результаты контактов с другими языками, заимствований, иноэтнических культурных воздействий, народные

говоры представляют собой богатейший материал для исследования русской национальной народной духовной и материальной культуры, наивного языкового сознания.

Познавая окружающий мир, человек интерпретирует его, что находит отражение в различных языковых единицах и их компонентах, в том числе и во внутренней форме (ВФ) семантических единиц. Различные признаки и свойства объектов, содержащиеся во ВФ слова, являются частью знаний и актуальны при восприятии слова. Реконструкция какого-либо фрагмента ЯКМ включает в себя анализ мотивированности входящих в него единиц, так как исследование внутренней формы позволяет раскрыть мотив, несущий в себе актуальную информацию об обозначаемом для носителей языка. Такой анализ помогает понять, каким образом знания об окружающем мире закреплены во ВФ, каким образом специфика материальной и духовной культуры данного региона влияет на выбор признаков объектов, положенных в основу их номинации. ВФ может быть живой, ясно воспринимаемой и мотивирующей семантическую связь с производящей основой. Прозрачная внутренняя форма слова – один из ярких признаков диалектного слова. Внутренняя форма может быть и стертой. Стертую ВФ можно восстановить с помощью этимологического анализа. Обращение к этимологии слов с затемненной внутренней формой способствует установлению первоначального осмысления того или иного объекта.

Человек, являясь носителем языковой картины мира, одновременно является и ее фрагментом, постигая и отражая в языке самого себя: свой физический облик, свои внутренние состояния, свои эмоции, интеллект, отношение к себе и окружающему миру. Наше исследование посвящено тверской диалектной лексике, характеризующей человека. Исследуемый нами пласт диалектной лексики – это та языковая сфера, в которой непосредственно выражаются ценности, хранится информация о духовных и морально-нравственных приоритетах, о мироощущении и миропонимании тверского жителя. На основе лексики, характеризующей человека, мы сделаем попытку реконструировать фрагмент языковой картины тверского жителя относительно того, каким должен быть человек. Полевой метод как способ упорядочения знаний о человеке представляется для нашего исследования наиболее подходящим, поскольку человек, имеющий тело, душу, интеллект,

сознание, речь... – явление сложное и многомерное. Организуя диалектный материал с помощью полевого метода, мы обнаружим различное наполнение семантических полей, что поможет определить степень актуальности соответствующих понятий для диалектоносителей. Семантический анализ лексических единиц, входящих в состав исследуемого поля, поможет выявить пересечения со смежными семантическими полями, что отразит близость тех или иных понятий в представлении диалектоносителей. Изучение мотивированности входящих в состав исследуемого семантического поля единиц даст представление о специфике мышления тверского диалектоносителя, положившего в основу номинации те или иные признаки.

Предмет нашего исследования – тверская диалектная лексика, характеризующая человека по его отношению к речи. Материалом исследования послужили лексические единицы, входящие в семантическое поле «Человек говорящий». Основным источником языкового материала явилась картотека диалектологического кабинета при кафедре русского языка Тверского государственного университета (ТвГУ), а также записи, сделанные преподавателями и студентами филологического факультета во время многолетних полевых диалектологических экспедиций. В работе использовались сведения, полученные при анализе данных «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля[9] и «Словаря русских народных говоров» под ред. В.П. Филина[10]. Этимологические словари Фасмера М.[11] и Шанского Н.М.[12] использовались для получения информации о происхождении слов, определении исходного языкового материала, анализа изменения значений слова.

Итак, рассмотрим лексико-семантическое поле «**ЧЕЛОВЕК ГОВОРЯЩИЙ**». Единицы семантического поля «человек говорящий» характеризуют человека по степени коммуникабельности, по склонности говорить много или мало, по особенностям речи (говорить громко, невнятно, бормотать и т.п.). Таким образом, по наличию тех или иных общих сем лексические единицы входят в различные микрополя в составе исследуемого ЛСП.

Наиболее многочисленным является микрополе «**Любящий общение**», включающее в свою очередь микрополя «**Общительный**», «**Назойливый**», «**Разговорчивый**», «**Болтливый**», «**Сплетник**».

Значение «общительный, коммуникабельный» репрезентируется в исследуемых говорах сравнительно небольшим количеством лексем, имеющих положительную коннотацию: *человечный, человеческий, людимый, людивый, артельный, полюдный*. Все названные лексемы обладают прозрачной внутренней формой и отражают представление тверского диалектоносителя об общительном человеке как расположенном к людям, приятном для окружающих его людей.

Однако излишняя общительность, назойливость, надоедливость, получая негативную оценку, отражается в языке. Настырного, назойливого, излишне общительного человека определяют лексемы: *докучник, досадный, звяга, зундило, кобень, липун, луда, лудило, лыска, мозольник, набивоня, набивоха, набивуха, набойный, набивщик, набойчивый, набойчистый, надоедный, напорный, наскука, настырник, неотступ, облипа, поступа, привива, прилепщик, прилипало, приставун, пристегай, скобель, смола*. Как видим, названные лексемы обладают прозрачной внутренней формой. *Набивоня, набивоха, набивуха, набойный, набивщик, набойчивый, набойчистый* – человек, который набивается в собеседники, независимо от желания окружающих. Он пристает с разговорами (*приставун*), следует за собеседником по пятам (*неотступ, поступа*), словно пристегнутый (*пристегай*), вьется за ним (*привива*). Такой назойливый человек вызывает представление о чем-либо липком (*липун, облипа, прилепщик, прилипало, смола*). О таком говорят, что он прилип, как банный лист, как локоть к боку, как муха к меду, как сера к сучку и т.п.. Он вызывает у собеседника досаду (*досадный*), общение с ним неинтересно, скучно *(докучник, наскука)*. Общение с таким человеком утомительно, о чем свидетельствуют лексемы «*луда*» и «*лудило*». Диалектное слово «*луда*» имеет значение «морока» (у Даля встречаем фразеологизм «луду пускать» в значении «морочить»).

Метафоричность лексемы «*мозольник*» позволяет сравнить ощущения, возникающие при общении с таким человеком, с физическими страданиями, причиняемыми, например, неудобной обувью или утомительной работой («Неотвязчив, как гвоздь в сапоге»[13]). Лексема «*скобель*» также дает возможность представить назойливого человеком как способного при общении вызывать почти физическую боль. Здесь значение «назойливый человек»

образовано в результате метафорического переноса: в прямом значении скобель (от глагола скоблить) - это «плотницкий инструмент, разновидность рубанка», которым скоблят, шлифуют деревянную поверхность чего-либо.

Лексема «*звя́га*», мотивированная диалектным глаголом «*звя́гать*» (т.е. непрестанно, надоедливо лаять), сравнивает назойливого человека с надоедливо лающей собакой.

Таким образом, мы видим, что микрополе «назойливый человек» достаточно велико по объему в говорах Тверской области и содержит в своем составе преимущественно пейоративную лексику. Назойливый человек, надоедающий своим чрезмерным желанием общаться, характеризуется в тверских говорах резко отрицательно. Внутренняя форма лексических единиц, входящих в состав микрополя, наглядно показывает, что общение с таким человеком вызывает неприятные ощущения и отрицательные эмоции.

Рассмотрим микрополя «**Разговорчивый**» и «**Болтун**», лексические единицы в составе которых имеют сему «говорящий много». Значение «разговорчивый» репрезентируется в тверских говорах лексемами *гово́ри́ла, говори́стый, говори́тель, говору́ха, гомоню́ха, гута́рливый.* Это лексемы, мотивированные глаголами речи «*говорить*», «*гомонить*», «*гутарить*». Интересно, что названные слова чаще всего дают положительную оценку человеку, однако в зависимости от ситуации структура их лексических значений может содержать дополнительную сему «говорящий чересчур много и попусту», и тогда эти лексемы приобретают отрицательную коннотацию. Такое представление диалектоносителей о тонкой грани между «разговорчивым человеком» и «болтуном» отражено и в пословицах (Ср. в тверской пословице «Умей сказать, умей и смолчать»). Надо отметить, что лексемы, содержащие наряду с основной, ядерной семой «разговорчивый» дополнительную сему «говорящий попусту, напрасно», составляют большую часть в исследуемом микрополе «человек, склонный к общению». Так, значение «болтун, пустослов» имеют следующие слова, входящие в одноименное микрополе «**Болтун**»: *база́рник, бакло́к, балабо́н, балабо́ха, балаку́чий, барабо́ха, барабо́шка, бара́буля, баргату́нья, бессо́вестник, болтовня́, болту́чий, болту́шный, бороиу́ха, бреха́ло, бреха́ч, брехли́вый, брехуне́ц, вра́кало, гундо́рка, долгоязы́кий, дуроплёт, желобо́йка, калякала,*

карку́ша, колоти́ла, колто́вка, колтовня́, колто́к, ко́стишна, лескоту́н, лескоту́ха, лоскобо́йка, ляпу́н, ля́са, мели́ла, моло́ла, молоты́га, обаку́ла, о́молотень, плету́н, пустобрёх, пустозво́н, пустозво́нный, пустома́тный, пу́столыга, пустомо́л пустоплёт, растаба́ра, сколоту́ха, щелку́н.

Подавляющее большинство лексем, входящих в состав микрополя **«Болтун»**, образованы от глаголов речи, разговорных, просторечных и диалектных..

Бакло́к, балаку́чий – от глаголов *ба́кать, бала́кать* («болтать»), производных от общеславянского *баяти*.

Балабо́н, балабо́ха, барабо́ха, барабо́шка, барабу́ля – производные от *балабо́лить* и его фонетических вариантов *балабо́нить, барабо́лить, барабо́нить*. Фасмер считает, что здесь в основе номинации лежит звукоподражание.

Лала́, ло́ла, ла́ларь и *каля́кала* образованы от основанных на звукоподражании глаголов *лали́ть* и *каля́кать*, т.е. говорить, болтать вздор.

Лексема *вра́кало* мотивирована общеславянским глаголом *врать*, т.е. «говорить». Корень *вър-* является родственным лат. *verbum*, нем. *Wort*, англ. *word* и др., означающим «слово», и, по мнению Шанского, также основан на звукоподражании. В русском языке «*врать*» еще в XIX веке употреблялось в значении «говорить», кстати, в этом значении он еще и сегодня встречается в диалектах. В литературном же языке к настоящему времени произошло изменение семантики этого глагола: он имеет только значение «говорить неправду».

Ряд лексем образован от глаголов, которые помимо производного значения «болтать, говорить вздор», имеют основное значение «производить шум». Это лексемы *лескоту́н, лескоту́ха* – от глагола *лескота́ть*, имеющего основное значение «стучать, хлопать, шуметь». Сюда же отнесем лексемы *Ло́пала и лопотли́вый*, образованные от глаголов *лопа́тить* (шуметь, хлопать, плескать) и *ло́пать* («бить, колотить, стучать»); *щелку́н* – от *щелкать*, т.е. «производить короткие, отрывистые звуки».

Лексемы *броха́ло, бреха́ч, брехли́вый, брехуне́ц* – образованные от глагола *брехать*, имеющего основное значение «лаять», и *карку́ша* – от каркать позволяют сравнить пустую, не несущую никакой значительной информации речь болтливого человека с «речью» животных.

Словообразовательные диалектизмы *болтовня́, болту́чий, болту́шный*, отличающиеся от своих литературных эквивалентов (*болтун, болтливый*) суффиксами, мотивированы глаголом *болтать*. Помимо значения «говорить», глагол *болтать* имеет значение «делать движения из стороны в сторону». Именно движение языка при разговоре и легло в основу номинации. Излишняя разговорчивость, болтливость в народном сознании тесно связана с движением языка, что находит отражение во многих пословицах и поговорках (*Язык ворочатся, поговорить хочется. Языком, что помелом возит. Вертит языком, что корова хвостом. Язык – жернов, мелет, что на него ни попало. Бьет языком, что шерстобит струной жильной. Языком кружева плетет*). Язык, этот основной орган речи, лежит в основе номинации болтливого человека в лексеме с прозрачной внутренней формой – *долгоязы́кий*. Связь в сознании диалектоносителей болтливости с чрезмерной подвижностью языка, который во время разговора «бьет, мелет, вертит, плетет» и производит иные активные действия, подтверждает анализ других лексических единиц из микрополя «**Болтун**». Так, лексемы *колто́вка, колтовня́, колто́к* образованы от диалектного *колта́ть*, имеющего, помимо значения «рассказывать небылицы, молоть языком, врать», значение «шатать, колебать, качать». Лексемы *пустомо́л, моло́ла, мели́ла* – производные от глагола *молоть*, основное значение которого «измельчать, дробить». Лексема *бороню́ха* – от *боронить*, т.е. «разрыхлять бороной». Лексемы *плету́н, пустоплёт* мотивированы глаголом *плести*, т.е. «перевивая, соединять в одно целое». Лексемы *о́молотень, молоты́га и колоти́ла, сколоту́ха* – производные от глаголов колотить и молотить, имеющих, кроме значения «говорить чепуху», значение «наносить удары, бить». Сразу двумя глаголами со значением «наносить удары, бить» мотивирована лексема «*лоскобо́йка*»: литературным глаголом *бить* и диалектным *ло́скать*, что также означает «бить, наносить удары, шлепать». Созвучное ей слово *желобо́йка* также мотивировано глаголом *бить*. Интересна первая часть этого сложного слова, которая, по-видимому, связана с диалектным *желни́ть* (с последующей утратой «н»). Этот глагол употребляется в значении «надоедать непрестанными разговорами, повторять одно и то же» (ср. диалектное *желна́* – наименование дятла, беспрестанно стучащего клювом по стволу дерева).

В исследуемом микрополе **«Болтун»** большая группа лексем – это сложные слова с первым корнем *пуст-*: *пустобрёх, пустозво́н, пустозво́нный, пустома́тный, пустолы́га, пустомо́л, пустоплёт.* Эти лексемы с прозрачной внутренней формой ярко характеризуют человека, любящего пустые, бесполезные разговоры.

Все слова исследуемого микрополя имеют яркую негативную окраску, что отражает представление о человеке, говорящем много, но ни о чем, говорящем ради самого процесса говорения как о безусловном отклонении от нормы.

Для любителей поговорить существует достаточно любопытный и привлекательный объект разговора - чужая жизнь, особенно личная. Поэтому очевидно, что ряд лексем, помимо основной семы «человек, любящий общение» имеет дополнительную сему «человек, любящий сплетничать». Микрополе **«Сплетник»** в тверских говорах достаточно велико. В его состав входят лексемы *бухво́стка, бахво́стка, брехо́вка, бреху́н, бухво́стник, долгоязы́чница, дурноплётка, жалобо́вник, зубочёс, колоу́шник, моло-ти́льня, нахво́стник, нахво́стница, облы́га, облыга́ла, оку́льник, оку́льница, острохво́стка, охво́стка, перевира, переводень, переводок, переме́льщик, плету́н, плету́ха, подхво́стица, посе́вщик, приплета́ла, сво́дка, смуста́, смуто́лок, сплетень, треплу́ха.*

Как и в микрополе **«Болтун»**, многие лексемы здесь мотивированы глаголами *молотить - молоти́льня, молоть - переме́льщик, врать – навира́ло, брехать - брехо́вка, бреху́н.*

Лексемы с прозрачной внутренней формой *долгоязы́кий, зубочёс* и *колоу́шник* отражают образное мышление диалектоносителей.

Ряд лексем является словообразовательными диалектизмами: *приплета́ла, спле́тень, плету́ха, плету́н, дурноплётка.* Как и литературное *сплетник,* они мотивированы глаголом *плести.* Значение «перевивая, соединять в одно целое» отражает представление диалектоносителей о природе сплетен. Собирая информацию, интересуясь личной жизнью других, сплетник передает ее в своей интерпретации, отчасти домысливая, и таким образом создает новое «целое».

Сплетник как переносчик информации характеризуется лексемами *перево́день, перево́док, сво́дка.* Они образованы от диалектных *переводить, сводить*, т.е. «сплетничать». Такое значе-

ние мотивировано основным значением глагола *переводить*: «перемещать что-либо с места на места» – переносить, «перемещать» сплетни.

Интересно, что много лексем в исследуемом микрополе имеет в своем составе корень *хвост-: бухвостка, бухвостник, нахвостница, нахвостник, острохвостка, охвостка. Хвост* в словаре Даля – это все, что «тащится сзади, вроде привеска». Там же встречаем *хвост* в значении «сплетник, пересказчик, переносчик» и *хвосты* в значении «сплетни». Такое образное представление о человеке, приносящем с собой сплетни, словно хвост, реализуется и в известной присказке о сороке, разносящей новости на длинном хвосте.

Человек, разносящий сплетни, номинируется и по результату своей деятельности. Сплетник сеет ссоры – *посевщик. Смута, смутолок* – такой человек источник раздоров и дрязг, т.е. *смуты* (у Даля находим «смута – действие по глаголу смутить, поссорить с кем, поселить раздор»).

Интересны лексемы *окульник/-ица* (из микрополя «**Сплетник**») и *обакула* (из микрополя «**Болтун**»). В говорах встречаем наречия *обакул* и *окул, окули* (ср. литературное *около*). *Окульник, обакула* говорят не по существу, а «около», т.е. искривляя, перевирая информацию.

Исследуя слова, имеющие в структуре своих лексических значений сему «много говорящий человек», мы сталкиваемся с пересечением микрополей «**Сплетник**», «**Болтун**» и «**Лгун, обманщик**». Так, слова *балабоха, бессовестник, брехало, брехач, вракало,* характеризуют не только болтливого, но и лживого человека. Лексемы *облыга, облыгала, обакула, окульник, клепало* имеют значения «сплетник» и «обманщик». В лексеме *плетун* мы также встречаем семантическую диффузность («Многа гаварит, обманываит, другим передаёт, вот и плетун»). Семы «болтливый», «лживый» и «сплетник» объединяются в структуре лексического значения этого слова таким образом, что выделить основную сему не представляется возможным. Такое пересечение семантических полей «**Болтун**», «**Сплетник**» и «**Лгун**» отражает представление диалектоносителей о близости соответствующих качеств человека. Эту «смежность» семантических полей «**Разговорчивый**» и «**Врун**» подтверждают и изменения, произошедшие в семантике русского глагола «врать». Излишне разго-

ворчивый человек склонен к вранью, он «что знает, все скажет, и чего не знает, и то скажет». Про такого говорят: «Что с языка сорвалось, то и совралось».

До сих пор мы рассматривали лексику, негативно оценивающую много говорящего человека. Однако можно выделить ряд лексем с положительной коннотацией. Позитивную оценку разговорчивому человеку придает дополнительная сема «красноречивый, хорошо говорящий». В тверских говорах человека, который много знает и умеет говорить красиво, определяют лексемы: *балагу́рный, басёна, ба́ский, ба́хирь, бахо́ра, баю́кон, насло́вистый, ора́тай, отгово́рщица, побасённик, побасённица, прикла́дчивый, частогово́рчивый, чистогово́рчистый.*

Басёна, ба́ский, ба́хирь, бахо́ра, баю́кон – мотивированы общеславянским глаголом *баять*. ***Балагу́рный*** – глаголами речи *балакать* и *гуркать* (говорить).

Насло́вистый, частогово́рчивый, чистогово́рчистый – эти лексемы с прозрачной внутренней формой характеризуют человека, умеющего говорить красиво, находчивого в разговоре. О таком *прикладчивом* человеке говорят: «Не болтает наугад, кладет слово в ряд».

Перейдем к микрополю «**НЕ ЛЮБЯЩИЙ ОБЩЕНИЕ**». Оно представлено гораздо меньшим количеством лексических единиц, чем поле «**ЛЮБЯЩИЙ ОБЩЕНИЕ**». Сема «необщительный» присутствует во всех лексемах, что и обусловливает их вхождение в исследуемое микрополю, однако многие слова имеют в структуре своих лексических значений дополнительные семы.

Значение «нелюдимый, неразговорчивый человек» репрезентируют лексемы *бу́ка, молча́н, молчу́ха, не́люда, нелюди́м, нелюди́мок, не́людь, не́мань, неразгово́рчистый, несгово́рливый.*

Дополнительную сему «угрюмый, суровый» содержат лексемы *бука́н, ватру́х, ватря́х, гмы́ра, гмырь, гмы́ря, комя́га, мамо́ня, ну́ра, похму́рый.* Лексема *гмыра* содержит также семы «обидчивый» и «высокомерный». Лексема *комяга* содержит в себе еще и дополнительную сему «скупой». Сема «грубый» присутствует в слове *кожемя́к, кожемя́ка.* Дополнительная сема «тихий, стеснительный» содержится в лексемах *шмо́ня, стесни́ла, смолчо́к.* Лексема *смолчок* может также содержать дополнительную сему «скрытный». Эта же сема имеется в лексемах *потихо́нистый,*

сгу́бина, смолчо́к. Сема «домосед» является дополнительной в лексемах *темрю́й, темря́к.* Как видим, здесь находят отражения различные черты характера человека, заставляющие его избегать общения – угрюмость, суровость, скупость, скромность, стеснительность, скрытность.

Словообразовательные диалектизмы *молча́н, молчу́ха, не́люда, нелюди́мок, не́людь, не́мань, неразгово́рчистый, несгово́рливый,* обладая прозрачной внутренней формой, рисуют портрет неразговорчивого, молчаливого, не расположенного к людям человека. Лексемы *бу́ка, бука́н* имеют значение «существо, вроде домового, обитающее в конюшне, на сеновале или в подполье, которым обычно пугают детей». Образованное в результате метафорического переноса значение «угрюмый, нелюдимый человек» отражает образное мышление диалектоносителей, сравнивающих необщительного человека с неприятным и даже страшным фантастическим персонажем.

Интересны диалектизмы *гмы́ра, гмырь, гмы́ря,* в которых также проявляется образное мышление тверских диалектоносителей. Все они, как и словообразовательный диалектизм *похмурый,* характеризуя угрюмого, хмурого человека, мотивированы диалектным словом *хму́ра,* т.е. туча. Ср. в славянских языках Укр. Блр., *хму́ра,* чеш. *Chmoura,* польск. *Chmura* (туча). У Даля встречаем *хма́ра* – темная туча, *хморь, хмо́ра* – сырая, мокрая погода, туман с дождем. *Гмы́риться* – хмуриться (о погоде).

Отрицательное отношение диалектоносителей к скрытному необщительному человеку отражает внутренняя форма лексемы *сгу́бина* (сгубить – привести к гибели, испортить жизнь, ухудшить положение).

Во всех названных лексемах присутствует отрицательная коннотация, что отражает представление тверского диалектоносителя о необщительном человеке как о нарушающем нормы поведения независимо от причин, побуждающих его уклоняться от общения. Однако явная несимметричность в количественном отношении рассматриваемых микрополей «Любящий общение» и «Не любящий общение» (приблизительно 8:1) дает представление о степени актуальности каждого исследуемого качества для тверских носителей диалекта.

Различные особенности речи и речевого поведения человека также отмечаются носителями диалекта.

Для характеристики крикливого человека на территории Тверской области используются слова *галдёжник, горла́тый, горлопа́й, горлопа́йка, горлопа́н, горлопа́нья, горлу́н, зевла́стый, зёпала, ора́ва, крику́ха, ору́н, полоха́ло, раззепа́й, сикля́ха, визгли́нка, жаро́док, жара́ток, колоколо́, розевень, секату́ха.* Столь большое количество лексем с негативной оценкой говорит о безоговорочном осуждении человека, имеющего эту особенность речи. Большая часть мотивирована глаголами кричать, орать, галдеть, визжать: *галдёжник, ора́ва, крику́ха, ору́н, визгли́нка.*

Ряд мотивирован наименованиями частей человеческого тела, участвующих в образовании голоса.

Горло – *горла́тый, горлопа́й, горлопа́йка, горлопа́н, горлопа́нья, горлу́н.*

Рот (в говорах - зев, зеп, зёп) – *раззепа́й, ро́зевень, зёпала, зевла́стый*

Образное мышление отражают лексемы *колоколо́, полоха́ло* (*по́лох* - звон колокола, извещающий о пожаре и т.п.) позволяющие сравнить кричащего человека с тревожным звоном колокола. Также метафоричны лексемы *жаро́док, жара́ток.* В прямом значении *жара́ток* и *жаро́док* - это часть печи, в которой всегда есть горячие угли. Образованное в результате метафорического переноса значение «крикливый человек» дает возможность сравнить крикли́вого человека с никогда не остывающей частью русской печи.

Негативную оценку в тверских говорах получает ворчливый человек. Значение «ворчун» в тверских говорах репрезентируют лексемы *брезга́, брезготу́н, брезготу́нья, брезготу́ха, бубни́ло, воркоте́нь, грызу́н, гунди́ла, зунди́ло, клу́ша, сколоту́ха, слюня́й.*

Лексема *воркоте́нь* – от диалектного глагола *воркота́ть*, т.е. «ворчать». Ср. укр. *воркати* (ворчать), др. русск. *въркати, върчати.* Фасмер отмечает звукоподражательный характер этих слов.

Лексема *гунди́ла* – от *гунде́ть*, т.е. «ворчать». В говорах встречаются различные варианты этого глагола – *гуни́ть, гундери́ть, гундо́рить, гунда́сить, гундо́сить, гунда́вить, гугни́вить, гугна́вить и пр.*, имеющие значение говорить, произносить различные звуки (говорить, ворчать, плакать, говорить в нос, заикаться). Фасмер считает, что в основе номинации здесь также лежит звукоподражание.

Лексемы *брезга́, брезгоу́н, брезготу́нья, брезготу́ха* мотивированы глаголами *брезжа́ть, брезгота́ть*. Эти диалектные слова имеют значение «ворчать», а также «звенеть, бренчать». Сравнение речи ворчливого человека со звоном или бренчанием несет в себе и лексема *бубни́ло*. *Бубни́ть* – имеет значение не только «говорить много, безостановочно», но и «звенеть, звонить, барабанить».

Лексема *зунди́ло* мотивирована глаголом *зудеть* «издавать монотонный звенящий звук». Вставное «н» появилось, видимо, под влиянием созвучного слова *гундило*.

У лексемы *клу́ша* значение ворчливая женщина образовано в результате метафорического переноса от основного значения «курица-наседка». Женское ворчание сравнивается с кудахтаньем домашней птицы.

Как видим, крикливый и ворчливый человек характеризуется в говорах тверской области резко отрицательно. Наряду с этими особенностями речи, тверские диалектоносители отмечают и такую особенность речевого поведения, как насмешливость, стремление передразнить, посмеяться над кем-нибудь в разговоре.

Любителя посмеяться, подшутить над кем-либо в разговоре, передразнить собеседника в тверских говорах характеризуют слова *аща́ул/-ка, аща́ульник/-ница, зубоска́лка, озо́йник, о́бморок, обморо́к, обморо́т, осме́шник, оха́мщик, передёрщик, передёрщица, перели́за, посме́шница, свисто́к, смехотни́к.*

Рассмотрим лексемы, входящие в состав микрополя «**Насмешник**».

Ряд словообразовательных диалектизмов мотивирован словом «смех» - *осме́шник, посме́шница, смехотни́к.*

Лексема *обморо́т* и ее фонетические варианты *о́бморок, обморо́к* встречаются в тверских говорах в различных значениях. Это «насмешник», «бестолковый человек», «лгун, обманщик». Слово *моро́к* в диалектах встречается в прямом значении «пасмурная, ненастная погода» и в переносном – «что-либо, туманящее рассудок». Бестолковый человек сам имеет «затуманенный рассудок», лгун и обманщик» вводит в заблуждение других, «туманит» их рассудок. Что касается насмешника, любителя передразнить, очевидно, что такой человек не говорит по существу, а стремится поддеть собеседника, переиначить его слова. Своим

речевым поведением он сбивает собеседника с темы разговора и также вводит в заблуждение, «морочит» его.

Лексемы *ащеу́л/-ка, ащеу́льник/-ница* – от глаголов *ащеу́лить, ащеу́льничать* «насмехаться, издеваться, зубоскалить». *Ащеу́льничать, ощеу́льничать, ощеу́рничать, още́риться, ощи́риться, още́литься* – в русских говорах встречаются различные варианты глагола со значением «смеяться, насмехаться» В основу номинации, видимо, положен внешний признак: рот смеющегося человека, который, растягиваясь в улыбке, образует некую щель. Тот же внешний признак находим и в лексеме с прозрачной внутренней формой *зубоскал*.

Лексема *озо́йник* производная от *зо́ить* – громко говорить, *зой* – крик, шум. В литературном языке есть мотивированное этими словами прилагательное *назойливый*, т.е. «надоедливый». Лексема *озо́йник* встречается в тверских говорах также со значением «нахал, грубиян, наглец». Такую смежность семантических полей «Насмешник» и «Грубиян» подтверждает и лексема с прозрачной внутренней формой «*оха́мщик*». Здесь мы находим отражение фрагмента объективной действительности, в котором бывает сложно провести четкую границу между шуткой и грубостью.

Другие особенности речи и речевого поведения представлены в тверских говорах гораздо меньшим количеством лексем. Интересно, что многие диалектные слова не имеют синонимов в литературном языке. *Шепеля́й* - шепелявый человек, *карта́й* – картавый, *хрипу́н* – хриплый, *заика́стик, заика́стый, заикли́вый* – заикающийся человек. *Ля́па* – говорит нескладно или невпопад. Человек, разглашающий секреты, не умеющий держать тайну, характеризуется словами *выно́сник, объя́вщик, расхлёба. Обли́за* – тот, кто много и без передышки говорит, *обрезу́ха* – очень бойкий на язык человек, не дающий никому промолвить слово, *просты́нища* – человек, не умеющий вовремя замолчать. Находчивый на слова человек: *наидо́ха, отгово́рчивый, отгово́рщик/-ца. Отковы́рчивый* – после долгой думы находчивый на остроту. *Сла́бкий* – не способный удержаться от задавания вопросов. Человек, напоминающий кому-либо о чем-либо - *надоу́мок* Человек говорящий прибаутками – *прикла́дчивый*, любитель рассказывать анекдоты - *побасённик*. Знающий много песен и умеющий хорошо петь *краснопе́вец/-ица*. На границе ЛСП «человек говорящий» и «лгун» находится слово *ра́гоза* – так скажут о человеке, любящем

рассказывать небылицы. На границе ЛСП «человек говорящий» и «льстец» - слово *сластёна* («ласкоречивая женщина).

Итак, мы проанализировали лексико-семантичес-кое поле «ГОВОРЯЩИЙ ЧЕЛОВЕК» и составляющие его микрополя. В него входят лексические единицы, которые характеризуют человека по его склонности/несклонности к общению, а также по особенностям речи и речевого поведения, которые составляют соответствующие микрополя: «ЛЮБЯЩИЙ ОБЩЕНИЕ» («Общительный», «Назойливый», «Разговорчивый», «Красноречивый», «Болтливый», «Сплетник»), «НЕ ЛЮБЯЩИЙ ОБЩЕНИЯ», «Ворчун», «Крикун», «Насмешник». Человека по его склонности к общению характеризуют лексемы, входящие в два полярных и ассиметричных семантических микрополя «человек, любящий общение» и «человек, не любящий общения». Микрополе «человек, не любящий общения» включает в себя лексические единицы с отрицательной коннотацией, содержащие дополнительные семы «угрюмый, суровый, скупой, домосед, скрытный, стеснительный». В микрополе «ЧЕЛОВЕК, ЛЮБЯЩИЙ ОБЩЕНИЕ» позитивную оценку несут лексемы, имеющие в структуре своих лексических значений сему «красноречивый» и сéму «приветливый». Разговорчивого человека в тверских говорах характеризуют лексемы, который способны менять коннотацию (положительную или отрицательную) в зависимости от контекста. Самые большие по количеству лексических единиц микрополя «Болтун», «Сплетник» и «Назойливый» состоят из пейоративной лексики. В микрополях «Болтун» и «Сплетник» обнаруживаются пересечения с семантическим полем «Лгун, Обманщик». По особенностям речи и речевого поведения человека характеризует лексика, составляющая микрополя «Крикун», «Ворчун», «Насмешник» (в основном, это пейоративы), а также микрополе «другие особенности речи», содержащие в себе некоторый лексемы, порой не имеющие адекватных синонимов в литературном языке.

Человек в представлении жителей тверской области должен быть общительным, расположенным к людям, в меру разговорчивым, однако коммуникабельность не должна переходить в назойливость, навязчивость – такие качества человека подлежат осуждению. Ценится умение говорить красиво и по делу, находчивость в разговоре, умение к месту пошутить, рассказать инте-

ресную историю, умение петь, но резко осуждаются любители пустых разговоров. Знание меры, умение найти грань между общительностью и назойливостью – вот качества человека, совершенного в общении. Такое представление о человеке подтверждают и тверские пословицы: «Умей сказать, умей и смолчать», «Болтай, да меру знай», «Не болтай наугад, клади слово в лад». Наряду с болтунами резко негативной оценке подвергаются любители сплетен. В представлении тверских жителей болтливость и пристрастие к разговорам о чужой личной жизни тесно связано с такой чертой характера, как лживость. Из особенностей речи и речевого поведения негативную оценку получают крикливые и ворчливые люди, порицаются насмешники. Особенности речи, вызванные физическими причинами (картавость, шепелявость, хрипота, заикание) хоть и отражены в языке диалектоносителей, но в незначительном количестве, позволяя сделать вывод, что для тверских жителей совершенство нравственное гораздо важнее физического.

Таким образом, на материале тверской диалектной лексики, характеризующей человека по отношению к речи, мы структурировали лексико-семантическое поле «ЧЕЛОВЕК ГОВОРЯЩИЙ» и проанализировали лексические единицы, входящие в его состав. Этот анализ дал нам богатый материал о ценностях жителей Тверской области и помог реконструировать фрагмент языковой картины мира тверского диалектононосителя.

ПРИМЕЧАНИЯ

1.Борухов Б.Л. «Зеркальная» метафора в истории культуры// Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 116.

2. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. С.370

3. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. С. 377

4. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. С. 25

5. См. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995; Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека, М. 1999. 896 с.; Вежбицкая А., Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 416 с.; Вежбицкая А., Понимание культур через посредство ключевых слов, М., 2001; Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976. – 355 с.; Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 1987. – 264 с.; Телия В.Д. Мета-

форизация и ее роль в формировании языковой картины мира //Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. М., 1988. С.141-205.

6. См. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976. – 355 с.; Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 1987. – 264 с.

7. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976. С. 269.

8. Толстой Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. С.17.

9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка.

10. Словарь русских народных говоров, Т. 1-41. СПб.: Наука, 1965-2007.

11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1-4. М.: Прогресс, 1964-1973.

12. Шанский Н.М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка, М.: Просвещение, 1971

13. Здесь и далее приведены пословицы и поговорки, собранные на территории Тверской области. См. Тверские пословицы и поговорки. Тверь, 1993. – 60 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Тверская диалектная лексика, входящая в состав лексико-семантического поля **ЧЕЛОВЕК ГОВОРЯЩИЙ**

Характеристика по склонности/несклонности к общению

ЛЮБЯЩИЙ ОБЩЕНИЕ

Общительный

человéчный
человéческий
люди́мый
артéльный
полю́дный

Надоедливый, навязчивый, назойливый

доку́чник, *м.*
доса́дный, *м.*
звя́га, м., *ж.*
зунди́ло, *м.*
ко́бень, *м.*
липу́н, *м.*
луда́, *м.*, *ж.*
луди́ло, *м.*, *ж.* –
лыска́, *м.*, *ж.*
мозо́льник, *м.*
набиво́ня, *м.*, *ж.*
набиво́ха, *м.*, *ж.*
набиву́ха, *м.*, *ж.*
наби́вщик, *м.*
набо́йный.
набо́йчивый.
набо́йчистый.
надое́дный
напо́рный.
наску́ка, *м.*
насты́рник, *м.*
нео́тступ, *м.*
обли́па, *м.*, *ж.*
посту́па, *м.*, *ж.*
приви́ва, *м.*, *ж.*
приле́пщик, *м.*
прилипа́ло, м., *ж.*
приставу́н, *м.*
пристега́й, *м.*
ско́бель, *м.*
смола́, м., *ж.*

Разговорчивый

говори́ла, *м.*, *ж.*
говори́стый
говори́тель, *м.*
говору́ха, *ж.*
гомоню́ха, *ж.*
гута́рливый

Рассказчик, весельчак, красноречивый, балагур

балагу́рный
басёна, *м.*, *ж*
ба́ский
ба́хирь, *м.*
бахо́ра, *м.*
баю́кон, *м.*
насло́вистый
ора́тай, *м.*
побасённица, *ж.*
частоговóрчивый.
чистоговóрчистый.

Болтун, пустослов

база́рник, *м.*
бакло́к, *м.*
балабо́н, *м.* –
балаку́чий
барабо́ха, *ж.*
барабо́шка, *м.*, *ж.*
барабу́ля, *м.*, *ж.*
баргату́нья, *ж.*
болтовня́, *м.*, *ж.*
болту́чий
болту́шный
борону́ха, *м.*, *ж.*
броха́ло , *м.*
брехли́вый
брехуне́ц, *м.*
гундо́рка, *м.*, *ж.*
долгоязы́кий
дуроплёт, *м.*
желобо́йка, *м.*, *ж.*
каля́кала, *м.*, *ж.*
карку́ша, *ж.*
колоти́ла, *м.*, *ж.*
колто́вка, *ж.*
колтовня́, *м.*, *ж.*
колто́к, *м.*
ко́стишна, *ж.*
лала́, *м.*, *ж.*
ла́ларь, *м.*
лескоту́н, *м.*
лескоту́ха, *ж.*
ло́ла, *м.*, *ж.*
ло́пала, *м.*, *ж.*
лопотли́вый
ло́скобойка, *ж.*
ля́са, *м.*, *ж.*
мели́ла, *м.*, *ж.*
моло́ла, *м.*, *ж.*
молты́га, *м.*, *ж.*
обаку́ла, *м.*, *ж.*
о́молотень, *м.*
помело́, *м*, *ж.*
оку́льник, *м.*
пустозво́нный
пустома́тный
растаба́ра, *м.*, *ж.*
сколоту́ха, *ж.*
щелку́н, *м.*
бессо́вестник, *м.*
балабо́ха, *м.*
бреха́ло, *м.*
бреха́ч, *м.*
вра́кало *м.*
ляпу́н, *м.*
плету́н, *м.*
плету́ха, *м.*, *ж.*
пустобрёх, *м.*
пустозво́н, *м.*
пустолы́га, *м.*
пустомо́л, *м.*
пустоплёт, *м.*

Сплетник

бухво́стка, *ж.*
бахво́стка, *ж.*
брехо́вка, *ж.*
брехý́н, *м.*
бухво́стник, *м.*
долгоязы́чник, *м.*
долгоязы́чница, *ж.*
дурноплётка, *ж.*
жалобо́вник, *м.*
зубочёс, *м.*
колоу́шник, *м.*
молоти́льня, *ж.*
навира́ло, *м.*, *ж.*
нахво́стник, *м.*
нахво́стница, *ж.*
облы́га, *м.*, *ж.*
облыга́ла, *м.*, *ж.*
оку́льник, *м.*
оку́льница, *ж.*
острохво́стка, *ж.*
охво́стка, *ж.*
переви́ра, *м.*, *ж.*
перево́день, *м.*
перево́док, *м.*
переме́льщик, *м.*
подхво́стица, *ж.*
посе́вщик, *м.*
приплета́ла, *м.*, *ж.*
сво́дка, *ж.*
смуста́, *м.*, *ж.*
сму́толок, *м.*
спле́тень, *м.*
треплу́ха, *м.*, *ж.*

НЕ ЛЮБЯЩИЙ ОБЩЕНИЕ

Необщительный

дополнительные семы – угрюмый, суровый, скромный, стеснительный, домосед

бу́ка, *м.*, *ж.*
бука́н, *м.*
ватру́х, *м.*
ватря́х, *м.*
гмыра, *м.*, *ж.*
гмырь *м.*
гмыря, *м.*, *ж.*
кожемя́к, *м.*
кожемя́ка, *м.*
комя́га, *м.*, *ж.*
мамо́ня, *м.*, *ж.*
молча́н, *м.*, *ж.*
молчу́н, *м.*, *ж.*
молчу́ха, *м.*, *ж.*
не́люда, *м.*, *ж.*
нелюди́мок *м.*
не́людь, *м.*
не́мань, *м.*, *ж.*
неприи́мчивый
неразгово́рчистый
несгово́рливый
ну́ра, *м.*, *ж.*
потихо́нистый.
похму́рый.
сгу́бина, *м.*, *ж.*
смолчо́к, *м.*
стесни́ла, *м.*, *ж.*
темрю́й, *м.*
темря́к, *м.*
шмо́ня, *м.*, *ж.*

Характеристика по особенностям речи и речевого поведения

Насмешник

ащеу́л, *м*
ащеу́лка, *ж*
ащау́льник, *м.*
ащау́льница, *ж.*
зубоска́лка,
озо́йник, *м.*
о́бморок, обморо́к, *м.*
обморо́т, *м.*
осме́шник, *м.*
оха́мщик, *м.*
передёрщик, *м.*
передёрщица, *ж.*
перели́за, *м.*, *ж.*
посме́шница, *ж.*
свисто́к, *м.*
смехотни́к, *м.*

Крикливый человек

галдёжник, *м.*
горла́тый
горлопа́й, *м.*
горлопа́йка, *м.*
горлопа́н, *м.*
горлопа́нья, *м.*
горлу́н, *м.*
зевла́стый
зёпала, *м.*
крику́ха, *м.* ,*ж.*
ора́ва, *м.*, *ж.*
ору́н, *м.*
поклику́ха, *ж.*
полоха́ло, *м.*,*ж.*
раззепа́й, *м.*
сикля́ха, *ж.*
визгли́нка, *ж.*
жаро́док, *м.*
колоколо́, *с.*
ро́зевень, *м.*
секату́ха, *ж.*
жара́ток, *м.*

Ворчун

брезга́, *ж.*
брезготу́н, *м.*
брезготу́нья, *ж.*
брезготу́ха, *м.*, *ж.*
бубни́ло, *м.*, *ж.*
воркоте́нь, *м.*, *ж.*
грызу́н, *м.*, *ж.*
гунди́ла, *м.*, *ж.*
зунди́ло, *м.*, *ж.*
клу́ша, *ж.*
сколоту́ха, *ж.*

С другими особенностями речи и речевого поведения

выно́сник, м. – Человек, разглашающий какие-нибудь секреты;

заика́стик, м. – Заика;

заика́стый. – Заикающийся;

заикли́вый. – То же, что заикастый;

ля́па, м., ж. – О том, кто нескладно или невпопад говорит;

краснопе́вец, м. – О человеке, который хорошо поет, знает много песен;

краснопе́вица, ж. – То же, что краснопЕвец;

наидо́ха, м., ж. – Находчивый на слова человек;

обли́за, м., ж. – Кто много и без передышки говорит;

объя́вщик, м. – О том, кто не умеет держать в тайне услышанное, а тотчас разбалтывает это другим;

обрезу́ха, м., ж. – Очень бойкий на язык человек, не дающий никому промолвить слово;

отгово́рщица, ж. – Женщина, бойкая на язык, находчивая в разговоре;

отгово́рчивый. – Умеющий всегда отговариваться, когда что-то про кого-либо говорят;

отковы́рчивый. – После долгой думы находчивый на остроту;

простыница, м., ж. – Человек, не умеющий вовремя замолчать;

ра́гоза, ж. – О человек, любящем рассказывать небылицы;

расхлёба, м., ж. – Человек, который не умеет хранить тайну;

расхлеба́й, м. – То же, что расхлёба;

ро́потень, м. – Кто ворчит, ропщет себе под нос;

карта́й, м. – О картавом человеке;

колду́н, м. – О человеке, который ворчит себе под нос

сла́бкий. – Не могущий удержаться от задавания вопросов;

сластёна, ж. – Ласкоречивая женщина;

хрипу́н, м. – Тот, кто хрипло говорит;

шепеля́й, м. – Тот, кто шепелявит.

М.Е. Щербакова

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ СУФФИКСАЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЛИЦА В СОВРЕМЕННЫХ ЗАПАДНЫХ СРЕДНЕРУССКИХ ГОВОРАХ ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

Диалектное словообразование представляет собой весьма подвижную систему, в которой заложены практически безграничные возможности. «Бурные процессы в современном словообразовании объясняются внутриязыковыми и внешними факторами, которые чаще всего переплетаются, усиливая друг друга. Законы внутреннего развития языка – законы аналогии, экономии речевых средств, законы противоречий на уровне словообразования поддерживаются социальными причинами»[1]. Словообразовательные механизмы в литературном языке и народных говорах, безусловно, имеют множество схожих черт, отражая языковые законы национального языка, однако исключительно устная форма существования диалектов оказывает заметное влияние на результаты словообразовательных процессов, в этих диалектах протекающих.

В своем исследовании мы проводим анализ суффиксальных диалектных существительных в среднерусских говорах Тверского языкового региона. «Среднерусские говоры заслуживают особого внимания, так как они представляют собою диалектные объединения, сложившиеся в прошлом в результате интенсивных междиалектных контактов, а с другой стороны, в них отражаются динамические процессы, реализующие наиболее полно общерусские тенденции развития языковой системы русского языка»[2].

Предметом настоящего исследования являются особенности суффиксального словообразования имен существительных со значением лица в западных среднерусских акающих говорах Тверской области, в состав которых входят говоры восточной части Псковской группы (по линии Торопец-Пено) и Селигеро-Торжковские говоры, расположенные в центральной части Тверской области по линии Осташков-Торжок (с запада на восток) и Вышний Волочек-Ржев (с севера на юг).

Анализ современных диалектных дериватов в предлагаемой статье дается на материалах Тематического словаря говоров Тверской области, лексической картотеки Селигерского словаря

(СПбГУ), хрестоматий, в которых отражены тексты, записанные во время диалектологических экспедиций в районы Тверской области во второй половине XX в. Использованы также материалы, собранные автором и студентами ТвГУ в 2000-2007 гг.

Среди всех исследованных суффиксальных имен существительных (402 деривата) выделяются диалектные дериваты, мотивированные: 1) глаголами (181 единица); 2) именами существительными (123 единицы); 3) именами прилагательными (95 единиц); 4) именами числительными (3 единицы).

Суффиксальные дериваты отглагольного образования в современных говорах анализируемого региона являются наиболее многочисленными (по сравнению с дериватами отсубстантивного, отадъективного и отнумеративного образования) Группа данных дериватов состоит из 181 единицы, которые включаются в 19 словообразовательных типов, а также образуют 10 единичных производных слов с различными суффиксальными формантами. Отглагольные суффиксальные словообразовательные типы в современных западных среднерусских говорах Тверской области представлены следующими суффиксами:

-ø: *верезга* 'тот, кто верещит', *дрема* 'человек, любящий поспать', *education* 'человек с гладкой прической', *ляга* 'лежебока' и т.д. – всего 31 единица;

-ун: *бегун* 'пловец высокого класса', *болтун* 'жених, который идет жить в дом невесты', *грызун* 'тот, кто любит ругаться', *дерун* 'драчун' и т.д. – 19 единиц;

-к(а): *болтушка* 'женщина легкого поведения', *гуляшка* 'девушка, любящая веселье (шутл.)', *колдовка* 'колдунья', *куряшка* 'курящая женщина' и т.д. – 19 единиц;

-щик/-чик: *бильщик* 'забойщик свиней', *владельщик* 'владелец', *заводчик* 'рыбак, отводящий место для ловли', *обносчик* 'человек, который держит икону при обносе' и т.д. – 18 единиц;

-ух(а)/-их(а): *говоруха* 'болтливая женщина', *завируха* 'врун'; *лопотуха* 'болтунья', *таскуха* 'человек, толкающийся без дела' и т.д. – 18 единиц;

-л(а)/-л(о): *блудила* 'тот, кто не знает, чем заняться', *мазила* 'человек неопрятный', *обдирало* 'торговец, который назначает очень высокую цену за товар', *фыкала* 'плакса' и т.д. – 10 единиц;

-ник: *зарезник* 'преступник, который кого-нибудь зарезал', *дружник* 'ухажер', *носильник* 'почтальон', *скитник* 'скиталец' и т.д. – 9 единиц;

-иш/-ыш: *закутыш* 'тот, кто тепло одевается', *недоносыш* 'недоносок', *поскребыш* 'последний ребенок' и т.д. – всего 7 единиц;

-ох(а)/-ех(а): *барабоха* 'пустомеля', *ластеха* 'ласковая женщина', *пропивоха* 'пьяница' и т.д. – 6 единиц;

-уш(а)/-юш(а): *горюша* 'горемыка', *колотуша* 'болтливая женщина', *обируша* 'вор' и т.д. – 6 единиц;

-ок: *выдолбок* 'внебрачный ребенок', *выросток* 'подросток', *отрепок* 'неаккуратно одетый мужчина' и т.д. – 5 единиц;

-ень: *громоздень* 'тот, кто громоздится', *оборотень* 'хитрец (неодобр.)', *седень* 'человек, ничем не занимающийся' и т.д. – 5 единиц;

-ай: *облай* 'человек, часто ругающийся', *похлебай* 'любящий поесть за чужой счет', *прихожай* 'любитель ходить в гости' – 3 единицы;

-ах(а): *задираха* 'задира', *побираха* 'нищий', *подтираха* 'сиделка' – 3 единицы;

-тель: *гулятель* 'ухажер, кавалер', *залюбитель* 'однолюб', *сказитель* 'человек, сочиняющий сказки' – 3 единицы;

-н(я): *блудня* 'девица легкого поведения', *воркотня* 'ворчун', *сводня* 'женщина, которая занимается сводничеством' – 3 единицы;

-ец: *гноец* 'скряга', *прошелец* 'проходимец' – 2 единицы;

-ак: *лешак* 'человек, который лешит, размечает землю', *примак* 'муж, вошедший в дом жены' – 2 единицы;

-арь: *жихарь* 1) 'коренной житель'; 2) 'сожитель', *лындарь* 'лодырь' – 2 единицы;

-аг(а)/-яг(а): *висляга* 'девушка, которая виснет парням на шею (неодобр.)' – 1 единица;

-ач: *гребач* 'гребец' – 1 единица;

-с(а): *дракса* 'драчун' – 1 единица;

-ниц(а): *дружница* 1) 'подруга'; 2) 'любовница' – 1 единица;

-в(а): *дрыхва* 'соня' – 1 единица;

-онок/-енок: *любенок* 'любовник' – 1 единица;

-ур: *мазур* 'неопрятный человек' – 1 единица;

-ут(а): *мазута* 'грязный, неопрятный человек' – 1 единица;

-тух: *питух* 'любитель выпить (шутл.)' – 1 единица;

-оньк(а)/-еньк(а): *служенька* 'служанка (ласкат.)' – 1 единица.

Продуктивными словообразовательными типами в данной группе дериватов являются типы с суффиксами: нулевым (*дрем-øа* 'соня' ← дремать, *лось-ø*□ 'упитанный человек (неодобр.)' ← лосниться; *мел-øя* 'лгун' ← молоть); -ун (*бег-ун* 'пловец высокого класса' ← бегать; *вяк-ун* 'плакса' ← вякать; *брезгот-ун* 'тот, кто брезгочет' ← брезготать 'кричать, брюзжать, ворчать'; *грыз-ун* 'тот, кто часто ругается' ← грызться); -к(а) (*гуляш-к(а)* 'девушка, любящая веселье' ← гулять; *зубоскал-к(а)* 'насмешница' ← зубоскалить; *колдов-к(а)* 'колдунья' ← колдовать); -щик/-чик (*биль-щик* 'забойщик свиней' ← бить; *греб-щик* 'гребец' ← грести; *ко-силь-щик* 'косарь' ← косить); -ух(а)/-их(а) (*говор-ух(а)* 'болтливая женщина' ← говорить; *писк-ух(а)* 'женщина или девочка - плакса' ← пищать; *топот-ух(а)* 'суетливая женщина' ← топотать). Словообразовательные типы с суффиксами -л(а)/-л(о), -ник, -ыш, -уш(а), -ох(а)/-ех(а), -ень, -ок, -ай/-яй, -ах(а)/-ях(а), -тель, -н(я), -ак, -ец, -арь являются непродуктивными, суффиксы –аг(а)/-яг(а), -ач, -с(а), -ниц(а), -в(а), -онок/-енок, -ур, -ут(а), -тух, -оньк(а)/-еньк(а) оформляют единичные отглагольные наименования со значением лица в анализируемых говорах.

Следует отметить также, что различные словообразовательные типы имеют разное наполнение с точки зрения локализации употребления тех или иных дериватов со значением лица. Так, самый продуктивный тип, имеющий в качестве словообразовательного форманта нулевой суффикс, включает очень большое количество производных слов, зафиксированных в Торопецком районе, т.е. принадлежащих Псковской группе говоров (23 единицы из 31), и 1 лексема употребляется как в Торопецком, так и в Фировском районах. Также «псковским наполнением» по преимуществу отличаются словообразовательные типы с суффиксами -ух(а)/-их(а) (10 из 18), -л(а)/-л(о) (8 из 10), -ох(а)/-ех(а) (5 из 6), -ай/-яй (все 3 деривата, входящие в тип, зафиксированы в Торопецком районе), -н(я) (2 из 3). Наоборот, тип с суффиксальным формантом -к(а) является более продуктивным в Селигеро-Торжковских говорах (14 из 19). В остальных словообразовательных типах дериваты как первых, так и вторых указанных говоров распределяются примерно одинаково.

В целом для всех анализируемых современных дериватов характерно то, что производящими для них являются слова преимущественно литературные по сфере употребления (порядка 80%). Просторечные лексемы практически не выступают в качестве производящих слов, т.е. около 20% производящих являются диалектными.

Значительная часть производных слов с рассматриваемым значением характеризует человека по личностным качествам и свойствам (*ощеря* 'злобный человек', *лизун* 'ласковый ребенок', *трудяшка* 'трудолюбивый человек'), внешности (*релиза* 'человек с гладкой прической', *лупачка* 'женщина с глазами навыкате', *уморыш* 'худощавый, больной человек'), особенностям поведения (*барабоха* 'пустомеля', *шаркотуха* 'суетливая, быстрая женщина', *выдроглаз* 'человек, ведущий себя бойко и свободно'), однако в материале современных говоров присутствует и большое количество производных наименований лиц по характеру их деятельности, в частности, названия лиц по профессии или какой-либо профессиональной специализации. Данные наименования практически полностью сосредоточены в двух словообразовательных типах с суффиксальными формантами -щик/-чик и -ник (*бильщик* 'забойщик свиней', *бродильщик* 'тот, кто ловит рыбу бреднем', *заводчик* 'рыбак, отводящий место ловли', *зарезник* 'преступник, который кого-либо зарезал', *носильник* 'почтальон' и т.д.). Данное явление отражает литературную тенденцию: продуктивные в литературном языке словообразовательные типы с суффиксами -щик/-чик и -ник включают в себя большое количество дериватов со значением названия лица по характеру профессиональной деятельности[3].

Интересно также отметить, что многие из упомянутых дериватов с «профессиональным» значением являются названиями разновидностей рыбаков (по средству ловли, по периоду лова, по названиям рыбы и т.д.), что связано с местоположением территории говоров.

Практически все словообразовательные типы в отглагольном диалектном комплексе включают в себя экспрессивные наименования. В некоторых случаях все дериваты внутри типа является экспрессивными – в этом случае сам суффиксальный формант является экспрессивным (такими формантами являются суффиксы: -ух(а)/-их(а), -л(а)/-л(о), -ох(а)/-ех(а), -уш(а)/-юш(а), -ень, -ай,

-н(я), -ог(а)/-яг(а), -с(а), -в(а), -ур, -ут(а), -тух, -еньк(а)). Данные суффиксы также являются экспрессивными и в литературном языке. Традиционной чертой является то, что в большинстве своем экспрессивные наименования лиц несут отрицательную эмоциональную оценку, а положительно-оценочные наименования присутствуют в диалектном материале современных говоров в минимальном количестве.

Суффиксальные отсубстантивные производные существительные со значением лица в современных говорах рассматриваемого региона являются второй по численности группой после отглагольного образования с указанным значением: их насчитывается 123 единицы. Данные дериваты образуют два комплекса в зависимости от выражаемого ими типа словообразовательного значения. Первый комплекс составляют существительные, имеющие реляционный тип словообразовательного значения, второй – существительные с модификационным типом значения.

Численность данных комплексов практически совпадает (соответственно по 61 и 62 деривата в первом и втором комплексах).

Дериваты, выражающие реляционный тип словообразовательного значения, включаются в 6 словообразовательных типов и 10 единичных образований со следующими суффиксами:

-ник: *автобусник* 'водитель автобуса', *банник* 'банщик', *зайчатник* 'охотник на зайцев', *оборочник* 'рыбак, который ловит рыбу с помощью обора' и т.д. – всего 25 единиц;

-чик/-щик: *вешильщик* 'работник, ставящий в поле вехи для сеяльщиков', *запойщик* 'пьяница', *колунщик* 'тот, кто колет дрова', *костровщик* 'костровой' и т.д. – 15 единиц;

-ниц(а): *беседница* 'собеседница, гостья', *бюджетница* 'служащая сберкассы', *просвирница* 'женщина, которая пекла просвиры', *сестреница* 'двоюродная сестра' –
4 единицы;

-ик: *грибатик* 'плакса', *ершовик* 'рыбак, который ловит ершей', *косметик* 'строитель космических кораблей' – 3 единицы;

-Ø: *богаделØ*□ 'паломник', *требухØ*□ 'обжора' –
2 единицы;

-ец: *дубец* 'глупый человек', *фамилец* 'человек, принадлежащий определенной семье, родственник' – 2 единицы;

-аг(а)/-яг(а): *вояга* 'ветеран, старый солдат' – 1 единица;

-ыль: *горбыль* 'горбун' – 1 единица;

-ель: *дрожжель* 'толстая, рыхлая женщина '– 1 единица;
-ак/-як: *жиряк* 'толстый человек' – 1 единица;
-ач: *избач* 'работник избы-читальни' – 1 единица;
-щиц(а): *магазинщица* 'продавщица' – 1 единица;
-ист: *мазист* 'водитель грузовика МАЗ' – 1 единица;
-ень: *проказень* 'проказник, хулиган' – 1 единица;
-нец: *сестринец* 'племянник со стороны сестры' – 1 единица;
-ун: *силун* 'насильник' – 1 единица.

Продуктивными словообразовательными типами являются среди перечисленных типы с суффиксами -ник (*автобусник* 'водитель автобуса', *банник* 'банщик', *бутылочник* 'пьяница') и -щик/-чик (*вешильщик* 'работник, ставящий в поле вехи для сеяльщиков', *запойщик* 'пьяница', *кормовщик* 'рыбак, сидящий на корме лодки'. Весьма значимым признаком двух вышеуказанных словообразовательных типов является то, что они включают в себя большое количество производных слов-наимено-ваний по характеру их профессиональной деятельности либо – в более общем значении – по характеру привычных для них занятий (*автобусник* 'водитель автобуса', *зайчатник* 'охотник на зайцев', *корзиночник* 'мастер-корзинщик', *милостник* 'нищий', *ночешник* 'ночной сторож' и т.п.; *вешильщик* 'работник, ставящий в поле вехи для сеяльщиков', *зольщик* 'дорожный рабочий', *обметчик* 'рыбак, ловящий рыбу обметом' и т.п.), причем все наименования профессионалов либо лиц определенных занятий даются через соотношение с определенными предметами, которые необходимы и задействованы в той или иной сфере деятельности, иначе говоря, многие названия лиц в современных диалектах имеют предметную мотивацию.

Остальные суффиксы образуют непродуктивные типы (-ик, -ø, -ец, -ниц(а)) или включаются в единичные образования (-аг(а)/-яг(а), -ыль, -ель, -ак/-як, -ач, -щиц(а), -ист, -ень, -нец, -ун).

Подавляющее большинство анализируемых дериватов соотносится с литературными производящими словами (около 90%), и только малая часть (порядка 10%) дериватов имеет диалектные лексемы в качестве производящих, причем практически все они являются диалектными наименованиями орудий труда, преимущественно приспособлений для лова рыбы, и образуют дериваты со значением наименований лиц по профессии.

Немаловажной особенностью производящих является также то, что они в ряде случаев именуют реалии, относящиеся к периоду XX века, причем часто это «городские» реалии, не принадлежащие привычному крестьянскому миру, но при этом посвоему переосмысленные сельскими жителями – диалектоносителями, что находит отражение в чисто диалектных дериватах: *фотографщик* ‘фотограф’, *бюджетница* ‘служащая сберкассы’, *косметик* ‘строитель космических кораблей’, *магазинщица* ‘продавщица’, *мазист* ‘водитель грузовика МАЗ’. Очевидно, что малопонятные, заимствованные или аббревиатурные слова русифицируются в говорах за счет присоединения русских суффиксов, становясь, таким образом, более понятными, привычными.

С точки зрения локализации употребления рассматриваемых производных единиц, значительная их часть принадлежит Селигеро-Торжковским говорам, и малая часть употребляется в Псковских говорах, т.е. в Торопецком районе Тверской области.

Традиционно практически в каждом словообразовательном типе присутствуют экспрессивные производные слова (с суффиксами -ник, -щик/-чик, -ик, -ø, -аг(а)/-яг(а), -ель, -ак/-як, -ень). Экспрессивность может создаваться как путем использования экспрессивных суффиксов (-аг(а)/-яг(а): *вояга* ‘ветеран’), так и с помощью метафорической мотивации при создании деривата (*дубец* ‘глупый человек’, *дрожжель* ‘толстая, рыхлая женщина’, *жиряк* ‘толстый человек’). Последний способ является наиболее распространенным при образовании диалектных экспрессивов.

Имена существительные отсубстантивного образования, входящие в комплекс с модификационным типом словообразовательного значения, составляют 62 производных единицы и распределяются по 3 группам в зависимости от выражаемого ими вида модификационного значения: женскости (39 единиц), субъективной оценки (14 единиц), стилистической модификации (9 единиц).

Наиболее многочисленными являются дериваты с модификационным значением женскости: их насчитывается 39. Они представлены 5 словообразовательными типами и 3 единичными образованиями с суффиксами:

-иц(а): *грибница* ‘женщина, собирающая или продающая грибы’, *домовица* ‘домоседка’, *ободраница* ‘женщина - оборванка’, *полюбовница* ‘любовница’ – 12 единиц;

-к(а): *бадыванка* ‘нищенка’, *врачка* ‘женщина - врач’, *мазурка* ‘неопрятная женщина’, *чухонка* ‘эстонка’ – 12 единиц.

-ja: *едунья* ‘женщина, которая хорошо ест’, *лопотунья* ‘говорунья’, *поплясунья* ‘женщина, любящая плясать’, *форсунья* ‘бойкая женщина’ – 5 единиц;

-ø: *акушера* ‘акушерка’, *волхва* ‘колдунья’, *питуха* ‘женщина - пьяница’ – 3 единицы;

-ух(а): *брезготуха* ‘женщина, которая брезгочет’, *молчуха* ‘молчунья’ – 2 единицы;

-ниц(а): *мазурница* ‘неопрятная женщина’, *сказательница* ‘рассказчица’ – 2 единицы;

-ох(а)/ех(а): *жиреха* ‘толстуха’ – 1 единица;

-их(а): *молодиха* ‘женское соответствие к одобр. ‘молодéц’’ – 1 единица;

-ин(а): *монашина* ‘монашка’ – 1 единица.

В качестве производящих слов для современных дериватов со значением женскости анализируемого региона выступают по большей части диалектные лексемы, значительно реже – литературные, что отличает данные производные слова от глагольных и отсубстантивных дериватов реляционного типа словообразовательного значения. Данное явление объясняется тем, что сам по себе словообразовательный механизм, словообразовательный тип, по которому образуется женское диалектное наименование, как правило, является общенациональным, совпадает с литературным, и «диалектность» деривата формируется прежде всего в производящей основе, которая уже является диалектной по происхождению. Только в некоторых случаях диалектными являются наименования лиц женского пола, образованные от общенародных производящих: это происходит в тех случаях, когда в литературном языке не существует женского соответствия к наименованию лица мужского пола (например, *врачка* ‘женщина-врач’, *ухажерка* ‘девушка, проявляющая интерес к парню’) или женское наименование формируется по словообразовательному типу, отличному от литературного (*молчуха* ‘молчунья’, *акушера* ‘акушерка’).

Как и в других, уже проанализированных системах дериватов, большая часть современных производных слов со значением женскости принадлежит Селигеро-Торжковским говорам. Мень-

шая часть зафиксирована в Торопецком районе, т.е. в Псковских говорах Тверской области.

Комплексы производных имен существительных, имеющих модификационное значение субъективной оценки и стилистической модификации в анализируемых диалектах современного периода содержат почти одинаковое количество дериватов: соответственно 10 и 9. Данные значения выражаются довольно ограниченным набором суффиксальных формантов: для выражения субъективной оценки используется 4 суффикса, для выражения стилистической модификации – 7 суффиксов. Суффиксальные форманты следующие:

– значение субъективной оценки:

-к(а): *бабунька* 'одинокая, несчастная женщина', *бадывашка* 'пренебр. нищий', *дедка* 'отец', *свекрошка* 'свекровь' – 7 единиц;

-онок/-енок: *анделенок* 'ласковое обращение к ребенку', *дитенок* 'ребенок' – 4 единицы;

-ененок: *внучененок* 'ласкат.: внук' – 1 единица;

-ишк(а): *коммунистишка* 'презрит.: коммунист' – 1 единица;

-енк(а): *красуленка* 'красавица' – 1 единица.

– значение стилистической модификации:

-уг(а)/-аг(а): *девчуга* 'девчушка', *молодчуга* 'молодец', *мотяга* 'мот' – 3 единицы;

-ах(а): *бабаха* 'толстая женщина' – 1 единица;

-ух(а): *бабуха* 'толстая женщина (неодобр.)' – 1 единица;

-ахн(а): *девахна* 'девушка' – 1 единица;

-ун: *драксун* 'драчливый мальчик (неодобр.)' – 1 единица;

-ец: *космонавец* 'космонавт' – 1 единица;

-юг: *парнюг* 'парень' – 1 единица.

Преимущественное количество зафиксированных производных слов с указанными значениями являются современными, т.е. касаются реалий, актуальных именно для периода XX в.: *космонавец* 'космонавт', *коммунистишка* 'презрит.: коммунист'. Большинство дериватов, входящих в анализируемую систему, употребляются в Селигеро-Торжковских говорах. По причине выражаемого модификационного значения все дериваты анализируемых групп несут в себе экспрессивный оттенок значения. Интересно отметить, что среди данных дериватов довольно вели-

ко число тех экспрессивов, которые отличаются положительной оценочностью: *девчуга* 'девушка', *молодчуга* 'молодец', *бабунька* 'одинокая несчастная женщина', *вдовунька* 'уменьшит.-ласкат. от вдова', *красуленка* 'красавица' и т.п.

Суффиксальные дериваты отадъективного образования в современных говорах рассматриваемого языкового региона включаются в третью по численности группу после отглагольной и отсубстантивной. Группа данных дериватов состоит из 95 единиц, распределяющихся по 18 словообразовательным типам и 9 единичным образованиям с различными суффиксальными формантами. Отадъективные суффиксальные производные слова со значением лица в современных западных среднерусских говорах Тверской области представлены следующими суффиксами:

-ик: *базарник* 'болтун', *вольник* 'непослушный ребенок', *заядлик* 'увлекающийся человек', *издохлик* 'хилый, тщедушный человек' и т.д. – 26 единиц;

-ух(а): *кривуха* 'одноглазая женщина', *малуха* 'младшая дочь', *неживуха* 'медлительный человек', *проворнуха* 'очень проворная женщина' и т.д. – 8 единиц;

-ак/-як: *глушак* 'глухой человек', *кривляк* 'хромой человек', *серяк* 'необразованный человек', *худяк* 'плохой человек' – 5 единиц;

-к(а): *домашка* 'домохозяйка', *немка* 'немая женщина', *никудышка* 'неумеха', *повивалка* 'повивальная бабка' – 4 единицы;

-ø: *картава* 'картавый человек', *нелюда* 'нелюдимый человек', *ненасыть* 'обжора', *понура* 'хмурый, понурый человек' – 4 единицы;

-уг(а)/-юг(а): *голодяга* 'голодный человек', *малюга* 'малыш', *простяга* 'простой, непосредственный человек', *холостяга* 'холостяк' – 4 единицы;

-ен(а): *глупена* 'глупая женщина', *нежена* 'неженка', *нескладена* 'неуклюжий человек', *смирена* 'тихоня' – 4 единицы;

-ыш: *изморыш* 'недоросток', *немтыш* 'немой', *поганыш* 'бранное слово в адрес ребенка', *приемыш* 'молодой зять, вошедший в дом жены' – 4 единицы;

-иц(а): *ломовица* 'грузная женщина с большой ношей', *молодица* 'замужняя женщина до первой беременности', *неурядица* 'неряха' – 3 единицы;

-их(а): *нескладиха* 'нескладная женщина', *худиха* 'бесстыдница', *чудиха* 'женщина со странностями' – 3 единицы;

-ень: *жадень* 'жадный, алчный человек', *нежень* 'неженка', *нескладень* 'нескладный человек' – 3 единицы;

-ец: *любимец* 'любовник', *малец* 'мальчик, парень', *немец* 'немой человек' – 3 единицы;

-ач: *космач* 'человек с растрепанными волосами', *левач* 'левша', *лохмач* 'лохматый человек' – 3 единицы;

-уш(а): *горбуша* 'горбатый человек', *дикуша* 'необщительный человек', *мокруша* 'неряшливо одетая женщина' – 3 единицы;

-ок: *недоступок* 'недотепа', *некрещенок* 'некрещеный человек', *совершеннолеток* 'достигший совершеннолетия' – 3 единицы;

-ох(а)/-ех(а): *гладеха* 'здоровая, румяная женщина', *толстеха* 'толстая женщина' – 2 единицы;

-ул(я): *кривуля* 'хромой человек', *красуля* 'красавица' – 2 единицы;

-иш(а): *глупиша* 'дурачок, дурочка', *нескладиша* 'человек нескладный, негармонично сложенный' – 2 единицы;

-ник: *бесстыжник* 'бессовестный, нахальный человек' – 1 единица;

-инк(а): *визглинка* 'визгливая, крикливая женщина' – 1 единица;

-ушк(а)/-юшк(а): *глупинюшка* 'дурачок, дурочка' – 1 единица;

-н(я): *глушня* 'глухой человек' – 1 единица;

-ин(а): *грубятина* 'грубый человек' – 1 единица;

-ах(а): *домаха* 'домохозяйка' – 1 единица;

-уш: *доровуш* 'большой, здоровый мужчина' – 1 единица;

-ун(я): *кривуня* 'хромой человек' – 1 единица;

-яв(а): *малява* 'кроха' – 1 единица.

Единственным продуктивным словообразовательным типом среди указанных выше типов является тип с суффиксальным формантом -ик – он является также наиболее продуктивным в ряду отадъективных словообразовательных типов и в литературном языке. Остальные типы являются непродуктивными и, по большей части, весьма малочисленными. С точки зрения локализации употребления рассматриваемых языковых единиц большая часть их принадлежит Селигеро-Торжковским говорам (50 дериватов), однако часть торопецких дериватов немногим меньше (42 деривата).

3 деривата употребляются на территориях как одних, так и других говоров.

Необходимо отметить, что производящими для большинства современных отадъективных имен существительных со значением лица являются слова преимущественно литературные по сфере употребления (около 90%). Остальные 10% составляют диалектные лексемы, поскольку просторечные производящие не участвуют в образовании анализируемых дериватов.

Как и в описанных отглагольной и отсубстантивной группах производных наименований лиц, большинство дериватов в анализируемой группе являются названиями человека по внешним признакам (*издохлик* 'худой, тщедушный человек', *кривуха* 'одноглазая женщина', *космач* 'человек с растрепанными волосами'), личностным качествам, свойствам (*малодушник* 'нерешительный человек'), привычкам (*чудиха* 'женщина со странностями', *вольник* 'непослушный ребенок', *заядлик* 'увлекающийся человек'). В данной группе дериватов присутствует всего лишь 3 производных слова со значением «название лица по профессии»: *летник* 'рыбак, промышляющий летом', *подледник* 'рыболов, который ловит рыбу только зимой', *большак* 'старший рыбак'.

Практически в каждом из словообразовательных типов присутствуют экспрессивные дериваты как с положительной эмоционально-оценочной окраской (*малюга* 'малыш', *гладеха* 'здоровая, румяная женщина', *глупинюшка* 'дурачок, дурочка'), так и с отрицательной (*базарник* 'болтун', *неживуха* 'медлительный человек', *серяк* 'необразованный человек'), причем последних традиционно больше.

В современной системе говоров анализируемой территории обнаружено 3 деривата отнумеративного образования с суффиксами -еныш (*двоеныш* 'один ребенок из двойни или тройни'), -к(а) (*двояшка* 'двойняшка') и -ец (*одинец* 'единственный сын в семье').

Современные отнумеративы полностью принадлежат Селигеро-Торжковским говорам, являются наименованиями лиц по семейному статусу. Два из трех анализируемых дериватов практически совпадают по своему значению (*двоеныш* 'один ребенок из двойни или тройни' и *двояшка* 'двойняшка') и имеют общее производящее слово 'двое'. Анализируемые отнумеративные дериваты не являются экспрессивами.

Наблюдения за живой тверской диалектной речью последних одного-двух десятилетий свидетельствуют о том, что класс существительных со значением лица в современных диалектах утрачивает свое лексико-семанти-ческое многообразие, частотность употребления рассмотренных наименований значительно сократилась, однако разнообразие внутренней формы в суффиксальных наименованиях позволяет утверждать, что диалектное словообразование до сих пор является весьма активным механизмом, способным оказывать влияние на словообразовательную систему национального языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Новикова Л.Н. Некоторые особенности современного состояния словообразовательной системы тверских говоров // Проблемы динамики среднерусских говоров. Тверь, 2001. С. 98.

2. Проблемы динамики среднерусских говоров. Тверь, 2001. С. 3.

3. Продуктивность литературных словообразовательных типов дается по соотношению с описанием в «Русской грамматике» (Т. 1. М., 1980).

СОДЕРЖАНИЕ

Научное издание

ТВЕРСКИЕ ГОВОРЫ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Технический редактор Л.В. Иванова

Подписано в печать 30. 11. 2008
Формат 60x84 1/16 Усл. печ. л. 7,8 Тираж 100 экз. Заказ 375.

Отпечатано в издательстве «Тверская усадьба»
г. Тверь, бульв. Радищева, д. 33/35.

